

*Серия СОСУД БЕЗЗАКОНИЙ является совместным проектом KOLONNA publications и издательства МИТИН ЖУРНАЛ*



МИТИН ЖУРНАЛ  
KOLONNA PUBLICATIONS

© Георгий Осипов, 2003  
© Митин Журнал, 2003  
© KOLONNA Publications, 2003

ISBN

Дизайн обложки: В. Казак  
Макетирование: Е. Антонова  
Руководство изданием: Д. Боченков

KOLONNA Publications (ООО «Фирма «Колонна»),  
а/я 24048, Тверь, 170024, Россия  
e-mail: kolonna@kolonna.org  
www.mitin.com/kolonna

георгий  
ОСИПОВ

DRACULA A.D.1972

*You talk the books away.  
Why don't you write one.*

## ТОВАР ДЛЯ РОТШИЛЬДА

*рассказы*

Вечерний двор был похож на шлюз, из которого ушла вся вода. Высокие, посаженные сразу после войны тополя не отбрасывали теней. Свет давали только узкие, готического вида оконца, задуманные пленными немцами, в плену построившими этот пятиэтажный дом, мрачный и длинный, с давно заколоченными сквозными подъездами. Луна в прямоугольнике, точно темно-синим бархатом обшитого неба, больше напоминала своей окружностью люк в подземелье, или обложку альбома «E pluribus funk», нежели небесное тело. На агитплощадке виднелась скамейка, железный стол для кинопроектора в десяти шагах от белой стены трансформаторной будки, где лемуры прежних лет развешивали гирлянды подбитых воробьев, а случалось и кошку. Рогатка и ловля помойных крыс были украшением охотничьих сезонов. Там же торчал вкопанный прямо в землю лекторский попитр. С улиц, что тянутся по ту сторону дома, ветер доносил временами запах осенних костров из мертвой листвы – липовой и тополиной.

На крохотном столике чуть поодаль от агитплощадки, за которым никто не играл ни в карты, ни в домино, сидели два восьмиклассника; третий – по фамилии Кунц стоял одной ногой на лавочке и прикуривал, освещая быстро гаснущими спичками свои бакенбарды. Он был старше их на год и уже поступил в бакланство, потому, что не захотел идти в девятый класс. Баки, да еще кепка из отдела головных уборов, делали его похожим на сыщика Томина из телесериала «Следствие ведут знатоки». Длинные волосы в этом дворе по-настоящему никто никогда не носил. Точно смолоду опасались прослыть не теми, кем им хотелось бы. Одни вокально-инструментальные ансамбли, посещающие

Мотор-сити с гастроями, настойчиво давали понять, что «все относительно, а значит все дозволено», когда отлабав концерт с залитованным репертуаром, и с зачесанными за уши патлами, появлялись из служебного входа в джинсовых плащах и очках «капля», как у Элвиса, которому электрический свет причинил боль.

«Прокатилась дурная слава, что похабник я... и вафлист», – последнее модное слово Азиян произносил скорбно, как Евтушенко произносит «насилует лабазник мать мою» в своей поэме «Бабий Яр». Только вряд ли композитор-солидол типа Шостаковича пожелает написать музыку для мелодекламации Азияна. Лемуры этого двора, стар и млад, болезненно опасались дурной славы. Боялись показаться гомозротами, или прослыть тунейдцами. И это, как и все, чем бывают нарочито увлечены несовершеннолетние, выглядело подозрительно.

Единственная собака – доберман начальника Белозерова, купленная следом за издохшим от чумки и закопанным прямо под балконом Мальчиком не бегала в этот час по двору. Было «слишком поздно», или «слишком рано», как рассуждает циничная и властная, но не надо всем на свете, антигероиня актрисы детективной истории «Круг». В комнате, где она это делает вслух, на стене висят семь жокейских хлыстов, на столе стоит графин с крысиным ядом, а в темном ящике комода тоже стоит – он всегда стоит, малютка Микки-Маус с большим бриллиантом в полном животе. Дама (она немного похожа на Джоан Кроуфорд) получила бриллиант от Масюлиса (который тоже иногда напоминает Азияна) в обмен на краденый морфий. И когда ящик будет выдвинут, Микки Маус не зажмурит своих мышьяных глаз. Смотреть не моргая могут одни орлы и куклы.

Ряд гаражей, что высились над землей приблизительно на одинаковом уровне, но обладали различной глубиной подземельями, также был полностью погружен в сумрак. Никто не ез-

6

помнить. Чтобы вспоминать потом все реже и реже, но уже до гробовой доски.

Пишут с радиоточки «Музыкальный глобус», «На всех широтах». У кого есть «VEF» или «Океан» – тот катает с «Голоса» передачи Юрия Осмоловского и Маши Сухановой. На школьную пленку. Потому что она в два раза дешевле нормальной. Наиболее наивные жмакают микрофон-мыльницу в первых рядах кинозалов, где привычно воняют носками, скинув коры и вытянув ноги бухарики. А с экрана льется голос Ободзы, поющий «Стервятника» в «Золоте Маккены». Пишут и другое, – почти все, в чем есть «Ионика» и ритм можно слушать больше одного раза. Бесплатно не записывают только похоронные оркестры да смотры самодеятельности. Лемуры – очень экономные люди. Любая поверхность, способная отражать звук, буквально промаслена поп-музыкой.

Азиян вымучил за порнографию (редкий случай, когда агент 220 что-то получил, а не пожертвовал за порно) у Миши-Казачка «Nazareth» без конверта – видимо нокаут был так глубок, что пальцы жертвы не удалось разжать, и конверт пришлось оставить – Мишины мальчики, как обычно, хотели только «посмотреть состояние». Шульц забормотал: «Надо перебросить». Азиян потребовал две бутылки «Наддніпряньського», Шульц согласился, он был туповат и не разглядел коварства. Последняя вещь – монотонная и нудная заела и писалась почти двадцать минут. Шульц понял это только в следующую субботу. Пьеса имела название «Please don't judas me!» Азиян не без содействия Акцента, перевел это, как «Пожалуйста, не делай из меня жид!» Шульц поверил, ему, как выражается Нападающий, «мерзко стало», и стер оскорбительный шепот, и без того несмолкающий за левым плечом каждого jude в нерповой фуражке.

Лемуры очень экономные люди. В отличии от иностранцев, по слухам пользующихся после пляжа душем, представите-

8

дил. Никто не колупался внутри. Было «слишком поздно», или «слишком рано». Даже скрюченные, необновляемые ворота, были полусдвинуты, точно ноги восьмиклассницы, присевшей, чтобы съесть, покуда не растаял, свой пломбир, напротив вечного огня. Через эти ворота, случается, въезжают сигналя нечастые свадьбы, и вырывают по пути к Первомайскому кладбищу менее редкие катафалки. И если в кабаках играют для живых, то известный жмуриков Гиря напущает новоорлеанским джазом покойников. На деньги скорбящих родственников.

В летнем кинотеатре завязали показывать фильмы. Последним прошел «Сезон любви». Уже нафталин. Когда-то тема отсюда была номер один; японский поп «Каникулы любви», «Золотой ключик» в исполнении Миансаровой приятно разнообразил меню пляжных транзисторов. С этой недели висит уже только одна афиша – та, где «сегодня», а на месте той, где «скоро» зияет квадрат кирпичной стены. Железные двери входа и выходов теперь будут задрены до весны; до самого апрельского колдовства, открывающего двери летних кинотеатров, пока жива Империя, и не проржавел от тлетворного дыхания Запада Железный Занавес. А до той поры – смотрите по телевизору «Тайну железной двери», за которой хранятся волшебные спички. На каменном заборе, попасть за который стоит двадцать копеек, больше не сидят экономные лемуры, любители посмотреть кино бесплатно.

В это хмурое время лемуры, вероятно, экономят на чем-то ином. Кроме, конечно, сигарет и «муляки». Возможно, записывают себе музыку не с «пластов», не с «первой иглы», а может даже и не с бобин, а просто с телика. Оттуда можно перебраться, допустим, Сопотский фестиваль, или конкурс «Золотой Орфей», «Арт-лото», или Песню-74. Но поворот головы и тревожный взгляд Геннадия Белова на дирижера Силантьева, при исполнении «Дроздов» – не запишешь. Его можно только за-

7

ли народности «за що» моются прямо в Азовском море. Правда иностранцы тоже должны на чем-то экономить, кроме субсидий «Голосу Америки», где время от времени звучат стихи какого-то Ивана Елагина и песни братьев Озмонд. В том числе и «Длинноволосый любовник из Ливерпуля», под которую недавно катался один фигурист. Ее поет самый младший из братьев – Яшенька Озмонд. Ему всего девять лет, но имя его знают в Карачи, Владивостоке, Запорожье и Баку – уж там-то в первую очередь. Тоже видимо кто-то успел перебросить на пленку, если у него в телевизоре проделано фабричное очко – выход для записи. Очко?! Гнездо!

Да, лемуры очень экономные люди. Опять же недавно один из них старательно так, издали, намеками давал понять, что Ротару поет ничуть не хуже Carpenters. Сходство и в самом деле есть, никто не отрицает, но ему просто переплачивать за Carpenters не хочется. Наступит время, и даже Ротару на гастролях начнет казаться мучительно дорогостоящей. Тогда из пены Азовского моря ему навстречу, раскинув болотные руки, словно говоря: «ну что тут поделаешь!», выйдет мара-утопленница (хотя утопили ее не в Бердянске, а рядом здесь рядом – в Гандоновке) с бычком во рту. Разинет его, выронив рыбку, и скажет: «А я тебе не София?.. А я тебе не Мадонна?.. Не Ева Браун?..» Лемур наверняка оценит ее glamour. И она будет петь для него бесплатно – когда набухают. Вылизывая своим языком полурасулки его полуобезьяны уши. Потому что выкраивать можно на всем, кроме сигарет и вина – «муляки». На кофе тоже нельзя. Шоб банка мне тут стояла! Лемуры, несмотря на победу в последней мировой войне, очень экономные люди – так говорил про них еще Пиндар, или люди – это очень экономные лемуры.

Учебный год... К нему начинаешь привыкать, и приветствуешь хмурые осенние дни и мрачные вечера. Абсолютный Эдгар По. В кабаках наверно тепло, но неудобно. Из троих

9

пассажира дворового столика, по-настоящему в кабаке не бывал никто, даже днем и с предками. Ни отпускающий усики, экономный модник Короленко, ни рыхловатый, похожий на Маяковского и Басилашвили, полукровка Мертвоглядов-Мертвоглы, ни даже, вернее тем более, кадет профтехучилища, Саша Кунц, средний из трех братьев, ни капли не похожих друг на друга. Один бас-гитарист Зэлк любит вспоминать, как ему подавали помидоры с тертым сыром. Кстат, директор бакланства, куда воткнул свой рабочий копчик Кунц – никто иной, как мутнейший папа «Армянского Карузо».

В дворовом воздухе стоял беспокойный, подстать темноте холодок, который так просто не уйдет. Погода располагала к соответственным поступкам. Когда пропадает вдруг из архива картотека осведомителей гестапо, а следом за ней начинают исчезать и перенесшие оккупацию свидетели. Возвращение агента Бережного. Волки прошли мостом Преображенского и распотрошили его могилу в ночь Дня всех Святых. Elvis regtessa, как успели отметить на Кубе еще в шестидесятом году. Преступник оставляет след, легко заметный в минувшем, но он безнадежно теряется в мареве грядущего. Будущее – не место для возмездия. На это способны уповать одни овечьи мозги жертв.

Тех, кому посчастливилось привлечь внимание к своей особе пестрым и крикливым летом, с наступлением более строгого сезона начинают посещать нехорошие опасения.

Погода располагала к риску и жестокости, сулила аскетичную безнаказанность. О ней можно было бы сказать словами Азияна, потому что никто не скажет лучше:

Осень настала,  
лето пердеть перестало...

Из подъезда, освещенного лампочкой, не тронутой суверенными хулиганами вышел во внешние сумерки высокий подросток. Он был одет в румынский плащ цвета какао. В его походке,

10

сверкала, когда Вовка Фирер впервые вынимал его из газеты с памфлетом «Путь предательства». Про Солженицына.

И все. Как выражается Тьква – «сон улетучился». Тяжелые и тупые тапиры, и дочери советских офицеров быстрее выучат, кто такой Рильке, чем станут сберегать ценные фото и сведения об Адамо или Мэри Хопкин. Их уж и не помнит толком никто. Они, с определенного возраста, все якобы сами себе Адамо, побирушки несчастные. И Мэри Хопкин ихних мы видели – несмотря на две вечно разинутые глотки – upthere, downthere – петь не умеют совершенно. Фальшивят даже свою заветную молитву: «Приди ко мне, я одарю тебя слюной, моною, потом, и отцовскою улыбкой».

– Таково было содержание «Рор»...

– Шо ви сказали?

– Поп!

– Срака... (поразмыслив) Там, блядь, не срака, а унитаз. Очко! – драматургия Азияна без искажений и прикрас.

Трифонов – старик в коричневой сорочке, с лошадиным лицом, и глазами человека, который в молодости перенес ампутацию, чувствовал себя плохо. Несмотря на жертвы и подвиги. Что жертвы! Если бы им сберегли жизнь, то у таблоидов с нипелями и яйцами тиражи были бы на пару миллионов больше, а у газетины с намеком на свастику прибавилось бы сотни две читателей из числа свиней и лис. Трифонов явно догадывался о чем-то таком, чего так и не понял немецкий болван, простреливший ему ногу тридцать лет назад. Старый чертежник видел, чьи чувствительные к поцелуям шкуры он спас, и куда эти шкуры друженько в последнее время засобирались. Ага! Похожий на Алека Гиннеса учитель рисования почти не чудил, он вообще последнее время чудил мало. С пришествием на эстраду нового поколения сатириков смех был незаметно превращен в обязанность.

12

в том, как он дрыгал при ходьбе коленками, было нечто музыкально-гротескное. В руке у него было мусорное ведро – он направлялся к помойке.

«Мертвоглядов, – отметил он, искоса приглядываясь, – Так... и Кунц».

Кунц... Какова причина... Почему Кунц, но не этот, дворовой, а одноклассник, позавчера у протезного Трифонова... Шел урок черчения, Гарриман сидел параллельно Кунцу и Тькве, за предпоследней партой и показывал Ане Малкут, по прозвищу, естественно, Малкина старый, потрепанный выпуск немецкого журналистика «Рор».

По мере того, как в иллюстрациях наводили шмон, цена издания падала, и Гарри в конце концов срубил его у Толи Седовца, кажется за пятеру. Там были девочки – Тамара, Роза, Рая, точнее – Марша Хант, Мэри Хопкин и стриженная под мальчика Тара Кинг. Давно сгинуло кому-то под стекло цветное, на две страницы фото – битлзы, как те «усатые грузины, что ждут давным-давно» сидят в комнате, и видно, что смеются над новейшей протезе Маккартни рыжеволосой Мэри Хопкин. Большая статья «Der aggressive rock» – три образчика: самая громкая группа Blue cheer, самая радикальная Dave Peel & The Lower eastside, и самая свирепая MC 5. Герой репортажа в цвете был похожий на чурку Питер Сарстэд, автор шлягеров «Я – собор» и «Моя обезьянка – джанки». Календарь-биография «нежного садовника любви» (так его окрестил Жак Брель) Адамо. Страничка, посвященная группе Steppenwolf. Европейская психоакустика в лице Krokodil, цыганский хардрок на три рыла, детище братьев Гурвиц группа Gun. Остальное успели повыдергивать те, в чьих руках журналистик успел побывать до того, как попал в портфель Толи Седовца, который симпатизирует Азияну, хотя они вместе и не лежали. Навели шмон, а когда-то это был толстый и сочный, как бифштекс с кровью, номер. Обложка еще

11

Урок протекал спокойно. Вдруг Кунц и Тьква синхронно, точно эрекция в кривом зеркале, повскакали со стульев и обменялись ударами по хавальнику, от которых их полдетские личики, и без того румяные, раскраснелись еще больше. Тьква нанес только два, а Кунц успел ебнуть три раза. Он послал Тькву в моральный нокаут. Тьква схватился за фэйс; до мутации черепного лба – его еще можно было закрыть двумя растопыренными пятернями, рухнул обратно на сраку, сложил на парте руки и пустил слезу, при этом его плечи шевелились, как у наркокурьера Лорри Мура в кинофильме «Попутного ветра, Синяя Птица!»

«Плачет!», – злорадно прошелестели дети. Возможно, Гарриману это и померещилось, он был чересчур взволнован развитием Ани, которая с каждым учебным годом делалась все приятней и понятнее – ее острым чувственным носом, пунцовыми щеками, пушистыми ресницами и блеском густых волос без намека на афро-кучери... Но! Пуговичная, не хипсовая мотня Тьквиных штанов была растегнута! А Кунц не скрывает, что регулярно «подсекает» за купанием своей жирной сестры. Живет он не настолько далеко, чтобы полениться растлить нарцисса Тькву. Практически на одной площадке.

«Да-а! Кунц, Шульц энд яйца», – усмехается Гарриман, хлопая ладонью по днищу ведра, чтобы вывалилась прокладка из газеты. Он тотчас же вспоминает эластик Аниной жопки, и ему очень хочется одевать Аню, как заправскую глэм-куколку Мэри Озмонд, zum beispiel. Но ради этого необходимо набрать столько инстанций! Правительство УССР – раз, клиентуру КПБ – два, а оно вон, под боком. Красногвардейская, 33.

– Это здание давно пора на хуй снести! – выпалил однажды на весь вагон подверженный амоку бес поэзии Азиян.

«Где деньги взять»... – успел пропеть по-русски слова песни «Леди Мадонна» Эмиль Горовец, прежде чем юркнуть в люк

13

на Запад. Будем надеяться, что шелк его шестиугольного парашюта будет достаточно крепок, чтобы обеспечить тенору мягкую посадку в свободном мире. Обычно об этом певце отзываются скупой и пренебрежительно, и такое отношение как-то не сходится с запыленными до седины его пластинками: семь-восемь лет назад они были музыкой гулянок номер один. Горовца, на что бы он ни покушался – «A hard day's night» битлзов, или еврейскую песню «Кузина», – не спутаешь ни с кем! Почему-то этого уникального певца никто по-настоящему не ценил, и вспоминают исключительно в связи с какими-то подозрительно одинаковыми сведениями о судьбе советских граждан в эмиграции. Этот повесился. Та поет в сомнительном кабаке. А инюр-коллегия, тем временем, обращается через газету «Известия» к «родственникам Михаила Жидовника, умершего в Монреале, матерью которого была Маргарита Олияр».

Впрочем те, кто только и делают, что кривятся и отмахиваются, когда им втолковывают, что основная задача западной демократии, это избавление от уголовной ответственности наиболее выраженных особей двух меньшинств – расового и сексуального, не оценят «Кузину», пока авианосец с таким названием не опрыскает поросычье мочой под газом их огороды.

Подойду вон к тем животным – они, правда, хуй поют, и неизвестно когда повесятся, или эмигрируют за ширму для жидов и питуриков. Народец «защо» упрям, недоверчив, мелочен и склонен к истерике, особенно если потрогать, а потом сделать больно его яйцам на уроке черчения. «Чертеж – язык техники» – недаром сказал Ильич.

Аня похожа на Джильолу Чинкветти. Песню этой цветущей итальянки, с коротким названием «Si» можно услышать в эфире каждые два-три часа. По- немецки и по-французски в придачу.

14

и талмудам по семиотике. Хрущева ненавидят, до сего времени можно подслушать и выучить частушки типа:

Ты выходишь на орбиту – захвати с собой Никиту  
И на радость всей стране за хер выбрось, на Луне.

Или:

На мосту лежит гитара, а на ней написано –  
Под мостом ебут Хрущева, пидораса лысого.

Так в чем же именно Гарриман свой хлеб увидал? Да в том, что они, возможно, пожелают переписать концерт Тины и Айка, как нечто наподобие секс-музыки. Где-то рубля по два, потому что это будет уже с ленты, а не с пласта. Однако, вероятность такого гусарства со стороны этих скучных типов была так иллюзорна, словно брызги сиропа на мороженом. Призрачна, как вон тот опустевший скворечник, приколоченный к стволу тополя, и поднявшийся вместе с ростом дерева до готических окон четвертого этажа, где время от времени возникает хитчкоковский силуэт Лифаря, собирателя порно.

– Ну! Шо я тебе говорил! – торжествует Короленко, по прозвищу Кору, и прыгнув со стола начинает ходить вокруг Мертвоглядова, пританцовывая, словно артропод-богомол. Но вскоре Мертвоглядова осеняет – он, дергая головой, точно это лягушачья лапка под током, придвигает вплотную к Гарриману свое в крупных бусинах лицо амфибии-полукровки, спрашивает срывающимся голосом:

– Сколько? Сколько она это делает?

«Блядь, таким тоном разговаривают одни москвичи», отмечает Гарриман, и отстраняясь от царства мертвоглядовских очей и губ, спокойно отвечает:

– Что значит «сколько»? Ну есть там такой момент в одном месте, правда сама вещь довольно длинная – «I've been loving you too long», минут семь с половиной.

Дурной сон надо залить. Анины соски надо лизнуть. Из всех Роллингов, Гарриман выяснял, ей нравится Брайен Джонс. Поприветится и это. Должна оценить. Вопрос – где и когда?

«Вот Кунц – плод вожделения тех, кто на заводе, косточка у него рабочая, а вот Мертвоглядов, сын культурных родителей – тех, что знают, под какую вазу какую салфетку можно, а под какую нельзя», – бормочет Гарриман. Он без энтузиазма приближается к столу, воткнутому в почву, точно квадратный зонтик ненормального. Интересно, какие морские коньки плавают в перекошенных банках их голов?

– О-о, Гарри! – двусмысленно приветствует появление четвертого всадника Апокалипсиса знаменитый пиздострадатель Короленко, – сейчас ты подтвердишь!

– Шо именно я должен подтвердить? – озабоченно спрашивает Гарриман, но ставит выдавшее виды цинковое ведро на скамейку, рядом с ногою Кунца, обутой в советский башмак на небольшой платформе.

– Шо у тебя есть запись, где негритянка сосет у гитариста прямо на сцене! – взволнованно уточняет Короленко, вытягивая из коричневого трикотажа горло с кадыком. Судя по тому, как он возбужден, либо у него, как выражаются в брошюрах, эрекция, либо здесь пахнет пари.

– Есть такая. Это Айка и Тина Тернер, – Гарриман не брешет, потому что видит в интересе этого мыслящего пролетария свой хлеб, а вернее, его четкую фата моргану.

Лемуры – экономный народец. Бережливость у них в жилах – тех, что подобно дикому винограду опутывают ихние хуйки, аршинные шеи, цепкие, будто на шарнирах, ручищи работяг и рыболовов. Экономность попала в кровь лемуров с военных лет, с послевоенного дефицита, позорной оттепели Хрущева, когда они давились пирожками с горохом, а поспешно реабилитированные вредители перли в Москву к своим каминам

15

«And the forest shall echo with laughter», – напоминает Гарриман фразу, что долетела до его острых ушей вон из того окна, закрытого в ту пору листвою тополиных верхушек. На подоконнике стоял «Днепр-14». Теперь, когда ветви оголены, видно, что за окном нет ничего волшебного, даже свет не горит, но фраза все равно бывает слышна. Она отпечаталась в его памяти потому, что он услышал ее именно оттуда, как будто десять тысяч лет назад. Каким был этот край в те времена?.. В той квартире живет альпинист Финштейн, ему по возрасту полагается любить Лед Зешпелин.

– Идиот! – подлетает к Гарриману Короленко, и со злобой хлопает его ладонью в бок. – Я ж ему сказал, что восемьдесят!

– Так долго, Кору, диски не играют, – парирует, занятый воспоминанием о «Лестнице в небо» Гарриман, – Даже если там сосут. Он достает из плаща сигарету «Флуераш» и закуривает ее от спички.

В полуденном зное бесконечных и безрадостных летних каникул, в обезлюдевшем на воскресенье дворе – «And the forest shall echo with laughter».

От этого безлюдия и собственного малолетства на него, случилось, нападало такое отчаяние, такая пустота, что он мог сидеть, точно контуженный немец возле своего танка, без мыслей, без слов. К счастью, с годами это прошло, и мысль о том, что похожее состояние мучит кого-то помладше не порождает в его душе сострадания.

– А фо, и американские не играют? – подает голос далекий от поп-музыки Кунц, знающий только Дина Риду. Только потому, что нетипичный американец снялся на цветные фото для еженедельника «Украина», с шестьюрублевой гитаркой в ухоженных руках. Вместо «ш» Кунц произносит «ф» – «а фо?»

– И американские, Саня, – говорит Гарри, выпускает почти невидимый дым своей первой за день сигареты. – А под шо вы спорили?

16

17

Короленко стреляет озорными глазками – копия Голохвостый, из комедии «За двумя зайцами»: «Под две бутылочки «Котнари». Здесь бы их и раздушили».

Два раза по 3.40 – это 6.80, сложил в уме Гарриман. Да. Жаль. Это стоит. Заранее надо договариваться.

Короленко действительно похож на двух популярных артистов кино – Борисова и Бурляева. Но он выше ростом их обоих. Короленко мечтает о карьере официанта, и возможно, за годы хождения с подносами, каркас его мумии и подсядет, а пока что – он выше.

В телефильме «Кража» играют оба, причем, если Борисов не великан, то Коля Бурляев попросту лилипут, не крупнее Джеймса Брауна. Впрочем, не считая последних четырех слов, все это мнение не Гарримана. Он полностью его подслушал из разговора двух баб с выщипанными бровями – на именинах у Кузины. Если честно, Гарриман вообще не имеет понятия, как выглядят и Бурляев, и Борисов, зато фоток Джеймса Брауна – их есть у него! О нем можно определенно сказать, что он готов повесить на стенку портрет негра. Что среди лемуров в, общем-то, не принято. Возможно, поэтому все его прозвища нарочито американские: Гарриман, Трумэн, и новейшее – Джипси Джокер.

Джипси Джокер озабоченно смотрит в проем между домами, тот, что выходит прямо на проспект. В кармане румынского плаща... Покупку плаща ему навязал Зэлк-басист. Своим бурчанием: «Когда ты уже прекратишь тягать этот жидовский самопал?». Он имел в виду нормальный черный куртец из phoneyleather, купленный Джокером по дешевке – всего за пару чирикманов у Якова. Яков – вылитый Гарри Зэйн, бас-гитарист группы Урия Гипп. Похож и паглами, и грустными глазами. Зэйн, говорят, ушел недавно в мир иной. Толи током ебануло, толи тут снова замешаны наркотики. Без них на Западе не может обойтись не один фраер. Плюс, если здесь, у нас, среди славян, мол-

18

выпускает дым в сторону манекенов за витриной универсама. Где-то там находится логово Виктории Слюсар. Some dish. Один дядя в Канаде, другой в Австралии. Третий дядя погиб под Сталинградом. Говорят, что рядом с домом сержанта Павлова, подхватили его арийскую душу валькирии... Виктория буквально дымитесь шиком и богохульством. Диски, связи, нетипичный для советских девушек деловитый сексапил. Не наш человек.

И в табачное облако, точно психоделическое видение мурзы, вкатывает кремовый мерседес-бенц 30-х годов. С некоторых пор он стал появляться, словно призрак замка Моррисвилль, на проспекте Мотор-сити. Настоящая старая модель. For ladies only.

Гарриман знает этих фраеров. Они все одного с Зэлком года, работают под богему, то есть под хуйлыгу из повести Альбера Камюса «Посторонний». Которым у нас вход якобы воспрещен, а в действительности фарцуют джинсами. В женской уборной за универмагом «Мемфис» можно купить даже вибратор. У вонючих поляков – так утверждает Азизян.

Гарриман пробовал читать этого Камюса. Дойдя до места, где французская соска обнимает ногами в морской воде сиротку Мерсо, и тот «снова ее захотел», Гарриман махнул рукой, захлопнул книгу, и отнес ее скифского вида библиотекарю. Похвалил мысленно ее бронзовые плечи в махровой майке, и топтал домой слушать последний альбом Эмерсон, Лейк энд Палмер. Другая вещь того же автора «Падение» показала ему еще большему говном.

Мерседес с откинутым, невзирая на осеннюю прохладу верхом, медленно колесил по асфальту – три товарища не торопились. Они снимали падких на экзотику городских чудох, из числа тех, что стоят, как последние елки, голосуя, вдоль трассы Кушутум – Лос-Анжелес. В расчете на шоферов, которым вечное не хватает романтики на букву «п».

20

даван, иногда узбеков Очколаз – всего лишь необычная фамилия, то там, за границей, кажется все, кроме Тома Джонса и Азнавура, просаживают друг дружку в дупло, по крайней мере такой у них вид на «шкурах» от пластов и других портретах.

Цвет макинтоша «Бухарест» напоминает кофе с молоком в буфете гостиницы «Днепр-2», где круглый год и круглосуточно можно бухнуть, если зимой – в тепле, а если летом – то в прохладе. Джокер находит двушку, просит, чтобы постерегли его ведро, и пиздует на проспект позвонить из автомата.

Машины снуют, но не очень быстро. Проплывает белый «Икарус» с черной гармошкой посередине – это как раз тот маршрут, что останавливается у дома политпросвещения, совсем рядом от оазиса «Днепр-2».

Гарриман внимательно осматривает асфальт под ногами, и только потом набирает номер другого района.

– Пригласите, пожалуйста, Нину, – просит он поставленным баритоном, чуть-чуть похоже на грузина.

– Ниночка гуляет с подругой, ее сейчас нет дома, – отвечает бабушка.

Повешенная на место трубка оттягивает рычажок, как плоская грудь школьника чудесные груди Ани Малкут, если к ним прижаться, танцую медленный танец, скажем, под этот блюз Blood, Sweat and Tears, который узнают все, кто его хотя бы раз услышал.

Собственно, Джокер звонил, чтобы поблагодарить Нэнси – Войну миров за портретик Чарлза Мэнсона. Его напечатали на последней странице польского журнала «Экран». Такие вещи продают только в киоске «Интуриста». Джокер уже успел его оттуда вырезать и вставить в круглый значок, на место кадрика из плебейской мультипликации «Ну, погоди!»

Трубка виснет, как дохлый кот, однако в гнездо возврата ничего не падает. Расстроенный Гарри закуривает вторую «Флуераш», делает глубокую затяжку, как будто это brown dirt marijuana,

19

Баранку вертел коротышка в легчицком шлемофоне. Это, собственно, и был владелец машины – Вадик Островатый, похожий на одного из Beach boy's. Справа от него сидел бортмеханик в кожаной куртке на меху – молодой автоинженер и джинсовый магнат Сеня Безант. Сэмэн, who sold the world. Наименее говнистый из всей компании. На заднем сидении разлеглось какое-то договязое хуйло (с баштана) – видимо нужный им человек. Гарри его знать не знал и впервые видел.

Откуда он взял, что Сеня-джинсовик наименее говнист? Толстоватый украинец, с живыми, как у Винокура глазами, был любитель поэзии, типа Цветаевой, и другого буквенного мусора и шума. Их познакомил, конечно, Зэлк, с которым Безант почему-то считался. Ну и тягали они его в бункер под гаражом. Чтобы Гарри попел им под гитару. Разумеется, там и покиривали, и девочки там были «Тамара, Роза, Рая»... но все они прилезли со взрослыми козлами-осеменителями.

Выпивали много, но без особой закуски. Кавалеры были не то чтобы приблатненные, а какие-то диковатые. Нервные, как военнопленные. Чувихи – широкомордые, казались старше своего стажа. Под земляным потолком они сидели, точно на мешках с картофелем в кузове грузовика.

Гарриман улавливал их скованность, и поэтому не стеснялся. Старенеющие дураки, как всегда, в погоне за легкой пиздой, попали в вагон для некурящих, каждый из них неловко скрывал, что чувствует жопой подливку не в своей тарелке. Видимо дома у тех сердцеедов ситуация была совсем несносная. Довоенные предки с любимой песней типа «Бухенвальдский набат». Бабушка, shakin' all over от воспоминаний о ночных расстрелах цыган. Эрекция в подобном окружении – четкий сигнал бежать, куда глаза глядят.

Гитарка была не очень удобная. Джипси Джокер, не торопясь, исполнял классический репертуар Кости Беляева, кое-что из старых вещей Трини Лопеса, Поля Анки, что конечно, в

21

эпоху «По волне моей памяти», отступничества Саддата, которыми, как известно, не рождаются, выглядело как полнейший анахронизм. Тем более изо рта школьника. Ведь Джокер даже не спешил получить паспорт. Зачем?

Фраера смотрели волком. Хуны – «всё тры» продавщицы «Детского мира» (представляете, какой там склад игрушек?) уходили, карабкаясь по лесенке, помочиться на поверхность земли. Зэл конфузился, заливая сливу, пока не отнял у Гарри гитару и не проваравил что-то, как выражаются русские прозаики «доселе неслыханное»:

Кабакам нужны девки свежие!  
Похоронке нужны хлопцы чистые!  
Посылаю тебе хлопца чистого,  
Посади его на цепь звонкую...

Жаль, что закончить ему не дали. Хотя он и уверял, что это песня посвящается пограничникам, погибшим на полуострове Даманский.

С матом, без мата. Какая разница, то и другое – концы одного шнура в модном ботинке, скрывающем потную лапу. И тот, кто старательно избегает матюгни, всегда себя этим выдает.

Второго приглашения в гости к тем кротам-автолюбителям теперь придется ожидать долго. Народец «за що» большой любитель норы рыть. Общее хобби роднит его с героями коротеньких рассказиков еще одного любимца хозяев гаража – Йозефа Кафки. Кроме того, этот житель Мадагаскара – однофамилец колпачков для женщин. Они лежат под стеклом в аптеках и похожи на каски немецких зольдат-лиллипутов. Азиян почему-то напевает, глядя на противозачаточные средства:

Ай, Баку, джан-Баку  
Ай, Гюль-джан Баку.

22

Иногда, прямо во время урока, Гарриман и Аня напевают вполголоса на задней парте:

Костер давно погас, а ты все слушаешь,  
Ночное облако скрыло луну.  
Я расскажу тебе, как жил с цыганами  
И как ушел от них, и почему.

В девичьем, очень здоровом лице этой девочки можно разглядеть несколько поколений честных тружеников, не способных на подлость ни по отношению к ближнему, ни к Империи, не униживших звание советского гражданина ни в малом, ни в великом, и равнодушных к одежде затравленных масс Америки – джинсам.

В кабине Яшиной «антилопы-гну» она, конечно, не окажется, скорее в кабине подъемного крана, или за рулем троллейбуса. С такую нежной кожей...

«Обо всем этом ей надо рассказать. Все это надо с нею как-нибудь обсудить», – волнуется Гарриман, сердито обстреливая взглядом проезжую часть. Он отшвыривает окурок жестом гангстера из кинофильма «Жил-был полицейский» и возвращается во двор. Прошло всего пять минут.

Но за эти пять минут успел испариться вместе с бакенбардами Кунц. Пошел смотреть домой какой-то фильм. В телевизоре кино – хоть смотри, хоть пей вино! Можешь даже покурить и щей покушать.

Остались двое. Гарриман предлагает им пойти «за сарай» – *al fresco* на оштукатуренной стене бывшего «облпроекта». Когда-то рядом с этим особнячком изба стояла, в избе горел огонек. Говорили, что там проживает с дочерью Бешеный. Память не сохранила о нем ничего, кроме клички-фамилии. Она и вспыхивает иногда, точно испорченная неоновая надпись через дорогу:

А что? У Флишпера в классе учится всеми уважаемый, даже приклатненный лиллипут; не гном, а именно пигмей – Алик Шмаго, по кличке Кинг! Вот на его курчавую головку вполне бы налез такой колпачок. Проблема найти еще и эсэсовский мундирчик размером на мартышку.

В прокопанных под девятиэтажками норах народец «за що» скрывает свои консервации, картофель и лук. Им непременно нужно что-нибудь «захватить», иначе их рожки не сложатся в гримасу тупого и хитрого, как у любителей Пинк Флойд, довольства.

Три товарища вырыли в гараже целый бардак. Гараж! Если бы это слово впервые появилось здесь, как название фильма на афише! Лемуры обязательно прочитали бы его с ударением на первом слоге – «Гараж». Разве не так произносили недавно «Скарамуш», или «Картуш». А начитанный лемур-старейшина, если понадобится, охотно подтвердит, что так звали атамана каких-нибудь опрышков, или гайдуков.

Вероятность такого прочтения была бы еще больше, если б абorigены Мотор-Сити не изведали всех достоинств колеса, то есть не ездили бы на машинах, а летали, как фазаны, по воздуху.

Между прочим, как раз в этом красно-черном строении проживает барышня Аня Малкут, со всею своей трудовой семьей. Ее дядька, похожий на Белу Лугоши, литейщик Наум, по словам Кунца, метал здесь в лестничный проем рыги. На октябрьские, что ли. Веселье люди. И что характерно, Ане откуда-то известны песенки «Магаданцев», Гриши Бальбера и Кости Беляева, которого в этих краях зачем-то называют Бродским! Высоцкий есть? – Есть. А Бродский?.. В отличие от начитанных мартышек в претенциозном мерседесе. Из их яичек в дальнейшем и повылупится поколение заек, заглушающих вонец дезиками, и способных только хвалить все подряд, то есть не ценить ничего.

23

Б  
Е  
Ш  
Е  
Н  
Ы  
Й

За сараями, то есть уже за гаражами тоже никого нет. Лампочка над общим верстаком не светит. Должно быть, ее выкручивают и убирают под замок.

Прошлой зимой черт дернул Джокера изобразить на уроке биологии, что бы вы думали – половой акт. По фотографии, что показал ему мельком мальчик Женя Лобковец. В дальнейшем он повесился. Подглядывать в реальной жизни Джокеру было не за кем, и он запомнил только ножицу хуны, закинутую на плечо штрыка. Так вот, что они имеют ввиду, когда поют: «Put your head on my shoulder!» Гарриман сделал зарисовку по памяти, и показал ее Наташе Удвох. Та мгновенно очертила лисью морду, хапнула порно, и на большой перемене отволокла картинку, не скрывая, шадэнфройде – классному руководителю Юхимович. Гарриман настроился на худшее. Снисхождения от этого молодящегося блядыва в шиньоне ожидать было нельзя.

И тогда молодой художник решил заболеть. Пил, как дурак, стаканами холодную воду, стоял в ванной комнате на цементном полу босой, потом долго слоны слонял по двору без шарфа и шапки. Когда того потребовал мочевого пузырь – заглянул за гаражи. Шо же он там увидел? «Пир нищих». Верстак ломился от бутылок с «муляжкой», как в фильме ужасов. Оргия живых мертвецов-алкоголиков. Домашний тиран и басист-неудачник Зэл занимался любимым делом – бухал на улице. Мрачное существо по прозвищу Патэр, без лишних слов составляло ему компанию. Зэл протянул пол-литру грустному от собственной

24

25

неосторожности Джокеру. Тот отказался – мол, мне сейчас не до этого. Потом Зэл напиздит Шульца, что Джокер очканулся выпивать, потому, что еще шнурок, что якобы, его перепугал, двигая париком в полумраке Патэр, и тому подобный вздор. Шульц злорадствовал.

Однако дьявол судил иначе, потому что ему были нужны здоровые курсанты. Конечно, Джокер не простудился, и утром, совсем угрюмый пошел в проклятую школу. Там, как ни странно, никто не торопился его разоблачать. Правда, уже где-то месяц спустя остановит его в конце классного часа жирная Юхимец, и многозначительно процедит: «А все твои рисунки, Самойлов, у меня, понятно? У меня».

Короленко берет из рук Мертвоглядова свернутую мухобойкой газету, явно спизженную из ящика какого-нибудь еврея, вычисленного ими по указателю жильцов. Воистину гестаповское нововведение эти указатели. Быть может, в этот раз пострадал Каганчик, а может и всегда хлопотливый общественник Бельфигор, или стремящийся в Израиль доктор Азриэли.

Гарриман поджигает газету зажигалкой «Ронсон» – той, что дала ему на время Нэнси-Война миров. Западная вещица похожа на велосипед без колесиков. Пламя быстро разгорается и озаряет стену. Молодые люди с жадностью любят физиономией Фантомаса в обрамлении матерных слов и свастик, прорисованных глубоко и старательно.

Этому портрету почти десять лет (значит те, кто их досиживает, скоро выйдут, станут сапожничать и шпильить в картишки уже на воле), но он не утратил с годами ни крупички своего малопонятного мелюзге магнетизма. Напротив, образ на стене сделан еще более привлекательным, как изображение Сталина и Гитлера, как старые группы, игравшие в начале 60-х big beat, и записи старого блатняка под гитару. Grimаски спящих по экрану давно истлевших дамочек, вроде Ляли-Лилит в «Гадюке».

26

считать себя угнетенным. Впрочем, свойство меньшинств – расти в числе, сохраняя чувство исключительности. Чем безнадежнее линяет, утрачивая свой цвет и упругость материя большинства, тем ярче горит ярлычок-этикетка «расы господ».

Все кругом темнеет. И в сумерках всеобщего помрачения откуда-то из ГДР, где разлагается, отсасывается немецкими питуриками западная группа войск, возвращаются вот таких размеров полутритонь-полушкряки, как Мертвоглядов. Который тоже только что помочился своим бородавчатым хоботом, и уставился, не моргая, на собачий ящик, вибрируя жабрами оттопыренных щек.

– Сколько ж их на самом деле было? – вслух размышляет Короленко, хотя в печати уже не раз отвечали на этот вопрос, – Серий «Фантомаса»?

Наименее тупой из всех дворовых подростков хорошо помнит, как Гарриман когда-то в течении трех дней водил за нос целый шобляк бакланов, сочиняя на ходу четвертую и пятые серии. Делал он это настолько увлекательно, что те кутугы до самого конца так и не смогли его разоблачить.

Обитателей этого двора набать нетрудно, как и любого другого рабочего гнезда, плохо другое – на них ведь ничего не заработаешь пропагандой того, что нравится тебе самому. В этих клетях, в отличие от разбойно-романтической слободки не поют – шипят, и то, не как змеи, а скорее, как детская клизма. В основном здесь можно встретить лысых и плешивых, но не благородно, как Шарль Азнавур или Челик, а совсем иначе. Польсевшие от обиденных забот, от суеверной боязни последствий онанизма, которая табунами загоняет их в газовую камеру Дворца бракосочетаний, как гнала в море Джона Сильвера его чернокожая супруга.

Лева Шульц отрастил было роскошную «афро», но когда! Когда попал под машину и полгода пролежал в гипсе. Нашел

28

Колдовским путем они то и дело погружают ваш хуй в огненный бархат, ножны вождения. Кап, кап, кап... Тихо шипит пропитанная мочою бумага. Факела долго горят только в кино.

Летом 67-го, когда за Океаном, на самом загривке Левиафана куражилось «Summer of love», здесь, здоровые лемуры его полностью проигнорировали.

Сердца пацанов покорила тот, кто уложил в зеленый чемодан сладкий труп леди Бельган. Их кумиром стал не гнида-хиппи в цветучках, а злодей FANTOMAS – кровавый глаз! Антигерой, которого ждали. Разгромил «силы» добра. Блицкриг ненависти. Встречали чем? Хлебом-солью! Мицняком да булгартабаком.

Изверг и еретик, клоун и урод, бросающий вызов законам и морали людшек, угрожал лордам и завмагам голосом денди Владимира Дружникова. И хохотал с сардонической злобой, когда выполнял обещанное. Однако те, кто переступил людской закон не на экране, оказались за решеткой, оставив на воле свои HATE LETTERS IN THE SLIME. Фантомас не пришел им на помощь, не пересек границу дозволенного, как это попытался сделать за четверть века Адольф.

Жирно прочерченный зеленый лик снова сливается с темным фоном стены – мимикрирует до лучших времен.

Краденый печатный орган догорает в руке коварного и непредсказуемого Короленко. Гарриман жалеет, что сверкал при нем, как идиот, диковинной зажигалкой. Незаметно он убирает «Ронсон» в карман штанов. От греха подальше. Но что есть грех? Странное дело – Джокер симпатизирует нацизму, причем его «ужасные» стороны не вызывают у него запланированного ужаса; но совершенно не завидует и не бесится при виде евреев. И вынужден скрывать обе эти симпатии. А комсомолец Короленко пакостит таким же, как он, советским людям, и гордится своими проделками. А пока что пионер Кунц проявляет отчетливый интерес к еще одному меньшинству, находящему небезвыгодным

27

время похипповать! Сняли гипс, и Леву тут же отправили в «перукарню», где его по новой облысили. Не дорогая ли это цена за возможность носить патлы – перелом ноги? Вопрос риторический. Вот начинает обрастать далекий от поп-музыки Кунц, но это он, как говорится, машинально.

Длинные волосы в обычной школе не приветствовались, что закономерно, учитывая их негигиеничность и противный обмен веществ у подростков, от которых и так вечно попахивает. Зато на них не обращают внимания там, куда поступил лемурик Кунц – в ПТУ! Бакланы имели полное право заявлять: «Вас еще два года будут в школе за патлы гонять, а у нас – бесплатное питание, потом – бесплатные обувь и роба, и в третьих – не стригут». Поэтому, в начале 70-х по длине волос можно было опознать далеко не богему, не битника, не психосатаниста, а Его Профтехучилища Баклана!

Вот у кого «будут волосы все распатланы», если послушать Галича в любимой песне Лены Канн – от которой тоже исходил тяжелый духан, пермаригидное зловоние – «Гостиничная пастораль». Благодаря этому факту даже возникло отдельное понятие, спецопределение такое – **хиппи боклан**. С ударением на «о», как «очко» или «лезгинка-шалако». Запомнили? Применяйте.

– Трудно сказать, – скромно и уклончиво произносит Джокер, стараясь не обострять.

– Старший брат Зарыги, Витька Новокрест, шо служил в Морфлоте, говорит, что в Турции показывали 666 серий, – с подспудным фанатизмом чеканит слова Короленко, отец лжи и разносчик суеверий.

– Хай Мертвоглядов расскажет им по новой тот фильм, про Вампира, что он смотрел в ГДР, если он, конечно, не напиздел.

Что-то Гарриман об этом уже слышал. Какие-то абстракции доходили. Обычно в пересказках подобного рода детали и сюжет оказываются безнадежно погребены во браге вымысла. Когда

29

Гарриману было лет одинацать, и звали его тогда еще Фриц, Каганчик-младший пошел навстречу малолетке, и побаловал его своей версией «Анжелики – маркизы ангелов». Она была до такой степени несурзадной, что даже Гарри, ребенок, освоивший по случаю «Судебную медицину» и «Гигиену женщины» Паппа и Школьника догадался, в чем тут дело. Каганчик воспользовался шансом выплеснуть ему в уши всю свою умозрительную онанопараною. Нашел психиатра! Слышал бы своего внука дедушка-канармеец, достойный пера Бабеля и фронтовой шофер.

Мертвоглядюв реагирует без энтузиазма. Видимо, родители не позволяют ему распускать слизистый рецептор насчет их жизни за границей. Пускай это было всего лишь ГДР-овское чистилище между капиталистическим адом и парадизом Леонида Ильича.

Однако, мало помалу его колебания утихают, и по хлопанию мясистых век можно заключить, что Мертвоглядюв настраивается, вспоминает подробности, и готов нарушить данное своим предам обещание.

Наконец, он убирает за спину руки, хохлит, как больная птичка и начинает:

– Там вначале проходит банкет. Прямо в комнате сцена. Лабают ансамбль – какие-то патлатые чуваки. Танцует классная негритянка. А под одним столом, когда приходят полицейские, то видят, что там на полу чудак долбится с чудачкой, а та, слышишь, спокойно так ест яблоко.

«Восемьдесят минут», – мысленно уточняет Джокер

– ...и там, между гостей уже ходит один, он потом окажется главный. У него в медальоне есть пепел Вампира. На другой день он же, в баре, говорит своим кентам: у меня есть порошок. Тот, шо пепел. Все, шо осталось от Вампира. А девки орут: так давайте его оживим. И потом они обратно собираются, уже на кладбище, в старой церкви. И тогда этот тип Джонни собирает

30

ном. Наконец из дыма появляется сам Вампир. В плаще. Джонни опускается на колени, и Вампир дает ему перстень... с русалкой... а девушку Вампир гипнозирует и кусает за шею...

– Кто-то клево заорал на весь летний, когда показывали «Ромео и Джульетту», вернее четко так порбазарил, когда Ромка вламывается в морг, то есть в склеп, а зал уже затих: та еби ее, пока тепленькая! – в который раз перебивает Мертвоглядюва Короленко.

По тону сказанного Гарриман констатирует, что совсем еще недавно романтический, словно Пьеро, щеголь Короленко охладел к лирике окончательно, и превратился в циничного Арлекина. Конечно, он уже не просто лапает одноклассниц. Как меняется облик юного существа, когда оно осознает, что в Стране Советов не только «кто не работает, тот не ест», но и «кто не дрожит, тот ебется».

От подъезда, где обитает нелюдимый Зэлк бесшумно отделяется, как листок черного календаря, силуэт в кожаном плаще. Он движется по колено в дымке, беззвучными спазмами, и миновав ряд гаражей устремляется к арке меж двух сегментов немецкого дома.

В лабораториях районной поликлиники, при которой тоже есть морг, и даже крематорий, по очереди загораются окна. Зэлк прописан у матери. Она недавно вышла замуж за молдаванку, с которым воевала в одном партизанском отряде.

Фигуру в черном видит только Гарриман, так как Мертвоглядюв и Короленко сидят к мусорнику спиной и шарят глазами по окнам квартир, подстерегая появление раздетой бабы. Точно так же мимо Джокера прошел однажды клавишник Сруляля, только тогда он еще не знал, что это был Сруляля. И как раз в ту же ночь, в кафе «Маричка» случился пожар. Сам по себе воспламенился электроорган «Вермона». Быть может, и сейчас тоже прошествовал Сруляля. Для чего бы ему заходить к

32

ся... вызывать... Сатану... врубает магнитофон и подговаривает одну молодую бабу, чтобы она дала разрезать себе руку, и перелить кровь в специальный кубок...

«У директора нашей школы Распиздя Леонтьевича таких кубков полный кабинет, – продолжает безмолвно комментировать мертвоглядювский рассказ Гарриман, – Недаром мы его говном закидали, тоже как настоящие вурдалаки».

– ...а пепел этот тип Джонни уже замешал с кровью и пересыпал в дырку... Не! Он еще читает заклинания, орет так классно, на всю церковь, как будто Гитлер, под страшную музыку. А остальные хипповые чудачки с чудоухами, понял, не видят же, что пленка уже закончилась, смоталась, и крутится вхолостую на одном подкассетнике, но музыка! – Мертвоглядюв делает важное лицо, – не умолкает.

– Вот-вот, а Короленко подавай восемьдесят минут хуесосанья! – уже в голос вставляет Гарриман.

– Шо-шо? – тотчас же переспрашивает Короленко, оскаливая острые, незапущенные зубы.

– Та это я так, – успокаивает его Гарриман, – без паники, майор Гараж.

– ...потом, когда остальные в ужасе разбегаются, перелезают через забор...

– А ведь многие поприезжали на собственных машинах, – не без сарказма напоминает Короленко, постукивая ногтями по твердой пачке сигарет. Манерность этого старшекласника не ускользает от внимательного Гарримана; он знает, что Коропочки регулярно посещает дамский зал, где ему делают маникюр. Надо бы выяснить степень его близости с Жорой-нидорасом. Давно пора.

– ...остается только сам Джонни, и еще та девка, шо дала свою кровь, Из могилы начинает сочиться дым. Потом шото типа креста начинает шататься, а могильная земля ходит ходу-

31

Зэлку?.. Просить у него жуткий, обитый кисеею гроб под амортизацию? Но Джокер даже не уверен, есть ли там внутри динамики. Просто бухнуть?.. Или?..

Мертвоглядюв пересказывал фильм о Живом Мертвце еще минут сорок, бормотал, будто под гипнозом. Короленко, глупее на глазах, слушал внимательно – запоминал, чтобы потом пугать вампирами чувих. Гарриман остался неудовлетворен корявой речью Мертвоглы, и пошел к себе.

Отпер старинным ключом дверь, обитую коричневым дерматином, вошел в просторную прихожую. Поставил ведро рядом со стиральной машиной «Ока». Валики из твердой резины, установленные для отжимания мокрых тканей, вполне бы годились и на роль орудия пытки. После которой руки истязуемого уже мало на что оказались бы годны. Думая об этом, Гарриман почему-то всегда обозначал пол жертвы, как женский.

Эмансипация украинских семей начинала раздражать. Похабная формула – «хата в городе и огород в сали» плодила разложение. Возьмите городскую тварь образца 75-го года – на жопе коттон, подмышки потеют в полиэстер, собачьи опята сосков уже в гипюре, хавальник – под слоем Lapcome, и только между ног – все еще вата. Как военная база в Сирии. За которую, кстати, ни цента не берет благородный Хафез Асад, в прошлом ассирийских ВВС. Того, кто способен рассирошиться от сюжетов подозрительных фото, сделанных в Голливуде, рано или поздно будут хлестать по роже фотографиями, сделанными в Израиле. Цена овощей, выросших благодаря свиной моче... Помидорки, людишки – те и другие **должны созреть**.

В гротообразной глубине гостинной психоделически змеится дым от бабушкиной папиросы. Изнутри комнату освещал один экран черно-белого телевизора. Джокер увидел, как на стене тени от острых ногтей стряхнули в керамическую пепельницу (из Рейха) цилиндрический пепел.

33

Шел хоккей. Наши играли с отвратительными абсолютно всем чехами. Точно так же бабушка смотрела хоккей и десять лет назад, когда еще жив был домашний кот Штюрмер. И чехишпикачки были так же, без исключения отвратительны всем, кто в ту пору посещал их дом. Чешские болельщики скандировали свое: «До-Ко-Го-До-Ко-Го!», и бабушка с презрительной, как в немом кино, гримаской, добавляла: «Да до хера твоего!»

Джипси Джокер аккуратно повесил плащ на плечики и прошел, минуя два чулана, через бесконечно длинный коридор к себе, в спальню-кабинет. Включил лампу, уселся на венский стул из Восточной Пруссии. Скрестил руки на его изящной, но жесткой спинке. Задумался.

Человек в черном. Конечно, то был Сру-ля-ля. Приходил к Зэлку вмазать. Ведь в Понедельник «Маричка» не пашет. Точнее, у музыкантов выходной. А фильм, который пересказывала глупая амфибия Мертвоглаздов, называется «Dracula A.D. 1972». В роли графа, конечно, Кристофер Ли, а его вечного противника играет Питер Кушинг. Джокер видел обоих только на фото. Всех, кого видишь на фото, воспринимаются как политики, или родственники.

Сатанизм не сходит со страниц советской печати. «Известия» уделили внимание «Экзорцисту». В «Литературной газете» разоблачают взгляды и методы доктора Ла Вея. Плотная составленная Человеком со Стеклянным Глазом брошюра «Алекс и другие» содержит уйму сведений о серийных убийцах 60-х годов. Отдельная глава отведена Чарльзу Мэнсону. Жуков приводит фрагмент его последнего слова, цитирует песню «I'm a mechanical man». Не мало. Есть там и портрет. Конечно, интерес к порно материалам, тоже по-прежнему традиционно велик; имеет место спрос, и даже желание пусть скупо, но платить за черно-белые поебеньки, переснятые со страниц скандинавских изданий.

34

родцев «чо-чо» и «за що», согнанных мировым ростовщицеством ради спасения народа «шё-такая». Распоясавшийся Джипси Джокер даже обозвал силы союзников «бандами Кагановича», так что у обоих бухих слушателей очи повыскакивали, точно собачьи хуйки из кожаных орбит.

Скорее всего, просто подросток и начал хорошо зарабатывать кто-то из тех мальчиков, что целое лето не вылезали из могил, потревоженных экскаваторами, когда у них в районе прокладывали трубы теплоцентрали. Было раскопано целое кладбище немецких оккупантов.

Обнаружились буквально россыпи человеческих скелетов. Порочные зомби-пионеры солнцеклонника Чижевского стали пропадать в ямах безвылазно. А похожий на безволосую обезьяну Чижевский, требовал от подвластных ему подростков все новых и новых чудовищных результатов!

Один работник органов, некто Летучая Мышь, намекал даже, что Чижевский, случалось, давал *soz* будущему министру с такой семитообразной головкой на вертялой шее. Кликали этого педераста «Анфиса», и его родители уже тогда служили по дипломатической части. Намек на «Анфису» можно отыскать в анонимной пародии на «Ресторанных дюймовочек» Владимира Шандрикова:

Полу-пидор,  
Полу-жид,  
Полу-дипломатия.

Некоторые школьники пользовались пустыми глазницами арийских черепов для достижения хорроргазма. *Per oculum cranialis*. «С черепом Мимира Один беседует». Владыкали-елдыкали вотанообразные черепа гитлеровцев, выстреливая малафьей на внутреннюю костяную стенку, точно яичком об церковный купол. Тот фриц, кто не поймал на загорелую под солнцем

36

Но вот уже какой-то юноша, пожелавший сохранить инкогнито, приобрел у Гарримана через Азияна небольшой плакатик Линды Блэр. Скорее, просто центральный разворот. Цветной. За чирикман. А это значит, что к непросьхающим от семени рукам Азияна прилипла, как минимум, пятерочка. Итого – пятнарик! Чтобы советский юноша расстался с такой суммой ради девочки, в которую вселился Злой Дух, юношу нужно как следует раздрочить. Ведь это не волосы на ушах отрастить! Это – культ.

Даже многотиражная газета, орган партии, не замурилась и поместила описание эпизода, где одержимая Князем Тьмы школьница погружает между ног распятие, и таки им немножко балуется... Мастурбирует! А? Эффектно? Посреди вестей с полей, огородов и ракетодомов. Похоже, очень похоже, что... (Гарриман припоминает правильный глагол) – DEVIL RIDES OUT. С благополучием вас, товарищ Белограй. Заждались.

Кто же он, этот инкогнито? Может, Волкосёров-младший, давняя young love умной и независимой Светы Фрайхайт. Света – дочка австрийского архитектора-антифа (бежал в СССР после аншлюса), и она из немногих, кому Гарриман доверяет. Ну нет, вряд ли это Волкосёров.

Один хуйлыга, будущий педагог из Бердянска что-то варавил, когда они втроем выпивали у Зэлка, будто бы он посмотрел восьмимиллиметровую копию «Экзорциста». Где-то, мол, чуть ли не в общаге у черножопых, на простыне. Сюжет, надо сказать, был описан им подозрительно подробно. Для усиления эффекта, он позволял себе и такие сравнения: «Это, Гарри (знаменитые бельма крупным планом), как если бы ты сейчас зашел в соседнюю комнату и увидел меня в телевизоре, играющим на бас-гитаре у «Песняров»».

В отместку Гарриман напугал его своим давнишним еретическим козырем – легендой о вознесении Гитлера в Валгаллу. Прямо из Рейхстага, на глазах у парализованных хоррором на

35

Скифии шею железный крест, все-таки получил в глазочко свой кусок салями. В качестве *Sommerhilfe*. Но перед этим, почти тридцать лет назад, он получил кусок свинца. Ну чем не сюжет для переписки через КИД – кружок итер-наци-анальной дружбы. Но писать лучше инкогнито.

Кстати, правильно вроде бы «инкогнито», однако, Элис Купер в «No more mr. Nice guy» отчетливо произносит своим ехидно-плаксивым голоском: «I went to church incognito». И Костя Беляев тоже шпарит в куплетах:

А Буденный и Никита  
Жрут мацу, но инкогнито.

Трудно понять, как надо правильно. Скорее всего – как вверху, так и внизу.

Гарриман поднимается со стула, и после недолгих манипуляций устанавливает в комнате замысловатую иллюминацию. Партитура света хранится у него в голове – ясная и фантастическая, как девичье имя его бабушки – Антонина Осиповна Преториус.

На вычурно-устойчивом подзеркальнике, по-обезьяны свесив экранированный провод, притаился паяльник. Под ним – бархатная салфетка. Она впитала проклятия и вопли своей прежней хозяйки, которую до смерти изнасиловали азиаты, шагнувшие в ее пропащую жизнь прямо с обложки буклета «Untermensch».

Словно бисерная рыбка поблескивает скальпель. Бритва убитого немецкого офицера черна, и подобна пивке. Флиппер-Лифарь получил за нее особо жесткий материал. Остался доволен, но стал заметно избегать встреч с Гарриманом.

Разобранный радиоприемник Telefunken, тоже трофейный – Гарриман слушает по нему Юрия Осмоловского и «Музыку для танцев», оголил свое смертоносное, когда оно под напряжением, нутро. Лампочки, изготовленные руками воспрянув-

37

шого духом народа, холодны. Они остыли, как печи крематория, но стоит только вонзить вилку рожками в гнезда розетки – источника неподвластной ООН, НАТО, и ОблОНО губительной и животворящей энергии электричества, и они зардеются, точно щеки Джульетты в Веронском склепе. Теплом, перерастающим в жар. И свет. Две грани огненной стихии.

Джокер вынимает из кармана брюк «Ронсон» Нэнси-марсианки и прячет вещь в ящик столика art deco. Там же, в футляре от кольца хранится прядь его младенческих волос. Впрочем, не так давно, он подменил их прядью волос другого младенца, поновее. Но об этом еще никто не знает. Оттуда же он извлекает довольно неожиданный для двора, где он живет, перстень – львиную голову с крохотным рубином в разинутой пасти. Камень напоминает капельку крови, весьма необходимую в этом старательно составленном натюрморте. Джокер надевает перстень на указательный палец левой руки и снова усаживается верхом, как Черт в песне Галича, на стул. Weird.

Магнитофон пора перебирать, почистить окислившиеся контакты, удалить спекшуюся фабричную смазку, впрыснуть нового масла. Аппаратус созрел для профилактики. Японская техника стоит слишком дорого, чтобы дурно обращаться с охотливостью.

А откуда, между прочим, возникла легенда о самосожжении японских «магов»? Да от того же пожара в «Маричке». Аппаратуру зачехлили на ночь, кабак заперли, а утром приходят, открывают – а там все сгорело на хуй.

Значит, во тьме ночной, имело место нечто феноменальное до такой степени, что след этого явления в кабацкой архитектонике оказался достоин возгорания и гибели в огне. Словно беспокойный замок в беспокойном замке. Ад, пылающий в аду темном и холодном. Елена Канн, если верить мадам Жакоб превратилась в «женщину, от которой пахнет», потому что

38

Наступит день и, наступит час, который никогда не показывают на циферблате черные стрелки, и она придет сюда, чтобы больше уже никогда не возвратиться туда, где ее будут вспоминать и оплакивать. Туда, откуда ей посчастливилось улизнуть на гипнотический зов любви.

И острый нож блеснул в моей реке... руке... Однажды вечером взгрустнулось что-то мне, я вышел из лесу... Однажды вечером...

По ту сторону окна, за шторой, от карниза отвалился кусок штукатурки, звонко и резко стукнулся о цинковый подоконник. Молодой человек, сидящий в центре комнаты на венском стуле, не отводя глаз смотрел на распахнутую дверь.

.....

у нее во чреве разлагается гомункул-эмбрион, которого она не сумела выгравить. А отец уродца – черный маг Спектор от него отрезся.

Версия о поджоге, как об акции антисоветского подполья «не греет абсолютно» в виду своего полнейшего неправдоподобия. Кабак – не Рейхстаг.

Единственный деликатный способ заставить неблагодарное быдло выказать формальную признательность за бесплатное жилье, обучение, питание, продемонстрировать внешний патриотизм, которого, как покажет дальнейшее, у этих мозгляков-паразитов не было ни на волос их скрюченной волосни – это выйти два раза в году на демонстрацию! И даже такой, предельно необременительный пустяк, многими из их серого числа воспринимается, как якобы зверское вмешательство государства в личную жизнь граждан. А Запад за всем этим следит и поощряет. Не дает захиреть родственным душам по эту сторону Занавеса.

Джокер окинул взглядом портьеры. Иногда они кажутся ему знаменами-хамелеонами, изменившимися до лучших времен свои узоры и окраску. И в одно прекрасное утро они кольхнут, потревоженные воздушным потоком, и заполощутся в распахнутых окнах заре навстречу.

Инструменты тоже ждут. Они ждут, как могут ждать только неодушевленные предметы. Без колебаний, коррозии, без деформации и сомнений насчет того, что обещанный день придет, и они выполняют свою роль. Твердо и с блеском сумеют проявить свою глубинную, неприрученную сущность.

Аня М. побывала в комнате у Гарримана только однажды, в четвертом классе, приносила то, что задавали, откуда он болел, кашлял, бредил и завидовал своим неодушевленным соседям по «палате». Тогда, чтобы войти и выйти, ей понадобилась одна и та же дверь.

39

## МЕЛЬНИК

Рабинович перебрал мне этого француза. На «девятку», ленту тип-10. Сам привез, вручил запись через порог и быстро убежал. Я к окну – Рабинович сидел в старьей «Запорожец», за рулем его поджидал какой-то человек. Про такие же малолитражки, только марки Фиат говорили, будто в Италии они стоят дешевле самой дорогой губной помады. Я решил, что Рабинович вымолвит себе под нос, поправляя зеркальце: «Говнистый вырос у Люсинды пацан». «Да и народ говнистый», – ответит кукла-водитель. Машина тронулась, в форточку пахнуло газом и дымом осенних костров.

Были первые числа ноября. По школам, предприятиям и дворцам культуры гремели аплодисментами собрания, концерты с танцами после торжественной части. Гремела жестяная кровля гаража, пока по ней катилась бутылка, потом удар об асфальт, несколько одиноких хлопков. «Зачем, какая-нибудь бабушка подобрала б», – упрекнул за моей спиной Стоунз. «Правильно, – ответил ему за меня Зэлк, – На таких бутылках люди машины покупают». Он повторял это при каждой выпивке. Мы оба ненавидели и людей и машины. Выпивали вчера. Я подговорил их залезть на крышу гаража и отметить «последний звонок».

Меня только что, с большим опозданием приняли в девятый класс, и после полугодовых каникул я все еще оставался оглушен этим событием... В сентябре, когда стало ясно, что идти куда не надо, я узнал, что в одном ДК собираются курсы французского, ими руководит Рабинович, по кличке Бебл. Бебл – это прозвище Бельмондо. Рабинович на него действительно немного похож, только голова очень большая. Иногда Бебл брал у меня диски, и что-то расхваливал, подсовывал в ответ

40

41

какие-то ненужные вещи – комиксы про собачку Пифа, пару пачек «Филипп Моррис». Они словно выпадали со страниц «Плейбоя», обретая многомерность. Туловище с головой Бельмондо любило совершать мелкие обмены.

Советский вечер гасил своим дыханием остатки дневного света в воздухе. На улице не оставалось ничего лишнего, с помощью чего можно было бы тренировать свою наблюдательность. Разве что в неурочной темноте кинозалов кружили голову миражи другой жизни, то увеличенные, то уменьшенные. С обложек дисков кривлялись парализованные фото исполнителей шумной музыки. На порноснимках замерли иностранцы с иностранками... Я покосился туда, где лежала тяжелая пачка этих дел – в коробке от ленты, ее не постеснялся сдать мне на хранение путливый Зэлк после показавшегося ему подозрительного звонка. Звонил Нос, якобы из милиции. Или все это был дешевый психологический опыт – картинки в обмен на подробности? Иконы в обмен на Талмуд? Зэлк преувеличивал степень моей близости с теми сосками, что, случалось, приходили поболтать со мной о ценах на «коттон» и воззрениях Чарльза Мэнсона. Все пути Зэлка соригинальничать не достигают цели: «На флоте мне удаляли аппендицит и сделали укол морфия – я понимаю Джимми Хендрикса, старик!» И другое примерно в том же духе. Впрочем, чего бы ни постыдился сделать Зэлк, вообразить нетрудно. Рубщик металла с бородой Хемингуэя и жопой Оскара Уайльда. А скандинавские большей частью любовники застыли на картинках той же расцветки, что и политическая хроника, шевелящаяся на экранах большей частью черно-белых телевизоров. Чередуя порнографию из коробки твердого на ощупь, но мягкосердечного Зэлка с сюжетами новостей, если описывать и то и другое подробно, можно было бы собрать целый роман. Но зачем все запоминать, зачем щеголять знанием деталей? Некоторые дауны помнят наизусть по сорок опер.

42

голос, некоторые слова звучали знакомо – Жаппель, Лёпети шозэ. «Открывай, человек ждет», – поторопили меня из кухни. За дверью на черном резиновом коврике стоял Сермяга, над головой его светились «бараньи яйца» – две лампочки в одном плафоне. С первого взгляда мне показалось, что он пришел не один.

– С тобой хочет поговорить один человек.

Кто-то сделал несколько шагов, шурша болоньей. Я шагнул навстречу. Человек был старше нас лет на десять. Зимняя шапка с козырьком собачьего цвета. Волосы лежат на ушах, и что же эти когда-то вызывающе заросшие уши ожидают от меня услышать?

– Саня говорил, ты немного лабаешь...

– Да, – глотнул я, чтобы не заорать «нет!», хватит и вчерашних воплей.

– В смысле, хаваешь и басовые партии...

Он не производил впечатления зануды, не отталкивал. Просто привычный к неловкости своих просьб и предложений неудачник. Таким женщины не хамят, у таких в записной книжке все телефоны реальных людей. Бу-у. И коры! Коры – опять остроносые, в духе Рафаэля времен «Пусть говорят». Шли, шли, ночевали под вешалками одиноких дам, и вот дотопали до моего порога: *Estas botas son para caminar*. Сермяга-медиум, Сермяга-следопыт привел ко мне этого искателя талантов. Ему не с кем отыграть вечер в трампарке. Он все понимает, но хотел бы попробовать, что я умею. Хотя бы песен десять. Как? Вдвоем? – Нет, зачем, мы начнем сами. А чуток попозжей придет Короп и Мельник... Песендесять попросей... Ах, Одесса, Мясопроводская, несколько рок-н-роллов? Что угодно, это же трампарк... Приятный, неагрессивный человек в затруднительном положении. Вроде бы не питурик... А как же тогда Сермяга? Бабы научили не отказывать таким вот опустившимся людишкам. Сермяга распознал в нем родственное триумфальное безволие, и как в жур-

44

Остальные тщетно пытаются им подражать. Мне кажется, психологическая достоверность куда важнее при описании не слишком давних времен. Кроме того, повторов следует не опасаться, а делать их как можно чаще, ибо, чем еще, как не повторением можно пробудить в читателе чувственный интерес к вашим героям, и добиться его закрепления, еще и еще раз заставляя переживать эти всегда уродливые, неуместные мгновения восторга: Снова! Будь оно проклято!

Стемнело за полчаса. В КГБ часто хлопала дверь, сотрудники уходили со службы. Дверью магазина внизу тоже стали хлопать чаще, трезвые злые люди ходили туда-сюда. Завитые кассиры наигрывали на кассовых аппаратах магические комбинации, воплощая нехитрые желания покупателей. Отсчитывали сдачу – мелкие деньги с колдовской эмблемой, чью ценность, несравнимую с ценою съедобных пустяков, граждане уже не стеснялись забывать. Женщины убирали монетки в кошелек, мужчины из ладони ссыпали мелочь в карман. Я подумал о порновкладышах в плавленых сырках. Рано. И выпивать после вчерашней встречи со Стоунзом и Зэлком тоже рано. И позвонить этой любительнице итальянской эстрады – тоже рано. Провинциальный рахитик будет капризничать: «Ты похож на одного человека». Нет порновкладышей в плавленых сырках – есть мелочь в кармане возле хуя. Что они друг в друге находят?! Если бы старые члены Политбюро отменили статью за педерастию – девяносто процентов позвякивающих медяками и яйцами мужчин ушли бы из семьи, от казней египетских подальше.

Француз еще не запел, в фиолетовом сумраке комнаты кричали чайки. Под окном сгружали ящики. Не доставало корабельной сирены. Вместо нее кто-то нажал кнопку звонка, и в прихожей трижды звонко мурлыкнуло. Я метнулся открывать, пока со взрослой половины не вышел дед, пьяный вчера я наговорил много лишнего, желал всем сдохнуть... Француз все-таки подал

43

нальчике про садо/мазо «пошел на поводу», метя по дороге мочой и плевками пункты опознания других мужчин, подростков, согласных детей. Короп и Мельник! Послушай, болоньевый принц, а может быть, лучше я возьму рублей сорок, и ты пригласишь каких-нибудь руководительниц кружков? Нет-нет. Надо сделать проще – сказать правду: Дело в том, что я очень плохо играю. А тем более, одновременно играть и петь у меня вообще не получается...

Тут Сермягины чичи вспыхивают, вылезают из орбит, принимая размеры «бараньих яиц», что светят у него надо головой: Ты просто посидишь и пиздец. Петь будет Мельник.

– Мельник так Мельник.

Это рядом, в клубе Водников.

Водников? Это же водяные черти по-чешски! Надо идти. Надо дать им успокоиться, выпить, и когда им самим станет в тягость мое присутствие, я улизну. В конце концов, должна быть Советская Власть в клубе работников речного транспорта или нет?

Дом Водников стоял на одной улице с домом, откуда в картине «Сильные духом» толкает речь Адольф Гитлер. Пускай всего несколько секунд, но это – хроника, и это моя улица, где я живу. Кроме меня на ней обитает ряд интереснейших личностей, созданных явно не Иеговой, и не за шесть дней творения. Моя улица – своеобразный гетто-пантеон отвергаемых богов и демонов. Сразу говорю, вы не встретите на ней ни оборотней, ни сатиров, драконы и единороги тоже скрипят сучьями где-то в других местах, то есть, настоящей экзотикой тут не пахнет, и к счастью, никому не придет в голову охотиться за нею здесь. Драконам и химерам древности пищеварение заменяет внутреннее сгорание, однако никто не кричит при виде каждой выхлопной трубы: «Химера какает!»

На моей улице нет огнедышащих, прохожие обдают перегаром, иногда подпустит выхлопных голубей гебешная «Вол-

45

га», но никто не говорит, что это дракон. И все-таки, в населяющих ее рядовых гражданах есть что-то неисчерпаемо странное, чему можно изумляться всю жизнь, с благодарностью, не осуждая их за долгие промежутки безынтересной жизни. Здесь, в тесноте средневекового замка живут никому не ведомые еретики, чьи заклинания ты не прочтешь на транспарантах, не увидишь в неоновых сполохах Бродвея. Они малы, как ночные звезды, и остры, как иглы, чей укол вызывает мгновенную смерть... и пробуждение, после которого ты видишь, что теперь в твоём распоряжении все, чего не видят посторонние. И балкон без Гитлера выглядит более фантастично, чем если бы он появлялся там регулярно. И разве...разве мужчина, не скрывающийся под зимней шапкой рога, но скрывающийся в простуканной и просвеченной икс-лучом груди все пороки, косматые желания, менее интересен, чем Чорт со старинного рисунка?! Здесь воображение притягивает жизнь, холодный спутник Невсбившегося, и если ночью лунною на улице Володарского не раздается вой вурдалаков, значит, все местные вурдалаки просто умеют держать язык за зубами.

Водники занимали солидный сталинский особняк всего в два, но очень высоких этажа. Кстати, в двух шагах от Азияна. При поддержке четырех колонн над ступенями белел лепной треугольник. Пересекая улицу Володарского тянулся, вплоть до самого Днепра, меняя названия, тихий переулок, уходил вниз. По левую сторону, я знал об этом от кого следует, находится никак не обозначенное здание синагоги, погруженное до поры в глубокий и торжественный сон. Почему-то вглядываясь в треугольник Дома Водников летними сумерками, легко представляется лунный диск, мертвый час, на улице ни души, особое безжизненное тепло воздуха ночи. В безмолвии нарастает звук шагов, в полуприпрыжку, кто-то единственный во всем городе приближается по переулку от реки, минув синагогу, ибо не был сотворен вместе с теми, кого

46

пиздогрызам. Я лично слышал песенку про обветренные руки и старенькие тубельки, а между ними, надо понимать, этот сычут?

Насмотрелся я, как тянут шею к дрянному микрофону на танцплощадках вокалисты, словно пришли к врачу лечить стоматит. Пока соскребают налет, они орут. А в кустах дерутся сумочками старшеклассницы в сырых оранжевых гольфах. Одна другой сказала: «Клыкковая». Клыкковая кон Диос. Не поймут. Я еще раз, вдруг за мною следят, ударил по струнам...

– А Он где ходит?

Я повернул голову. В проходе стояла женщина с простоватым чувственным лицом, она вертела на кулаке острую меховую шапку.

– Он скоро придет.

– Тогда скажите, что я здесь.

Приятные знакомства сулит полумрак коридоров и студий, но стать одним из обитателей Дома Водников мне не хотелось. Пусть будут разные дома и ложи – Азияна, Клыккадзе, моя наконец. Надо было сказать этой симпатичной личности по-колхозному: «Воны пішли по вино». Развеселить ее, познакомиться... И сгинуть в Доме Водников на полжизни? А она будет ковырять пальцем обои, и закрывать глаза: Тебе нравится? – А...га...

Они вернулись, выложили на стол (шапку пришлось убрать) 0.7 «Таврійського», консервы, две пачки феодосийской «Примы». Подруга хударука возглавляет танцевальный коллектив. Между прочим, Мельник...

– Что Мельник? – меня внезапно охватила тревога от этого имени.

– Мельник классно танцует, – успокоил меня Сермяга. Вернее за него обронил эти слова художник, отряхивая вверх дном ополоснутые стаканы. Под курткой болонья на нем был серый пиджак и водолазка. Он помогал карьере лучшего друга и просто хорошему человеку, которые согласись, Гарик, так редко

48

там ждут. Наконец, прошлепав по ступеням непросыхающими лапами, простирает, присев, перепончатые пальцы к пустому треугольнику Дома Водников. И на немой призыв днепровского гостя, где-то внутри, в секции народных инструментов кто-то выстукивает на виброфоне полинезийскую мелодию...

Сермяга вошел раньше нас, как к себе домой. Никто ни о чем не спрашивал, вестибюль был пуст. Худрук не соврал, он привел нас в каморку с инструментами под лестницей, ведущей на сцену актового зала. Собачью шапку он бросил на столик и сразу вручил мне полуакустическую гитару «Рекорд»: «Вспомни, что знаешь, а мы с Саней сходим, возьмем попить». Он так и вышел с непокрытой головой. Физиономия у него под битловской прической была старая, не разглаженная здоровым образом жизни после излишеств молодости. Который раз меня поразило свойство удлиненных волос – явно этот бухарик отрастил их недавно, году в 72-м, а кажется, родился с такою прической, или нет – скорее восстал из гроба. И щипнул нехотя струны. На хуя оно мне надо? Если бы нормальные люди знали нормальные песни, я бы нормально их пел под нормальный аккомпанемент. Но мне уже довелось отведать идиотизма наших музыкантов. Они сами не знают, чего хотят. Когда-нибудь из этой вяло выраженной неопределенности созреет угроза всему Свободному миру. Они, дети их охуенные, не простят Америке равнодушия к их кривляньям. И если эта досада станет идеологией чванливого Кремля... Что ж, тогда следует подумать о хирургическом безлоды нейтронной бомбы. Я понимаю людей в Пентагоне, только не в том, где спекулируют бельцом научные сотрудники. «Пентагоном» называли оборонный НИИ напротив Интуриста. В этом НИИ работают мужчины волевого типа. В очках, с усам. Судя по этим усам, кунчилигус или, как говорит Сермяга «припадалово» сгибает их собачьи шеи, словно по зову муллы. Где так вольно дышит человек? Оборону государства доверили

47

встречаются в этой Стране Советов. Имя, «хорошего человека» ускользнуло от меня, я слышал его словно сквозь сон. Судя по тому, как основательно он наполнил собственный стакан, это была первая доза чернил, по крайней мере, за вечер, и он в ней отчаянно нуждался. «Видишь, Игорек, я вас немного обделил, – проговорил он, угадывая мои мысли, – Саня, Игорь, за знакомство...Видали мою подругу? Я вас еще познакомлю...»

В каморке сразу стало жарко. Арабский свитер Сермяги принял резко ядовито-зеленую окраску. Золото его влажных волос отливало мочой, от засаленных брюк, по-моему, единственных, тоже несло мочой и просроченным илистым одеколоном. Сермяга не торопился просунуть в джинсы свои с детства волосатые ноги. А какие волосатые руки уже в детстве сжимали эти шарнирные ноги, вздувая не детских размеров кожаный чайник между ними, знает один бог.

Граждане сермягиного сословия боятся трехзначных чисел. Поэтому их не смущает антимодачный фасон того, что на них надето зимой и летом. Плохо все то, что дорого. И все что дорого, то и плохо. Стиляга боится отстать, эти боятся потратить. 70-е на дворе, а они до сих пор не разучились испуганно выговаривать: «Целые пять, целых три, аж целый рубль». Было бы весело разорить их сберкнижки, буквально взять и ампутировать честно добытые сбережения, желательнее без наркоза. Это хорошо показано в страшном фильме «Чорта не бывает», то есть в фильме «Последнее дело комиссара Берлаха», я хотел сказать. Проклятое вино действует быстро. Когда же придет этот чортот Мельник?

Полчаса худрук слушал мою игру на гитаре, однажды даже заглушил пятернею струны и предостерег: «А вот это уже, Игорек, знаешь, между прочим, как называется? Аритмия, старичок. Аритмию нам совсем не надо». Он, однако, не сказал ни да, ни нет, нужен я ему, или могу идти на все четыре стороны. Сер-

49

мыга высказывал недовольство, хмурил брови в табачном дыму, его мое владение инструментом вполне устраивало, чего капризничает этот бухарик? Кого ему надо – Мулявина? Сам же говорил – Трампарк.

Бухарик даже не расчехлил свой бас. Задумчиво потыкав немые клавиши неподключенной «Юности» он предложил взять еще бутылку. Тесная оркестровка все больше напоминала купе вечернего поезда, который стоит на месте. На этой остановке вино будет более дешевой марки. Я повертел в руке бутылку – ни капли.

Воспользовавшись отсутствием Сермяги и худрука, я пересел лицом к двери, чтобы видеть проход за кулисы. Девочки из танцевального кружка собирались на репетицию. Еще не переодетые многие были в брюках, коричневых и синих, клеш идет сразу от зада. Я прикурил от спички с непривычной зеленой головкой, зажигалка, если и была, то в кабинете директора или директрисы. Лучше бы Рабинович подвез мне фирменных покурить вместо шансонье, помогавших спиваться своими лирическими песенками предыдущему поколению. А что Рабинович думает о порнографии? Никогда не предлагает. Люди осваивают иностранный – летом при мне подошли к негру с чувихой две дворняги славянского вида (таким надо кроме имени в паспорт кличку вписывать) и четко, без запинки: «Пльыз, гив ми сигаретт». Негр хлопнул себя по карману и с улыбкой ответил: «Нет смоук!» Смышленные юноши. Когда-нибудь их дети смогут переводить Берроуза и щекотать друг другу языком пуп, не рискуя получить утюгом в темя.

Первыми из «Плейбоя» удаляют голых баб. Остаются одни сигареты. Красочные пачки, похожие на церковные книги. Джентльмен смотрит с листа в собачью морду гога и магога, если тому посчастливилось прижать лапой (мое!) американский журнал. С обнаженными хорями исчезает язычество. По-

50

Вероятно Мельник. Я задумался и не заметил, что в оркестровку вошел новый юноша. Он быстро снял клетчатое полупальто, повесил на гвоздь белую шапку с козырьком и уселся где прежде сидел я, и посмотрел на меня ласково. Он был в синих брюках, широкие, но короткие они делали юношу с одной стороны клоуном, с другой точно такие же носила группа Бэй Сити Роллерс. Ловко спихнув под столом одну туфлю, Мельник согнул ногу и поставил ступню в носке на скамейку.

– Давно ждете?

– Кого?

– Их.

– Не очень. Я Гарик.

– А я Юра...Мельник.

– Видимо он напиздел худруку, будто я охуенный музыкант, и вообще, охуенный человек, знаешь, как он это любит, рекламу делать, – я плонул и пожаловался.

– Кто? Саня? Саня вас очень любит.

Я промолчал. Мельник взял гитару и запел: «Приди же милая ко мне, зачем нам ждать прихода ночи...Ай-лазат, Ай-лазат...» Редкие русые волосы, сколько ни отращивай, длинной прически не добьешься, от пения начали топорщиться. Рот у Мельника был пустой и овальный. Ресницы пушистые. Квадратная челюсть.

– Где тут уборная? – спросил я, когда он кончил петь.

– Сразу за вахтой. Вам показать?

– Спасибо. Что я, мальчик, – я нервно рассмеялся суровости собственного тона.

Вместо уборной я направился к выходу. По ступенькам шли Сермяга и худрук. «Мельник явился», – обронил я, уводя Сермягу в сторонку:

– Слушай, не подсовывай ты мне больше никаких людей, – проговорил я, краснея, – Обещаешь?

Сермяга не ответил ничего. Он засопел.

беждает христианство с его педоватыми заповедями и иконами. Здравотдел предупреждает: Соси, но не кури. Никотин для народа. Делай с ближним. Люби ближнего. А двоих-троих сразу?.. «Плейбой» гуляет по рукам, доходит очередь табачной рекламы. В конце концов, вырывают все, вплоть до туповатых карикатур. Остается текст, «талмуд» в чистом виде. И тогда журнал попадает мне в руки за мельчайшие деньги. А я прочитываю его потрепанные останки от А до Z. Юный жрец угадывает будущее по собачьим внутренностям. Дальнейшая судьба тех, кто предпочел голых, повыдергал, задернул шторы, дергается сам, мутна. Ничего не видно, и лишь по запаху можно обозвать ее одним словом. Интеллигенты расшифровывают кучки – вензеля Бэллы, Булата, Верного Руслана. Я чувствую превосходство (написано ночью), но мне не хватает выдержки (добавлено утром).

«Плейбой» без галереи красоток – мой «Советише Геймланд», издание официальное, но понятное только знающим древнееврейский алфавит. Геймланд – Земля Игр. Для большинства эти буквы, способные догадливому человеку заменить любой пейзаж, что-то вроде шрифта для незрячих. У нас есть и порнография для слепых – дискосаунд. Пожалуйста, Сильвия с песней «Разговоры на подушке», Исаак Хейс, «Мунлайт Ловинг». Как там? «Stars will never tell»... Звезды не выдадут того, кто приходил к Дому Водников в ночь синей луны на черном небе. Те, кому целый «Плейбой» не по карману, заглядывают в женские туалеты вечерних школ. Потолок ледяной, дверь скрипучая...

Мне показалось подозрительным одно детское стихотворение – «В стране Читай Наоборот». Израиль, что ли? Вероятно Израиль. Во Франции режиссер Брессон ставит фильм о моих ровесниках «Вероятно Дьявол». Вероявол, режиссер Брессон. А тут отовсюду звучал Алик Беренсон, и как-то внезапно угас, вышел из моды. Разве что выплывет из кустов полубухая чувиха с магом и в платформах...

51

Через неделю, собственно, 7-го ноября, Сермягу избили по жалобе слабоумного Головатенко. Мы гуляли за Днепром – у Гени Раскольников: Стоунз, Шурьгинскас, Чуча и я. Тема отдельная, говорят, после моего ухода Шурьгинскас бросал с балкона моченые арбузы. При мне он уже целовал Стоунза, говоря «я не голубой». Мать разыскала меня, потребовала: домой. Сермяга сидел в кресле и сопел. Ебало вроде бы целое. А я, выпив немало, пер чорт-те откуда с двумя пересадками. И для чего?! Он потребовал поставить одну из самых ужасных подачек Бебла (Рабиновича) – ленту, где были записаны Масиас и Азнавур, но чудовищно тихо, едва слышно. Сермяга вслушивался и сопел. Казалось, он сопит на весь Союз.

Прошло два года. Сермяга успел стать отчаянным антисоветчиком. Вблизи его дома поставили памятник Дзержинскому. Монумент скромно стоял в стороне от проспекта, будто уступая дорогу новым веяниям\*, а в их числе не последнюю роль играла педерастия. Разного калибра гомозероты попадались на вечерних улицах едва ли не чаще дружинников. В них было что-то от собак, вроде бы все одинаково похожие, и нет ни одной одинаковой. Кроме того, долбал по башке вопрос: Что их друг в друге привлекает? Что толкает одну дворнягу ставить лапы на загривок точно такой же?

Летом в городе побывал фокусник Кио, и я снова услышал про Мельника. Головастик в штанах «бэй сити роллерс» ввел Сермягу в круг цирковых уродцев. Один из них ухаживал за обезьянами, и не скрывал своих наклонностей. Однажды, покидая психдиспансер (я ненавидел армию), я заметил Сермягу с этим типом, они шагали среди высокой травы, сорняков, точно два пришельца, в сторону туалета при стадионе – почитать. Библиотеку Сермяга упорно не хотел посещать, злился. Западное

\* Дзержинского не убрали, но погросише за двадцать пять лет деревья обратили монумент в скромного карлика.

52

53

радио сделалось сермягиной няней, он обо всем узнавал из эфира. И Чорт знает, какая антенна позволяла ему одолевать глушители.

Ждем Мельника. Он нам споет (не нам, а тебе) – так утверждает Сермяга. Все в доме ждут Юру Омельченко, будущего повара. Гитара, диван, даже я боюсь улизнуть, как в тот раз. Не ждет только вино, уже мы выпили по требованию Сермяги за членов московской Хельсинской Группы, за Щаранского Анатолия. С телевизора смотрит стапуэтка – фарфоровая скотница с поросенком в руках. Этот поросенок возник без помощи свиных-отца, его не жжет клеймо наследственности. Ему не за что благодарить родителей. Слепые игрушки полового инстинкта не могут упрекнуть: «Мы подарили тебе жизнь, а ты... наши предки путем проб и ошибок создавали образчик свиного рыла и т. д.». Он – уникален, этот поросенок. Чудо-вище, неповторимое, свободное от унизительных конвульсий похоти.

Рот Мельника по-прежнему круглый и пустой вроде дырки от сучка. Знаменитая фраза Сермяги, в ней слышна скорбь знатока: «Как на такое ебало хуй вставал? здесь не нужна, все без слов ясно. Это он про Лимонова. Насчет внешности и обаяния. Мельник, антисоветчик и сын албанского подданного изнывают от безделья. Древесный Медведь Мельник (он похож) берет гитару и, поджав ногу, поет: «Кто не знаю, распускает слухи зря». Сермяга ревностно слушает, песня ему известна. Когда ни успевают все это разучивать? У Древесного Медведя из брюк видны лапы в женских колготках. Кончив песню, он встает с дивана, подходит к столу, чтобы принять из рук Сермяги стакан холодного вина. Очень похож на медведя-гермафродита. Я знаю, дома его ждет мать. Меня интересует отец этой sex-machine. По-моему еще через год Мельнику отнимут палец, Сермяга жестоко передразнит: «Ах, Юрочка, блядь на хуй блядь, пальчик отрезало, мамочка сетует». Иной раз ему весьма кстати не хватает воображения.

54

вым, посредственным потомством. Родители головы поддерживать любую подлость ради гарантированной возможности повторить эту подлость их детям.

Миллион поцелуев за сына. Миллион поцелуев за дочь. Мельник просунул за щеку указательный палец и ловко хлопнул своим нестандартным ртом. «Юрчику надо выступать в цирке, – похвалил Сермяга, – пошлют на гастроли в Штаты...» Он смолк и задумался. Через переносицу пролегла делоновская складка. Меня томило любопытство. Пошуровать в холодильнике... За чем в серванте стоит пустая пачка от сигарет «Друг»? Где-то должен быть продолговатый пенал, где лежат запасные фарфоровые поросята! Или так выглядят под микроскопом сперматозоиды... Его сперматозоиды. Мельник глотает, глотает, а потом во сне у него изо рта выскакивают белые, гладкие, полые свинки... «Да, эксцентричный парень, – кивнул я, – колоритный парень». «А эксцентричный парень в этой стране – обреченный парень, – вздохнул Сермяга, – В этой стране», – повторил он так, что было ясно – стране остается недолго.

Эксцентричные с точки зрения ровесников поступки не приветствовались: пауза, недоуменное молчание – верный признак, человек сморозил что-то не то. Достаточно сравнить кого-то с древесным медведем, обосрать пугачевское «Зеркало души», поставить запись Кости Беляева – и ваша дьявольская сущность разгадана.

Щепетильность, в общем-то, не очень, чуть более гигиеничных, чем их родители, подростков избличала их несамостоятельность, тупую приверженность предрассудкам мира взрослых. Гитлер, «жиды», Мэнсон – были далекие, из другой галактики, прототипы Чертей на стенах деревенской церкви. Зато любитель пососать в городском саду, питурик с сеткой был «классный чувак» и «добрый человек» в глазах податливых юношей. Не эксцентричными, основательными моим сверстникам

56

Может это все-таки носки? Нет, носки короткие, была бы кожа видна, а это полускафандр. Западником его не назовешь, Америку не хвалит, репертуар с пластинок «Мелодия». Вон как зоб раздувает... Мельник старательно выводил фразы свежей вещицы: «Вечелл коснулся клиш, и туман над водой, песню мою услышь, парленек молодой». Сермяга курил с видом мудреца. Странно, он еще не внушил Мельнику, что тому не позволяет развернуться, «где так вольно дышит человек», власть завистливых ничтожеств. Имея рот подобной формы, Мельник обречен коверкать буквы, тем не менее, он им поет, испытующе закатывая глаза коалы, представьте себе, возбуждает мужчин.

Любые параллели между творчеством и размножением недопустимы. К продлению рода себе подобных склоняет ярмо полового инстинкта. Творчество – дело темное, его порыв идет от волнующей своею непостижимостью глубины – хочется приблизить дно, все увидеть и выбрать. Желание распознать и выделить неповторимые магические свойства рядовых людей и предметов требует точности и осторожности ритуального резника. Иначе вас арестуют.

Бегство фарфорового поросенка, это конечно галлюцинация. Но она постоянно возникает под крышей сермягиного дома. Поросенок вздрагивает, вырывается из могучих рук колхозницы. Спрыгнув на пол, он перелетает через жирные ломти скумбрии и носится по газете «Сельская жизнь», топоча фарфоровыми ножками. Сермяга спешно убирает бутылку. Он не знает, что думать, чье существование доказывает это диво – бога, сатаны? Наконец фигурка падает со стола и разбивается у ног Мельника. «Сельская жизнь», разостлана на столе, будто и не было колдовского оживления. Вместо поросенка мог бегать жук или крупная муха. Об пол разбилась рюмка и так далее... Пропал один из тех, кого Еврейский Бог не делал в шесть дней творения. Цель размножения – замусоривать планету одинако-

55

казались бармены, картежники, моряки. Люди, усыпившие инстинкт самосохранения всегда убеждены, что знают о жизни (бара, корабля) все. Но, судя по писку надо им было немного. Во время своего наслаждения жизнью они напоминали мне кусающих подушку мазохистов. Еще минута и предвкушение сменяется тревогой. Потом повернут усаые мордочки и обнаружат – за спиной никого. Ремень висит на дверной ручке. Деньги целы. Молодость, мускулы, милые женственные черты – имеется все, но никому не надо. В распахнутую дверь с лестницы удаляются шаги.

«Ты, клоун длинный» – обозвал меня один из таких и обознался. Это их клоунада затянулась. Впрочем, именно этот любитель рисковать повесился на трапеции, проиграв кому-то какие-то рубли. Вчера клоуна длинного спросили – чем закусывать будем, селедкой? В нашем возрасте слово селедка во сне изо рта вываливается – ответил верный себе фигляр, и криво высунул язык. Ему мерещились клоуны, про него говорили «мальчик-прелесть». Защекотали комплиментами, вот он и сел играть картами Длинного Клоуна.

Восьмидесятые. Вирус гнева Иговы развязывает руки го-мофобам. Во время секс-поездки в Харьков Мельнику ломают челюсть. «Больно мерзок он показался в ту минуту» – говорят злые языки. Мерзок и смел.

Азизян вспоминает пластинку польского ансамбля НО ТО ЦО с песней «Зачем мне жениться»: рядом дописка – «Мельник сказал». Челюсть давно вылечили. Скворечник ходит по городу, готовый приютить скворца, увязшего в паху, и терзать пока птичка не обмякнет. Ощипанный сквин-сосисочка. Да, он похож на скворечник.

Девяностые. Прыщ проговорился, что самый большой друг Мельника некто Дмитресса (под пятьдесят, но выглядит на тридцать пять). А покровительствует движению Игорь Григорьевич

57

– замдиректора облморга... Рабинович умер. Единственный его ребенок от непутевой девицы тоже когда-то умер. Рабинович похоронил младенца вместе с квартирой. С богом, заувэк\*, Бэбл!

Мельник\*\* носит массивную цепь и прозвище Мэлоди. Прическа его стала пышнее и темней – видимо помогает новейший шампунь. Несмотря на отнятый палец и поврежденную челюсть он живет с другом не хуже, чем в Амстердаме. Во дворе клуба, где я делал вид якобы учу французский, ночами теперь распевают псалмы реформированные нарколога. С балкона их голоса слушает крупный предприниматель Стрелецкий, стоит задумчиво в позе Наполеона и не велит прекратить.

1.07.02. Два дня балкон Сермяги пустовал. На третий день вывесили пищевой пакет. Потом – флаг или полотенце с карпатским узором. До этого он долго шел. Кто-то должен был уйти – он из мира или... Не важно. Прохожу сегодня утром – Саша ожил. Курит на балконе. Побрит. Волосы сверкают золотом в лучах утреннего солнца. Улыбка. Чистая майка. Поговорили. Может вечером, подводя итоги, прогуляемся?

27.06-1.07. 2002

\* *Прощай навсегда (сербско-хорватский)*

\*\* *Если кто помнит французского актера Вентуру, Мельник – копия Лио Вентура, только питурик.*

58

\*\*\*

Ян Брониславович привез из Лаоса заразу и заразил всех, кто находился в магазине, куда я зашел попрощаться перед отъездом. Коварный вирус дал о себе знать уже дома. Во рту появился скверный вкус, что-то вроде индийской приправы. Утром по привычке отправился в парк и пустился было бежать вдоль берега, но пробежав метров двести, ухватился за дерево и окончательно понял, что болен. Признавать не хотелось, но вечером звонит Боря и сходу подтверждает:

– Это инфекция. Арафат, сука, привез.

Все видели Арафата, значит не нужно уточнять, чем именно похож на него Ян Рубцов, вложивший в магазин часть своих денег.

Была середина мая. Расцвела сирень, ее можно было нюхать, но все портил гадкий, похожий на запах, привкус во рту. Он шел, казалось из горла, и черт знает, какие мысли мелькали в голове. Температуры нет, просто оскомина, неприятный озноб, и обязательно этот Арафат. Даже подхватив от Шеи мандавошек, я умудрился никого ими не заразить в таком же мае, только 1991 года. Это случилось ночью, когда в Лондоне умер Никита Михайловский. Сало позвонила утром и сообщила, а крабы от чумазого сапожника через Шею уже закрепились на моем лобке, как последние спецназовцы. Какой дьявол их сюда занес, что им здесь нужно? Такие вопросы не задают ни спецназу, ни мандавошкам.

Снеговик ушел к спортсмену тупице, который мусолит ей за секс и нежность, а я остался с Шеей пить. Движения рук Снеговика, растегающей жесткий пояс с тяжелой пряжкой на своей вялой и чувствительной талии, вызывали во рту иное ощущение, знакомое с детства, будто потрогал языком батарейку «Крона». Наверное, я об этом уже где-то говорил... Снеговик ушел, Шея осталась. Мы слушали синглы *Роллингов*. Потом началось обычное: «Мы друзья и только друзья». Как мусульма-

60

## СВИДАНИЕ СИМУЛЯНТОВ

*Один негодяй насрал на меня.  
(Лев Толстой. Хаджи Мурат)*

Монстр, которого вызвали, но не сумели отправить обратно, не испытывает благодарности к тому, кто это сделал. Выкинутый из темного мешка уродец настойчиво делает вид, будто так и надо, дескать, заслуги привели его в этот мир и помогли заполнить один из его углов благодарными поклонниками. Очень скоро страхуилка принимается сочинять, рисовать или петь песни. И также быстро он начинает подозревать окликнувшего его по имени горе-волшебника в глумлении и зависти. Еще не отучив себя от подражания во всем своему, можно сказать, пигмалиону, монстр спешит обвинить его во всех своих кажущихся неудачах. От уродца, имеющего, как правило, живых родителей наивно требовать уважения и признательности, вы для него постылый отчим, непонятный опекун, скрывающий правду о том, какой успех ожидает в обществе ненасытную золушку. Но и Мефистофель, пригласивший «воронью красавицу» на танец не обязан с ней нянчиться. В романе *Big Sleep* об одной героине сказано приблизительно так: «Ей нужно лишь выйти на перекресток с застенчивым видом, и постоять, посасывая палец».\* Жертва подкатит сама, распахнет дверцу. И неважно, какая Луна будет на небе, и на каком языке она будет «читать Госюру». Язык Эноха подают в шашлычной «Кавказ», как язык говяжий с хреном. Нет, фрик не скажет «спасибо» за музыку. У него свои шестьдесят шесть альбомов, у него свои семь романов, он готов целый вечер перерисовывать хуй с картинки. Его ждут, ей надо, им пора. Отпусти сейчас же! Танцуйте лучше с табуретом или цветочным горшком, их, по крайней мере, можно поставить туда, где они стояли, в прежнее место.

\* *Речь идет о девице с недоразвитыми пальцами, которая мочится и страгает припаками.*

59

нин какой-то, ей богу! Откуда я знал... Года три назад не стало и Шеи. Я разыскал номер Снеговика, ведь они дружили. Первое, что сделал Снеговик после разговора – позвонил Сермяге, чтобы услышать подтверждение из уст солидного человека! Мне она не поверила.

«Ви испортили в Раю атмосферу – привезли «жиды» в Одессу холеру» – а что мне оставалось еще напевать, возвращаясь от зубного, где мне вовремя поставили крохотную пломбу. Мне очень нравится мой зубной врач. Постепенно я понял, что у меня только два друга – он и парикмахер. Сдохнешь, тогда песню не споешь.

Заразил меня Ян Брониславович (говорят, в детстве его застучали с собачкой), а звонит мне, чего в жизни не бывало, со школьных времен, Навоз Смердулакович! Не в первый раз, вставляя ключ в замок я услышал за дверью телефон.

– С тобою хочет говорить Дядюшка, – с намеком вымолвил Навоз.

Я все понял, и хорошо представил, как трубка в руке Навоза снизилась на полметра ниже, где ее перехватили, обсмаленные бесчисленными «примами», детские пальцы, которым срок восемь лет.

Дядюшка был пьян. Но это как всегда. В общем-то погода располагала к выпивке. Деньги у меня были, вернее, их тратить не на что. Кто знает, может быть, градусы помогут мне хотя бы забыть про вирусы злосчастного Арафата. Дядюшку я не видел с осени девяносто третьего года. Запомнился топот его детских ботинок по ступенькам. А я остался, успел отогнать ковер и рыгал на пол, проснулся, когда за окнами темно. «Я вовремя ушел», – только и сказал потом в ответ на мой рассказ Дядюшка Стоунз.

– Выходите мне навстречу, там схлестнемся и что-нибудь придумаем, – выпалил я, лихорадочно соображая, стоит или не стоит мне с ними выпивать.

61

Навоз – гигант. Выше меня. Руки у него длиннее ног. Руки барабанщика, Навоз и есть ударник с двадцатилетним стажем. Поющий ударник, любит уточнять Навоз, как Дон Хенли из моей любимой группы «Иглз». Подвыпив, Навоз – Олег Возианов обращается к друзьям «орли мои» с грузинским акцентом. Так, якобы, говорил сам Сталин.

Гладиаторские грабли Навоза я разглядел издали. Но Стоунз рядом с ним не было.

– А где Друг Люцифера? – я изобразил панику, – Где Дядюшка?

– При чем тут Люцифер?! – с неподдельной тревогой переспросил Навоз. Но тут же похвалил мои отросшие волосы и одежду в стиле начала семидесятых.

Позже я узнал, что Навоз не любит теперь понапрасну упоминать нечистую силу, читает брошюры о Конце Света. Волосы его от природы выющиеся пшеничными колечками нисколько не поредели, но лицо стало меньше, от скул к челюстям пролегли глубокие морщины.

Под липою мочился Стоунз, похожий на Питера Лорре в светлом парике. Липы цветут в конце мая, может быть, к этому времени, пропадет во рту эта гадость, знак присутствия невидимых паразитов. В случае победы, они уступят мой труп местным мухам и скромно растворятся в воздухе. Не думайте, не все вирусы снимаются в порно под микроскопом. Самая строгая паранджа – прозрачная. Однако, что за божество с физиономией Арафата сотворило Навоза и Стоунза?

– А Вы все улыбаетесь, Гарри, – Стоунз произнес первую букву моего имени раскатисто, по-украински.

Я промолчал. В глубине я был рад встрече с чудяком, заставившим прежнюю жизнь. Вот уж неделю я провожу по пол дня в библиотеке среди старых газет. Словно на дне затопившего древний город озера. Многие события мне давно знакомы и,

\* «Lucifer Friend» – спички такие были.

62

блядь, на хуй, блядь (от мата лицо Навоза сморщилось). Достается и евреям. Питлер...

– Гитлер хуй дрович, – быстро вставил Стоунз, глядя себе под ноги. Навоз снова покривился.

– Естественно. В Москве, в основном юноши, причем заглядывают в рот мудрецам, а оттуда прет ссакой других мудрецов. Очередной Мудрец Моча...

– Мудрец... Моча... – Стоунзу понравилось, он посмеялся своим смехом, который мы все когда-то умели изображать: И...И...И...

– Саня Пивнев, глубоковерующий человек. Духом вник! В молодости у них была организация. Во главе ее стоял синяк Жека Головня, учитель французского. Так вот, чтобы стать ее членом, надо было выпить мочи. Пивнев сейчас поправился, волоснею зарос. Если ему удалить зубы и ногти, как это делают в Голливуде\*, мудреца можно засовывать в раздолбанное гузно богатых шейхов-питуриков, чтобы они от его конвульсий ловили свою остроту...

Стоунз слушал внимательно, соображая достойный ответ, но его опередил Навоз, и я сразу вспомнил про его высшее образование.

– Отец, а тебе не кажется, что все это от зависти, – начал великан-барабанщик жалобным голосом, словно заказали что-то из раннего Наутилуса.

– Чему завидовать, Олег? Педерастии? Или кому? Кому в рот насали? Нормальный человек повесился бы. Да его и не пригласят.

– От зависти, отец, шо про тебя не пишут, не печатают, тебе про других завидно. Потом в Библии (он – историк, еще раз вспомнил я) четко сказано: Не убий. Не матюкайся...

Пошло дело. Был бы я здоров, валяясь бы сейчас как удав, переваривая отбивную и поллитра борща под соответствующую музыку. Я плохо себя чувствую. Ян Рубцов привез из турпо

\* Ричарда Гира взяли в свое время за жопу в связи с опытами с хомячком. Хомячок засовывался в очко.

64

кажется, острые бормашины моих глаз выкальвают на ветхой бумаге сообщения о них. Для меня главное помнить, что давно известно, ничего нового мне знать не надо. И лучше мне не мешать. Может быть, Стоунз посещал «Поплавок»? Пусть не за свой счет, но мог он там бывать. Об открытии ресторана «Поплавок» на набережной я прочитал в газете за 1968 год. Стоунзу тогда было сколько? Лет семнадцать. О том, что 10 сентября 1966 года Джонни Холлидэй вскрыл себе вены, Стоунз, тем не менее, помнит. Часть крови, вытекшей из Холлидэя, попала под этикетку «Біле Міцне», поэтому так жадно отсасывали міцняк со ствола юные вампиры с кадыком и губами в помаде, но бессмертными это их не сделало. Джонни Холлидэй оказался более живуч. Возможно, кровь Холлидэя поделило между собою начальство, а в бутылки с міцняком тогда подмешивали кровь собачью, пепел хунвейбинов, сожженных гиперолоидом в отместку за резню на Даманском...

– Та не, Гарри, шо ж не помнить – помню. Только я там не бухал. Поплавок посещали Пальма, Паша...

– Ясссно, – протянул я, подражая Стоунзу.

– Шо там у Москві, у стольці?

– В смысле шо? Шо в Москве?

– Ну да.

– Мечтают попасть в мемуары (Навоз глянул искоса при этом слове). Прочтут свое имя на странице – значит, жизнь удалась. Типа: При штурме телецентра отличился Кирил Кирилко, студент-юрист, кровавый мальчик с пирожком революции... В таком духе. Прошел фестиваль «Старородящие русского рока». Ходит...

– ...театральный зритель, – подсказал Стоунз. Он плохо понимал, что я говорю. – А у нас бригадир взял фамилию жены – Очечко. А его фамилия – Волкодав.

– А где-то рядом усераются верующие. Мюриды в вонючих труниках. Даже Сермяга сказал: А тут еще этот *джихан* начнется,

63

ездки очень вредных микробов с марксистским душком. Жаль, теперь понятно, как жаль, что нахальные хиппи и Коминтерн не позволили Пентагону как следует прожарить напалмом весь это Индокитай, где кроме наркомана Хошимина, зловонных соусов и карлиц, пускающих пиздою дым, и нет ничего. Все уцелело, и микробы и соусы. Деликатные американцы разве способны что-нибудь толком истребить?

Товарищ Навоз еще долго пересказывал свои неохристианские воззрения. Мы успели купить водку в Овощном, я угостил Стоунза дорогой сигаретой. Навоз скрылся у себя в подъезде, якобы за брошюрой по богословию.

– Слыхал, Навоза поперли с кабака, – капает Стоунз, ну вылитый Питер Лорре. – Пиздит, бабок нет, а я знаю, шо бабки есть. Знаешь скока пластика он продает?!

«Он... Он хо... Он хотел нас разорить!» Зернистое фото на листовке – кому-то перерезают горло. «Смерть неверным баранам!» И рядом повыше мирное объявление: «Музыка для армянских торжеств». Как говорится, лет двадцать назад подобное было бы немислимо. В каком-то фильме звучали эти слова: «Он хотел нас разорить». Увидев сточную канаву с бурлящими ядовитыми шами, мы с Навозом говорили в унисон: «Кура». Теперь «Кура» – это злоещий кабак, откуда не возвращаются. А дришущая ядовитыми шами фабрика перешла в руки бараньей нации. Навоз, конечно, работал в кабаке попроще, в обычном кафе с живым звуком, где покупают пиццу и пиво трамвайные попросайки. «На заречной улице» его название, что ли...

С третьего этажа дробно просыпались козьи орешки джаз-рокового брейка. Голова Навоза в папахе натуральных волос вылезла из окна:

– Чуваки, минуточку терпения, и я к вам спускаюсь.

– Вот увидишь, он не вынесет закусить, – предостерег Стоунз, не вдаваясь в подробности, зачем вообще эта встреча, за-

65

чем им я. Если они просто рады меня видеть, не похоже. Выпьем, и Навоз скажет те же слова, что и шесть лет назад: «Отец, ты не меняешься. Это прекрасно».

Торгует планом Мудрец Моча. Саня Пивнев – необычайно важный для России человек. Стоунз никак не отреагировал на «мудреца мочу». Мне припомнилась его сдержанная реакция на рассказ про мальчика, который писался под парту: «Ну и шож...бывает», – строго вымолвил Стоунз<sup>77</sup>, дав понять, что тема эта ему не по душе.

Навоз видимо ест. Кто может быть там наверху, кроме него, не представляю. Он не приглашает меня в гости с семьдесят девятого года. И, я думаю, когда мы выпьем и спровадим Стоунза, он в очередной раз расскажет, почему. Дело в том, что Навоз уже был однажды взят живым на небо – его вызывали в КГБ. В любимой песне Навоза есть слова: Someone dance to remember, someone dance to forget. Олег Возианов не хочет забывать свою прогулку по лунной дорожке в летающую тарелку, где ему пришлось ответить на несколько вопросов...

– Шо Сермяга?

Каждое «Г» Стоунз выговаривал с жарким выдохом, любясь своей неисправимостью, мне бы так. Обдумывая ответ, я принялся разглядывать кирпичи цвета спекшейся крови, хмурю стену. Болезнь и музыка мешали мне сосредоточиться. Дом Навоза, здание послевоенной постройки, казалось, сейчас пойдет трещинами от бесконечных «тррр-пум-пум» и произойдет **Падение Дома Навоза Эшера**. Сколько помню, он не мог слушать музыку тихо, несмотря на лирику. Все, что ему нравилось: Матиа Базар, Юра Антонов, ранний Макаревич (сделай тише, снова в летающую тарелку захотел?!), обязательно должно было греметь. Потом дошло дело до джазрока, положение обязывает, и Навоз стал стыдиться тихой понятной лирики, словно это поют какие-нибудь деревенские родственники, а не **Смоки** со

66

раздалась музыка. Пел кто-то из кремлевских любимцев. Не-то троегубый в очках, не-то жиряк, что дуется, как пузырь. Вначале тихо что-то лепетал, потом стал криком кричать «наши деды и отцы», высоко, силно. Словно троегубому всадила пулю в пах кавказская снайперша (на уроке сольфеджио). Навоз слушал внимательно, двигая губами. Видимо он знал слова. Троегубый кобель оплакивал простреленные яйца так пронзительно, словно живьем был подвешен здесь же, среди ветвей.

Молчал Стоунз из воска в пыльном костюме. Навоз тоже меня не видел и не слышал, но видно было, что он недоволен, мое присутствие оскверняет песню. Я не сумел заметить, где произошло превращение. Белесые клювы портовых кранов одного цвета с воздухом отвлекли мое внимание. Стараясь не задеть восковые фигуры, я, хрустнув суставами, поднялся со скамейки и не оглядываясь, пошел вдоль газона к выходу из сквера...

– Гарри, ты идешь или шо? – они стояли возле гранитной плиты у выхода, а я по-прежнему сидел на скамейке. Сигарета оказалась мне такой странной, что вынув изо рта окурок, я недоверчиво повертел его в пальцах. Цыгане их заряжают, что ли... Навоз скорбно качал головой, Стоунз смотрел исподлобья.

Они бранились. Но делали это умело, скрывая причину недовольства друг другом. Стоунз что-то пообещал Навозу, но не сделал. Тогда было решено вызывать из резерва меня, но я чем-то им не подошел, не сумел угадать, чего от меня хотят. «Та сделаю я тебе все, шо ты переживаешь, как пацан», – бормотал Стоунз свою версию Азизянова «сказал отдам – значит отдам».

Перед светом он, будто спохватившись, выпалил мне со злобой:

– Слышь, Гарри, ты бы хоть сказал, я б тебе в столице дал солидных людей, Петьку Сысоева. Он достанет тебе все, что надо.

– Спасибо, Стоунз. Мне ничего не надо.

– Ясссно. Вы всегда были самостоятельный джентльмен.

68

Стюартом. Эх, Олежка... А из окон Сермяги ни звука, хотя это вовсе не означает, что Сермяга не слушает музыку.

У Сермяги на балконе сохнут рваные полотенца. Нет! Флаги не «сохнут» и не «мокнул». Флаги реют. Это эмблема бедности, которая не позволит себя убеждать. Последнее время Сермяга жалуется на безденежье, как на погоду. Он дает понять, что скучает из-за отсутствия средств и виноваты в этом, прежде всего, собеседники, потому что не могут ничего предложить. Значит, рано или поздно, сама жизнь подыщет Сермяге капитал. И он получит его по одной причине, потому что сейчас его у него нет. Кто знает, может прямо сейчас, он, погасив все светильники, останавливает глазами цифры счетчика, снимает трубку под радиоточкой (еле слышно поется украинская песня), звонит: «Слышь, Юрчик, а шо там, ты не знаешь, когда будут бабки выдавать?.. Ясссно». И он их получит. Пропьет, и будет ждать новых неизбежных чудес, в существование чье так же трудно поверить, как точно узнать место и сумму денег, которые Сермяга не пропил, а спрятал.

Мы расположились на скамейке, вблизи бывшей танцплощадки, похожей на след от летающего блюдца. Пили по очереди – Навоз вынес из дома всего одну рюмочку на троих. Я чувствовал себя полной игрушкой с фабричным запахом внутри. Вот так и воняет из хронически больных людей. Стило затянуться табаком, и в нос ударяло жженой гуттаперчей, а вкуса проглоченной водки я и вовсе не ощутил, словно выплеснул ее через плечо. Стоунз с Навозом, кажется, решили незаметно для меня, что говорить о причине нашей встречи со мной не стоит, и явно не знали, о чем говорить вообще. Навоз стал было рассказывать о каком-то Грачике, человек этот успешно «фарширует» аппаратурой клубы и дискотеки, но, сообразив, что мне это неинтересно, брезгливо оглядев меня, смолк. В рассуждении градуса водка оказалась слаба, но другой здесь не пьют лет уж десять. Со столба

67

– Дело не в этом. Мы знакомы с тобой с семьдесят пятого года. А виделись еще раньше. Ты покупал у меня марки, не помнишь? Лаосских слоников. Мне нужны были деньги, потому что Дупа и Крава принесли пачку фоток: **Роллинги, Элис** в фильме «Спидвей». Только я тогда не думал, что Стоунз это ты... Если раньше, в благородную эпоху, было неприлично спрашивать: «Сосете вы?» (Навоз дернулся башкой). Парадоксально неприлично, ибо как раз сосали...Шептали за спиной: этот сосет, этот сосет, он берет сосать, образовывая «паровозик» сосущих лицемеров (при каждом «сосет» вздрагивал Вот-again Навоз), – Стоунз слушал заинтересованно, – Вот, а теперь заинтересованному человеку в голову не придет ляпнуть: А сколько у вас, Антон, всего денег? Вопрос этот неприличен не тем, что денег у юноши больше, чем у других, а потому что у Антона на мозг страшная саркома давит – он твердо знает, что денег у него все равно меньше, чем у того, кто позволяет их ему иметь...

– Отец, и шо ты этим хочешь сказать? – подал голос евангелист Навоз, – в Библии ясно сказано...

– Правильно, Олег. Вы здесь еще не видели, как деликатно ведут себя юноши у банкоматов? Они точно приводят себя в порядок. Если подойти сзади и сказать «кучку», они обернутся и с наследственной грацией по-женски процедят: «И-ди-от». Деньги – это фигура. И чулки надо подтягивать. Мамы в подвездах поправляли трико, папы на пальцах считали эти свои «палки» несчастные, но все это в прошлом. А помнишь, Стоунз, ты мне бухой говорил, что у тебя на Хортице закопаны пять тысяч колов? Что с ними стало? Размокли на хуй, превратились в замазку, собаки вырыли и съели, как еврейский пряник в чеховской «Степи»? – я говорил, словно не успевал записывать высказывающиеся мысли.

Навоз снова скрылся у себя в подьезде.

– Между прочим, подвал тоже его, – успел наябедничать Стоунз, – все заставлено барабанами, на которых он ни хуя не умеет.

69

Юноши у банкоматов подражают Сермяге. Рассматривая снимок, где Сермяга снят со спины, покойный Масочник про-изнес трехступенчатый комментарий, который я бы назвал хро-матической мини-арией Масочника:

Хуй дронит?

А почему залупы не видно?

Да он и не дронит...

Так, притворяется.

Времени было не так много. Пять часов вечера. На остановке Стоунз расвирепел, лицо его, и так припухшее, по-краснело еще больше. Он вдруг сделался гораздо пьянее, чем казался до этого. Стоунза душило негодование. В скоплении кол-хозников, безразличных к тому, что перед ними Стоунз, этот маленький человек стал похож на вмиг постаревшего идола шестидесятых, очутившегося в Аду, где его имя ничего никому не говорит. Упрямый Навоз, вопреки здравому смыслу, до послед-ней минуты ждал от Стоунза обещанного. Но что мог ему, Навозу, пообещать один из самых оригинальных людей, с кото-рыми я все-таки успел познакомиться? Я передумал, и вместо собачьих денег, сунул ему в карман сигареты. Стоунз вспрыгнул на подножку троллейбуса. Едва закрылись двери, он тут же обер-нул ко мне гневное мученическое лицо. Губы его шевелились, видимо, он бранил давивших на него пассажиров. Казалось там, за сплошным стеклом, балансирует в жидкости, сердитый на чье-то коварство, одетый во взрослое, младенец...

\*\*\*

– Может быть, сказать, чтобы Иглезиса поставили? – за-ботливо спросил Навоз.

– Каголика? Ни за что на свете.

Акации уже покрылись листвою, но еще не цвели. Мы сиде-ли на пеньках в кафе. Навоза здесь знали, он барабанил в этом

70

– Не читал! Не читал! Никогда-а не читал!\*

Воп-агайн Навоз. Раньше Стоунз обязательно переделал бы Воп-агайн в Барныгина. «Барныгин вывалил держак» и так далее. Остальное вы знаете, как говорил Академик Сахаров в одном из своих писем. У Стоунза гениальный дар давать имена бесам. Грубоватое Навоз он облагородил небывалым отчеством – Смердулакович. Дождливый вечером возле гастронома вы-шел из-за угла, отмерив несколько шагов, как на дуэли, и впер-вые во Вселенной произнес:

– Здравия желаю, Навоз Смердулакович!

Вероятно удалившись от Навоза на более спокойное рассто-яние, Стоунз сумеет оценить Мудреца Мочу, как некогда оценил и похвалил Золин Гот Зол, но эта тема отдельная. Что говорить об этом вслух – Стоунз развил и поощрил целый ряд сатанинских свойств, но, кто кроме меня благодарен ему за это? Он один из двух маленьких людей, про которых я помню круглые сутки – второго зовут Чарльз Мэнсон. И через меня Стоунз, получается, знаком и с ним. Когда-то Стоунз посещал кинотеатры. По сей день простить себе не могу, что не сходил с ним на «Как утопить доктора Мрачека». Он пошел не один. С ним были Юрий и Виктор, оба филателисты. Юрий громко комментировал: «Рыбу украли» но это, пожалуй, все, что мне известно про этот легендар-ный поход. Зато «Тайну яхты Айвенго» мы смотрели вместе, трезвые. Я вынудил всех знакомых посмотреть этот охуенный фильм, в том числе и Нэнси. Стоунз сказал, что главный герой, грек-миллионер Коста Марос чем-то похож на Адамо. Об акте-рах, похожих на «нежного садовника» Сальваторе Адамо в различных стадиях разложения часто заходит речь, вспоми-наю диалог:

– Как Адамо похож на Буркова!

\* У Полада в действительности:

«Не ревнуй! Не ревнуй! Никогда не ревнуй!»

месте, когда еще была простая школа ДОСААФ. От выпивки Навоз отказывался сам, словно чего-то опасаясь. По пути, отпра-вив Стоунза, он зачем-то рассказал мне, что вся пепси-кола в районе армянская, фальшивая, и не советовал ее пить. Я было удивился – а где же армяне? Кроме того, фото Азнавура, как у меня на проигрывателе, я не встретил пока что ни одного. Но спросил об этом мысленно. Довольно я наговорил за последние годы, и практически все, кто меня слушает, стали только хуже. Хотя им самим, наверное, кажется, что лучше. Записывать я не успеваю, да и желания, честно говоря, особого не осталось. Это как произ-носить тост после выпивки. Или петь правильные слова на непон-ятном для окружающих языке: A parlar di rughe, a parlar di vecchie streghe...\* чтобы услышать в конце оттянутую правду: Да они тебя и не слушают, потому что сами знают, как петь.

Мне нравился Стоунз. Он отливал из букв фантастические фигурки, не болтая лишних слов. А ведь мы могли бы никогда не познакомиться, тысячу раз переругаться из-за мелкой наебалов-ки, без которой, я знаю, непродажному художнику не выжить. Вот и сегодня, Стоунз похоже оставил Навоза ни с чем. Но спрово-цировал Стоунза скорее всего сам Навоз, чуткий ко всякой модной возможности сэкономить. Когда-нибудь узнаем, на чем именно.

Воп-агайн Навоз поил меня отжатой кофейной ржавчи-ной, потому что захватил из дома тетрадь воспоминаний. Поче-му бы и нет? Мушиный мед воспоминаний из мозолистого улья барабанщика. Почему бы и нет? Разве я пишу лучше? Сказано было – не Лимонов, не Газданов. А я их, кстати, и не читал. Перед военкоматом мы с Сермягой набухались. А там был пра-порщик Синеокий, а тогда как раз читали по «Свободе» Буковс-кого «И возвращается ветер»... Нам с Сермягой показалось смешно, если Синеокий, на вопрос, как ему Буковский, запоет в ответ на мотив Бюль-Бюль Оглы:

\* *Prendila cosi. Музыка L.Barristi, слова Mogol.*

71

– А тот был хороший, когда резал Шукшина...

После «Тайны Яхты Айвенго» мы зашли в пивную, а там стоял и пил кальвадос врач Шульга. Опять скажут – одно и то же. Разве что Азияна нет. Но если просто выдумывать и не записы-вать, получается лучшая из нынешней прозы. Даже у классиков интереснее читать дневники и записные книжки. Люди, не склон-ные к самоуничижению знают, что короткая понятная песенка Эливиса полезнее, чем симфонии Вагнера, фолк блохастых зем-ледельцев или джаз.

\*\*\*

От кофе и от ожидания, что я скажу, Навоз вспотел, он стащил с себя кофту и положил подбородок на могучие руки. Возле плеча я увидел татуированный парашют. Опять десантник! Перехватив мой изумленный взгляд, лейтенант запаса Возиа-нов миролюбиво улыбнулся: «Вот так мой друг, а ты как думал?»

Эти попрыгунчики преследуют меня. «Чечики кастрируют нас, прощай Россия, прощай спецназ». А в фонтане на Маяков-ского какой-то белесый, с кольцом в ухе, восемь раз на моих глазах пропел: «За нами Никита, Свинья и Арбат». Вокруг него плавали чипсы. Почему-то они не тонули.

Мысленно, чтобы не вызвать подозрений Возианова, я за-тянул свою любимую:

Не Газданов, не Лимонов,

Не Кубасов, не Леонов

Хрен с ним с этим Аполлоном...

И заглянул в рукопись. Воспоминания касались только школьного периода. Разумеется, никакой физиологии, никаких сожженных кошек. Написано аккуратно, без гадостей, чтобы те, кто попал в эту тетрадь, лет через двадцать могли читать о себе с улыбкой бабушки, изучающей подаренный ей телевизор.

72

73

– Нормально, неплохо, ты мне их дай, а я отдам девушке, она забудет текст в компьютер, а дальше видно будет. Ты не бросай это дело, что вспомнил – сразу записывай. Не мне тебя учить. Кто из нас в универе учился, я или ты? Фиксируй все подряд, потом доработаешь, смонтируешь. Литература, это, старенький мой, как грамотное джазовое соло...

Последние слова мои понравились, по лицу было видно, что Олег их запоминает. Поглаживая подбородок костяшками пальцев, он ласково попросил:

– Будете печатать, ты расскажи, кто я и что.

Неужели питурик? Все может быть...

По клумбе шаталась полуизуродованная собака. Жизнь и смерть в одинаковой мере могли претендовать на ее полуживой организм. Самой собаке было все равно. Она гнила заживо и не делала из своего состояния трагедии.

– Бедный собач, – с той же лаской вымолвил Навоз, – Прикинь, отец, так жить!

– Да. Всех пора спасать – китов, пернатых тоже. У Азияна в Рудном был человек по кличке Исус. Азиян говорил: «У Исуса до хуя редкого метала».

– Ты не посещаешь наш Джаз-клуб?

– Быки и ларечники жопами задавят. Вон, собака джазовая гуляет. Не, не хожу. У меня есть свой фаворит. Собачка Парасюк. Он похож на поросенка, и вместо лая издает такой женский кашель: А-А...А...А-А-А! Говорят, в Москве или в Питере выходят записки Азияна «Педераст по нервной части». Или это роман. Предисловие Шахиджанияна (разумеется, вслух я это не говорил). Не, не хожу.

– Напрасно, отец. Выступают яркие люди.

– Наверняка.

...а еще Парасюк – фамилия директора Дворца Культуры. Мы как-то пришли оформляться, а он кому-то по телефону: «Ах ты, мандавоха!»

74

он убежден – Возианов не бросает. Ему, правда, еще нет сорока, а там посмотрим.

\*\*\*

В этот вечер выяснилось, что Навоз до сих пор верит, будто я стрелял из дробовика по зданию КГБ. Ему ли не знать о моем глубочайшем презрении к оружию любого вида и размера! Я сачковал военное дело в открытую. Откуда у меня дробовик?

– Ведь мы в те времена общались каждый день? – спрашиваю.

Навоз не глядит на меня.

– Не знаю. Они показали мне дыру в окне, – отвечает он отрывисто и хмуро. Так в его среде принято отвечать посетителям, назойливо пробующим заказать запрещенную песню.

– Но с какой стати я должен был стрелять в окно КГБ, и почему меня за это не арестовали?

– Не знаю, отец. Но спрашивали о тебе конкретно. Видно было, что тобой интересуются.

Навоз проводил меня до самого подъезда и только там вручил мне тетрадь своих воспоминаний. Удивительно дело, болезнь меня не отпустила, но я совсем перестал о ней думать.

День прошел. Мне поставили пломбу. Я увидел, во что превратился Стоунз. Навоз доверил мне рукопись и дал понять, что все эти годы ему было известно про мою стрельбу по окнам КГБ...

Если мне говорят, что «Феррослав» сильная команда, я не спорю, если спрашивают, как мне такая-то группа, я большим пальцем показываю – «Во!» Зачем обижать болельщиков? Зачем подкрадываться и куковать в ухо юноше перед банкоматом? Делаешь загранпаспорт? Делаю загранпаспорт. Они показали мне дырку в окне.

Хорошо писать рассказы, короткие и потешные, как мой друг Стоунз. Убрали одну букву, чтобы осталось Питер Лорр – и рассказ готов. Короткий, как Питер Лорре, без буквы «е». Но,

76

\*\*\*

В родном городе меня поневоле окружают творческие люди. Самые одаренные, как Азиян, не написали ни строчки, кроме писем в журналы по обмену порнографией, когда это разрешили. Стоунз говорил, что носил учебники в папке цвета баклажанной икры, на ней он очень точно изобразил логотип группы *Манкиз* в виде электрогитарки с рожками. Нудный художник Кисточкин предпочитает жопы без дырок и сисяры без сосков. На ряд вопросов, которые я вызывал у этих людей, они могли ответить разве что глубоким вздохом, и отойти подальше. Карлица ростом ниже Стоунза. Она перерисовывает фигурки из толстого сборника. Фигурки демонстрируют свое имущество на фоне вычурных цветов, которые напоминают гигантских клопов с жилетки чеховского Мойсей Мойсеича.

Словно мутанты среди декораций нехорошего городка, меня обступают талантливые люди. Непонятно, чего они добиваются, чтобы я в ужасе бежал, или тут же умер от страха? Вот бледный, мучнически сузив глаза, движется Рыжая Скотина – русский человек, композитор. Не дай бог заговорить в доме повешенного, а частенько и обрыганного, о веревке! Каждый из них пережил трагическое разочарование, но сумел не обозлиться. Мы пойдем – а ты стой, аферист, не путайся у нас под ногами. Сложим наши хуи на фоне клопов в портфолио, и двинемся в путь.

Че Гевара тоже пережил разочарование. Залез в самолет и прилетел в Америку. Его отпиздили и отправили обратно. Он мельком увидел рай, но успел его возненавидеть.

Азияна повезли в Москву. Надели чистые шорты, рубашечку, панамку и выпустили погулять во двор, где ему тут же попали камнем в морду и едва не сделали калеккой на всю жизнь...

Олежку нельзя отнести ни к особо талантливым, ни к быстро грамотным, но то, что ему нравится, в необходимости чего

75

по-моему, рано ставить точку – у Исуса до хуя редкого метала. Так в конце кассеты после новой шумной записи возле самого ракорда, случается, уцелеет отрывок блатняка под гитару и кольнет тоскливо и гневно, как прощальный взгляд Стоунза из-под стекла троллейбуса.

У меня такое ощущение, что проповедников-евангелистов постепенно вытесняют тантрические ебни. Подозреваю, кое-кто из тех, кого я знаю – полустарухи, ходившие десять лет назад в кроссовках и гольфах с напуском и вязаной полоской на лбу, когда говорят «йога», имеют в виду ритуальные ебни в помещении. Отравленная, разграбленная Украина почему-то подвержена нашествиям разного рода сектантов. Даже в Москве я успел заметить – в самых похабных радикальных кружках преобладают выходцы отсюда.

Многие коллеги Навоза по музыке ищут спасения от цыганской ширки в проповедях евангелистов. Поэтому фраза «у Исуса много редкого метала» могла бы украсить цветную афишу любого пастора, как почти все, сказанное Азияном. Но лучше об этом не говорить.

\*\*\*

Повстречал Навоза через год, вместе садимся в троллейбус. Подходит кондуктор. Я беру билет. А Навоз: «Удостоверение». Даже не предъявил, но я догадался, наконец, в чем дело. Благодаря добытой с помощью Стоунза книжечке, Навоз теперь числится инвалидом. Что же, все правильно, передние лапы пролезли – пролезай и задними.

Прошлой ночью в полусне мне слышалась странная песня. Голос вроде бы Северного. Речь в ней шла об отношениях юного Сермяги с осветителем Ивановым:

Осветителя жена расторопная была  
Она сразу поняла про сермягины дела.

77

Северный, конечно, никогда такого не пел. Но голос внутри меня, голос моей памяти продолжает петь не просто знакомые, но и совершенно новые вещи. И хорошо, что их никто не слышит, кроме меня самого. Представьте, если хотите, Иванов в расстегнутой красной рубашке, в белоснежной майке просит Сермягу, чтобы тот поставил «Осветителя жену»...

Я давно не пользуюсь своим удостоверением инвалида. Кондуктора не верят, что на фото изображен я. Проще заплатить. Этому снимку лет двадцать. Я переклеил его со старого читательского билета, чтобы не позировать лишний раз. Теперь синяя книжечка лежит в правом ящике туалетного столика, трофейного, из Германии, рядом с прядью моих младенческих волос и пустой пачкой от сигарет с ментолом. Внутри пачки есть надпись «Не забывай обо мне!» Ее сделала девушка, с которой я познакомился в психбольнице осенью девяносто третьего года. Меня уговорили лечь туда, чтобы моя репутация сумасшедшего не пошатнулась. Но последнее время я редко езжу троллейбусом. В отличие от Стоунза с Навозом.

### ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

*Есть ли в этой истории скрытый смысл? Можно ли понимать ее как зашифрованное сообщение о присутствии среди нас людей не совсем обычных, хотя и мало кому интересных? Три ее героя – три волхва, короли, по евангельскому преданию ведомые звездой, чтобы поклониться младенцу. Стоунз – один из них и есть младенец. Он дает избранным евангелия под видом инвалидских удостоверений. Два бездетных отшельника – Сермяга и Азиян не симпатизируют никому. Неутраченная «отравленность» рассказчика это перефраз известной сцены из «Мальтийского сокола», когда Саму Спейду дали отравленный виски. Чтобы лучше представить себе Навоза, следует сказать, что он поход на Роберта Митчума. Стоунз – копия Питер Лорре в фильме «Beat the Devil»*

78

Женатый интересовался всем, что среди людей называли «порнографией», говорил отрывисто, сирым голосом, без злобно разыгрывал, по-моему, умел чувствовать хорошего человека... Я любил повторять короткие предложения этого носатого толстяка с причёской Рода Стюарта и бакенбардами: «без наебаловки», «забух остался», «красивые молодые бабы»... В армии он служил на радарной установке, и даже попал на страницу «Красной звезды». Что бы он подумал, увидев меня (без наебаловки) в (красивые молодые бабы) «Плейбое». Забух остался.

Фёдоров заговорил про «Битлз».

– Ты же знаешь Сланского?

– Сатирика?

– Нет, сына Рудика. Того, что женился на старухе.

– Какой старухе?!

– На сестре Хипни.

Ну да, на старухе. Хипне пять и три, а той четыре и девять. А он, Рудик, какого года? 62-го. Надо было ради этого бросать родину, чтобы сидеть с ней в одной квартире без горячей воды. В Нью-Йорке.

– Да ты дослушай. Он же побывал на концерте Пол Маккартни энд ээ Уингс, говорит, получил огромное удовольствие.

– Да?

– Летом он навестил нашего с Нэлкой друга Мишу и привёз показать ему роскошный цветной буклет...

– ?

– С фото теперешних участников группы. Ну... Линда ещё живая... I was alone, I took a ride. I didn't know... Миша охуел.

– А Маккартни расписался на нём?

– Нет.

– Нет? Зачем тогда он пошёл слушать этого дедушку без голоса, без внешности, прокуренного...

Вчера была суббота. Вечером я собирался выпить. Мать ушла из дома, я попросил её купить селедку. В пятницу вечером я позвонил Ларисе-парикмахеру, больше так – узнать как дела. Она сказала, что у неё в транспорте вытащили инструмент, разрезали сумку. Попросил подровнять перед отъездом волосы. Она сказала, что будет к часу дня.

Опаздывает на час. Я уже стал думать, не отменить ли выпивку? Лариса явилась после двух – спектакль задержали. «Представляешь, рано утром звонок в дверь, приносят пакет с моими инструментами. Оказывается, я их просто забыла, причёсывала свадьбу. Встала в пять утра». Прошлая пятница, 13-е, полнолуние. Актриса Секеляста-Лютинска фанатичная христианка, предлагает ей партию косметики. Ну да – средство от пота «Голгофа». Бог потел и нам велел... Денег у меня не было, и я уже на пороге подарил Ларисе ампулку с духами «I'm la douce», в которых я ничего не понимаю.

Едва я успел пообедать рисом с подливкой, приходит Фёдоров. У него роман с халавою из Днепра. Называет её «любимая», но не показывает. «У самовара я и моя Сарра, а под столом законная жена»... Попросил показать «Playboy», я показал. Выпивать я собирался не с ним (Фёдоров мало пьёт), а с Кругловым – третьим любителем Барри Манилова, не считая меня и Баяна. Барри Манилова я впервые услышал в передаче «Голоса Америки» на плёнке, которую мне дал Виталик Женатый. Фрагменты интервью, лирические песни без рок'н'ролла, снежок, советские игрушки на ёлках, горячая талия продавщицы в вязаной майке и хрустящем парике, давно это было...

79

– Подумаешь, человек его любит!

– Фёдоров, на Западе, как два пальца замочить пообщаться с любимым из ещё живых чувачков. Это ведь только кажется, будто они недосыгаемы и процветают. А на самом деле, это одинокие пожилые люди. Молодости не было, гастролы, колёса чтобы заснуть, колёса чтобы проснуться. Стоило ехать в Америку, чтобы щеголять общедоступным буклетом перед другим колхозником, причём, Фёдоров, прикинь, потратив на него деньги, явно необходимые сестре Хипни для покупки улучшенной бритвы, такой, чтобы брала не возражая... не вызывая раздражения её подпушный волос – «седой, но жёсткий».

Фёдоров обещал достать мне по своей линии видеозаписи некоторых фильмов – «Салах Шабати», «Два Куни-Лемля»... Любезный моему духу флюгера-хамелеона-обортия материал. Но не достал. А говорит «реб Гарик, реб Гарик». По долгу служащими, как диковинные звёзды в детстве, названиями, но он постоянно сводит разговор к дурачкам из Ливерпуля, которых, кстати, в своё время не пустили в государство, давшее приют массе провинциальных битломанов. Я имею в виду Израиль.

Чорт таскает их по концертам. Что они ожидают услышать от Макки в возрасте Лёни Брежнева? Те песни, от которых они балдели по Кръжолиям своим, он давно уже не поёт, некоторые вообще никогда не исполнял со сцены... Медовый месяц там, безошибочно указывающий местоположение (позиционирующий, как теперь говорят) слушателя как местечковое, би-боп-би-боп-поп (Макка должен её ненавидеть, как сестра Хипни должна ненавидеть его, внушившего её молодому мужу разорительную страсть, лишившую сестру Хипни вождельного лезвия), или там гоп-хей-гоп. Если Сруль ваш уехал в Ливерпуль.

Я слышал сильное исполнение хоп-хей-гоп. В бакланстве речников. Январь '76. Леонид LIVES! Леннон спивается (или

уже бросил?). Тоже мне саморазрушение – дорогой виски в дорогих кабаках. Сермяги на него нет!

Популярный анекдот: Что такое стена Плача? Это там, где Сруль растоптанный лежит. Наверное. Бухой. Бухой Танага заваливает с ВЭФом, настроенным на «Коль Йисроэль», и ставит приёмник на мраморный прилавок рыбного отдела, рядом с селёдками. «Послушайте, Софья Львовна». Я познакомился со Стоунзом. Клыкадзе создаёт свои вещи.

В бакланстве постновогодние танцы. «Before accuse me», «Travelin' band»... Бэнд сильный, я имею в виду состав. Половина уже уехала в Трускавец. Бас-гитара – похожий на слабоумного близнеца Александра Галича Лев Пинин. Говорят, он и вправду недоразвитый, поминутно просовывает язык за нижнюю губу, пучит глаза дурней барана. В начале 90-х он начудит что-то такое, миллиона на два, и его шлёпнут в конце концов. А сейчас он колупает свой недорогой бас и рявкает в неаппетитный микрофон подобие непонятного ему текста «Before accuse me take a look at yo'self». За барабанами милейший человек. Евгений «Жаконя» Гейнсбарр. Он догадывается, что похож на самого симпатичного члена Дю Папл – Яна Пейса, тоже барабанщика и, наверное, еврея. Чувихи об этом вряд ли знают, но их потные сисяры, смазанные духами, запах которых остаётся, даже когда высохнет жидкость, как и мелодия держится в эфире, хотя песня пропета, направлены на весельчака-очкарика, сидящего за первой сборной установкой, точно за столом с выпивкой. То и дело мелькает Карузо, он не любит молодёжную моду, вышивает в солидном костюме. Как ни странно, это я подталкивал их знакомство. Теперь, начиная с лета, Жаконя и Карузо бухают, выступают с хорями всегда вместе, всем антистигам назло.

Вот Галич-дебил начинает шалбанить знакомый рисунок. Я присматриваюсь: он действительно мантулит на заводе у стан-

ка, в три смены. И ему действительно отхуярило прессом полпальца. Зохан вей, или, как это звучит по-ихнему? «Мисс Вандербильд». Позапрошлогодний хит звучит в бакланстве речников. Поёт Жаконя. Но почему у микрофона, отгеснив Галича-дебила маячит широкое душло Карузо? Кто же будет хохотать в конце... Конечно, тот же Бобби Карлтон, он просто симулировал травму... Разумеется, хохотать в финале хоп-хей-гоп будет полу-Чекан, полу-Пуговкин – бесстыжий Карузо! Вещь недлинная, все мы, кто слышал раньше этот смех, ждём. Речники в тужурках танцуют с девочками из швейного.

Армянский Карузо (так прозвал его Азизян из-за имевшей место в детстве на чердаке грязноватой, по слухам, истории) хохотал ещё столько же, сколько вещь длилась до того момента, где у Маккартни раздаётся смех.

Жаконя, со странной фамилией Гейнсбарр погиб смертью Джейн Мэнсфилд. Такси в тумане нырнуло под прицеп, и его колоритная афроамериканская голова отделилась от туловища. Где-то в Карпатах, атм он выбил из барабанов по гуцульским свадьбам, по слухам, «40 тонн». Инспектор снял ГАИ с переключателя скоростей звезду-медальон на цепочке, из очень хорошего золота. Теперь её носит сын сестры покойного Зиновий. Он клавишник. Говорят, очень хороший.

Смех Карузо не изменился. Он по-прежнему доносится иногда летними ночами с просторного балкона на последнем этаже, где они, бывало, выпивали с Жаконей, как принято было делать это только в нимфоделических 70-х... И тот задорно по-сверкивал стёклами очков в «зоринской» оправе, которая снова войдёт в моду, когда очки Жаконе уже не понадобятся. Казалось, он фотает на память глуповатые мордашки матросиков и серьёзные маски более опытных девчат, разминающихся на одном уровне с ансамблем – эстрады в тесном вестибюле не было. По пояс в тёплой от дождя воде, под предоргазменный

бой кремлёвских курантов в новогоднюю ночь, отпуске, в стройотряде, в ленинском уголке, в Евпатории наконец.

Может быть, Фёдоров боится, что я буду высмеивать фильмы, о которых я говорил ему с таким восторгом, может быть, Фёдоров считает меня сумасшедшим и не хочет выполнять просьбу ненормального. Скорее всего, ему просто наплевать. А мне нет. Год... Скажем, что год, иначе будет не так романтично, назад, примерно в такой же вечер, в этом же полусумраке, напротив сидела в моей старой рубаше эта соска из Харькова и слушала эту же историю, только из моих, так сказать, уст. А поздно утром я пел ей на кухне: Immensita и Due bianci cristelli sereni и так эта песня летела...

Сегодня я сижу один, без музыки, и при свете лампы записываю то, о чём рассказывал ей, на бумагу. Кстати, лемуноподобный Дядя Каланга, познакомивший нас, тоже пропустил чудовищное число ударов, правда, ни один из них не был смертельным... В отличие от Карузо, Дядя Каланга (младше Карузо на два года) уже не смеётся. Фёдоров что-то говорил про Формулу-1 и Джорджа Харрисона. Может быть, он и не Фёдоров?

Взрослая девочка на детских качелях. Большеротая... Если бы год. Если бы только год.

Где был счастлив – туда не возвращайся. Одноклассник Дядя Каланга, джазроковый барабанщик с деревянной башкой оборсался, поучаствовав в афере Галича-дебила. Похожий на Делона, он очаровывал вкладчиков. Недавно, летом, он объявился у нас в Мичигане, и в свои сорок серьёзно говорил об альбоме.

– Шулга приходил, битлов просил.

– Хуй ему! Правильно!?

Ну и как же мы посоветуем деревянной башке назвать его альбом? Он не согласится, но, по-моему, «Пошёл за шерстью, а вернулся стриженный» – то, что надо.

23 октября, 2000 год.

## ПОПЛАВОК

Про Александра Галича Сермяга узнал от Парасюка. Конечно, он не мог не слышать фрагменты песен Галича и раньше, особенно в исполнении Кости Беляева, тот буквально всаживал автоматную очередь фразой: «А он мне все по яйцам целится», так что забыть её было уже невозможно. Но, вряд ли Сермяга знал имя автора этих тревожных неожиданных песен, вызывающих смятение в душе советского человека настойчиво и грубо указывающих на существование темных влечений не только порнографического толка.

Наряду с датскими порнобуклетиками с их щетинкой и потком, с отдельными отголосками биг-бита, где ударам по струнам электрогитары будто предшествует взмах тесака из фильма «Psycho», Александр Галич, красивый, странный, талантливый, на пятом десятке благополучной жизни круто свернул в беспоконный замок несбывшегося, и принялся обстреливать оттуда то, что сбилось и испортилось заклинаниями еретика, зашифрованными под банальную антисоветчину.

...Shakin' all over...Лишь при Советской власти такое может быть – Винсент Прайс с гитарой...Ты не часто мне снишься, мой отчий дом...Эшеров.

И...да! Сермяга прислушался и выучил сколько мог. Тот, кто видел и дожил до наших дней, вспоминают, как он брал гитару, усаживался по-турецки на диван, свесив похожий на поросшую волосом клизму животик, и декламировал:

Попробуйте в цехе найти дурака,  
Который бы мыслил не то.

Мы мыслим, как мыслит родное ЦК

И лично...Вы знаете, кто.

После «и лично» Сермяга делал паузу, и поднимал к потолку указательный палец, хотя никто его этому вроде бы не учил.

Когда Парасюк раздобыл, наконец, в Москве целую катушку песен Галича, среди них оказалась и «О стариках и старухах», похожая на сценарий жутковатого фильма про живых мертвецов, оформленный опять же под грустную житейскую историю. Прежде чем ее исполнить, Галич рассказывает про то, как к нему в санаторий приехали писатель Ирина Грекова и полковник авиации Дмитрий Соколовский, и вот, когда они спускаются в вестибюль, Галич дает полковнику ключи, чтобы тот сбежал на второй этаж, и принес забытые в комнате сигареты. И полковник бросается выполнять просьбу больного друга со всех ног, на глазах у потрясенных (кто этот человек, если ему повинуются полковники с голубыми погонами?) пенсионеров. Вы человек или демон? И так далее.

Как известно, Сермягу очень легко вывести из себя. Самое мягкое замечание, самая безобидная просьба, слово, не имеющее никакого отношения к его персоне, способны обрушить на злосчастного собеседника огненный дождь оскорблений типа: «ах ты ж ебаная коза, ах ты ж ебанный петух», за ними может последовать удар «в дондель», человечешко может попросту умереть.

И вот однажды Парасюк, размышляя об этих чудовищных свойствах Сермяги, намечтал не менее чудовищный фантастический финал предисловия к песне Галича «О стариках и старухах», очередной «роскошный финал», после которого автору было уже не до песен.

– Давайте не лететь, ребята, – произносит своим усталым баритоном Галич, он одет в черный кожаный пиджак, кофейного цвета свитер с воротником под горло. Опираясь на массивную палку, он спускается по ступенькам. Гости ушли вперед. В вестибюле царит полумрак, по углам в креслах сидят старики

86

И все меня ждут на Западе  
А впрочем, напрасно ждут.

Теперь голову существа, принявшего на время вид полковника Соколовского, прикрывает не папах из каракуля, а убитая ондатровая тубетейка. Помешкав в сенях, Сермяга закуривает свои, и сопя удаляется в по-зимнему громко шумящий лес, где его поджидает второй инкуб – Ирина Грекова.

А в песне про «Поплавок», где шашлык отрывается свечкою и «в разводах мочи потолок» Сермяге, как почти повсюду, слышались необычные слова. Никто не осмеливался выводить его из заблуждения, зная, чем чреваты сопение его мясистого носа и злобещий трепет шпиченных бровей. Так, для примера, где герой Галича «закурил сигаретку «Маяк», Сермяга ставил «закурил сигаретку моряк». Моряк было прозвище одного сумасшедшего питурика, без ума от Сермяги. Сам питурик называл себя Дафна.

Весь вечер Сермяга ждал момента, когда кончится нормальный магазинный кир, чтобы смотаться в частный сектор рядом с Ящерицей, за «самжэн». Самариком торговало коротконогое создание, про таких малороссы говорят «с-под еврея», похожее разом на Боба Дилана и доктора Мабuze в психбольнице. Мабuze с-под еврея впустил Сермягу во двор, задвинул низкой задницей засов и сказал: «Попался». Его жена оклеветала Сермягу, якобы тот порезал ихнее белье. Поэтому, Сермяга задержался, но самжэнэ принес. После третьей порции в голове Парасюка помутилось, он почувствовал на лице тусклый стеклянный плафон, и уже не напевал, подбадривая себя:

Только вышел в поле он  
Забродил в нем самогон.  
В небе молния сверкнула  
Парня в жопу подтолкнула.

88

и старухи. Они молча наблюдают. Грустные глаза Галича смотрят в сторону полковника Соколовского – ладная добротная шинель перетянута новым офицерским ремнем с португеей, он как раз поправляет на ходу свою папаху из кудрявого каракуля. Ирина Грекова, постукивая каблуками, шагает впереди. Постепенно глаза Галича принимают изумленно-озадаченное выражение. Он, похоже, заметил в своем друге что-то необычное. Возможно волосы, на затылке под папахой, показались ему чересчур длинными для военного. Возможно, красавец полковник должен быть выше ростом. У Галича большое сердце, курить ему особенно вредно. Однако в минуты волнения, в погоне за рифмой, он не может без сигарет. Свободной рукою Галич сжимает в кармане пиджака пачку «Джебл», и тут он, похоже, принимает некое решение. Ирина Грекова уже отворила дверь, когда вновь раздается в номере его знакомый по тысячам записей баритон:

– Забыл сигареты, друзья... Димка, будь другом, сбегай, принеси...

«Димка» медленно оборачивается... Вернее, в действительности он обернулся молниеносно. Но в кошмаре Парасюка важно было разглядеть мельчайшие гримасы искаженного жгучей злобой лица под папахой... (рот, расположенный будто в паху изрыгает плаксиво ядовитые слова: «Ах ты ж, сука, петух! Сбегай, да... сбегай за сигаретами, а шо ты ложил в карман, когда мы уходили? Шо, я не видел, блядь на хуй блядь... шо я тебе, шок, козел ты конченный!») ... Лицо Сермяги!!! Из оскверненного рукава офицерской шинели вылетает шарнирная лапка, увенчанная кулаком, похожим на волосатое сердце. Галич пробует заслониться своей тростью, теряет равновесие...

Пожилый, барственного вида джентльмен с усами падает и ударяется затылком об острый угол кадки с фикусом. Кровь, хлынувшая изо рта пропитывает ворот кофейного свитера.

87

Кроме того, он совсем забыл, что должен зайти Азиян. Растягивая большими пальцами ворот свитера, Парасюк пролез в кресло под открытой форточкой, и сел слушать на большой громкости Галича. «Левой, левой, левой... помнишь, вспо-ротая перина, в летней комнате зимний снег, молча шел не держась за перила, обесече...ще»... – Парасюк закашлялся, подлевая. Он понял, что уже не встанет из кресла, и обгадится тут, подальше от луженой маминой глотки, уже бросившей якорь возле сральника в предвкушении скандала. Нехорошая самогонная оскомина уже подступала к деснам нижней челюсти молодого человека.

Он совсем забыл про Азияна, а тот – в пирожке с клювом-козырьком, с портфелем, в перчатках на войлоке уже пересекал улицу Парасюка, бросая насмешливые взгляды на окно, где был виден кусок стены с плакатом сытого, и на вид почти здорового Элвиса Пресли.

Парасюк слышал звонок в дверь, и прислушивался к голосу Галича... Получил персональную пенсию... «По, – подумал он, – Гробница Лигейи, сейчас она войдет». Содержимое аквариума с дохлыми рыбками потекло горлом Парасюка, отретпетированным жестом он снова оттянул ворот свитера и пустил блевотину под свитер. Азиян гремел каблуками, вынимая ноги из сапог. Сердце Парасюка не стучало, тикало, второй харч он метнул в складку между подлокотником и сиденьем тридцатирублевого кресла... Когда-то семиклассником, глядя на пустое кресло он фантазировал о загорелой, еще не раскабаневшей худой еврейке, с зефирками миниатюрных сисяр, в белом парике, раскинувшей поверх полированных планочек ноги в платформах... Э... Б-бэ... Шаги Азияна оборвались у порога. Сейчас он толкнет рукавом дверь. Сермяга потянулся за сигаретой. Распахнулась дверь, и Азиян с портфелем и в пирожке шагнул в комнату: «Здоровеньки булы!»

89

«Ой ты море, море, море, море черное», – повысил голос Галич и пошел тренди брэндами, но его пьяный бартонище заглушил хохот Азияна, словно посреди шторма, над темными волнами появилась вдруг пружинистая, увенчанная маленькой хищной головкой, шея подводного чудовища.

«Чистая» – написал на коробке осторожный Сермяга. И там действительно, в начале пленки шел большой пустой кусок.

13.11.2000

90

Наличие разума: помочился и не смыл – задумался... Демонстрировать ум, не подкрепленный силой – все равно что высовывать красноречивый обрубок. Это относится к спортивным обзревателям, верным мужьям, любителям проследить генеалогию рок-ансамблей – список можно продолжать до конца страницы... Почему же меня тянет потрогать деревья в сумерках? А я их давно знаю. Помню, как они выпядят с незапамятных времен, когда они, можно сказать, там еще и не росли. Вернее, не выросли все те, кто ходит мимо них сейчас. К ботанике я равнодушен, названия мне ни о чем не говорят, возможно, это какие-то особые карликовые клены. Листья необычайно густая, темно-зеленая, равномерно покрывает ветви растущие вверх и вниз.

Между прочим, на углу, где растут эти шарообразные клены, стоял аптечный киоск. Школьники шептались, будто в нем продаются «гандоны», и указывали пальцем на невзрачные белые пакетики. Я подошел к витрине, однако, вместо «гандоны» сумел прочесть почему-то мне непонятное слово «презерватив». Спросить было не у кого. Так и про породу деревьев, какого они вида, мне сейчас не у кого спросить. А большинство шептавшихся, не говоря об их родителях, уже на том свете. Ведь прошло, неужели прошло тридцать лет?!

Аквариум ему покупать не торопились. Вместо аквариума у него было две книжки о том, как содержать рыбок в комнатном водоеме. Поскольку речь в них шла о вещах пока что недоступных, он прочел обе книги от корки до корки, выучил названия самых экзотических видов и досаждал рассказами об их размерах и привычках, если ему удавалось прицепиться к кому-нибудь из взрослых.

С болезненным любопытством он рассматривал историю в картинках про горе-аквариумиста Ганса (книжка была Гэдээ-

92

## ЧТО ВИДЕЛА РЫБКА

С наступлением сумерек меня тянет на улицу. Это стремление подступает не извне в виде, скажем, постороннего голоса, повелевающего «иди», или каких-нибудь острых воспоминаний о забытой на месте преступления вещи, способной изобличить во мне убийцу или насильника. Нет, желание выйти из дома созрело и живет во мне, это мое желание, поэтому я его не боюсь, не стесняюсь, как никогда в жизни не тяготился ничем из того, что успел совершить по собственной воле. Мне очень хочется посмотреть деревья до прихода темноты. Пока не стемнело, только и всего.

Дьявол подарил человеку в день рождения разум. А бог приделал половые органы. Мы не в Москве, и мне не хочется без надобности здесь материться.

Я многого к счастью не делал, многим к счастью пренебрегал. За многими не подглядывал, ко многому не прикасался. Кое-кому отказывал. Мы не обязаны доставлять удовольствие в коробке от пиццы. Курьеров и без нас хватает. Пускай звонят в другую дверь.

Дьявол всучил человеку пронизательность, но бог тут же выбил хуем из рук ребенка подарок Сатаны – понимание, возможность выбрать одно из двух. И человек всегда выбирает худшее.

Что полезнее – размножаться с завязанными страстью глазами, или при свете разума обдуманно и беспристрастно жертвовать одним ради *единственного*? Лично я предпочитаю пьяному пению того, что знают все, трезво разучивать магический путеводитель Сэма Козлова «Свет черной луны»\*.

\* Песня «Black Moon light», музыка: Артур Джонсон, слова: Сэм Козлов, 1933 год.

91

Ровской). Торопливость этого мальчика в деле исполнения желаний обернулась бедой. Водоросли, кое-как воткнутые в песок, плавали на поверхности прядями вырванных волос. У рыбок был квеленький нездоровый вид, а одна даже ночью издохла. «На другое утро – полное разочарование», – гласила жестокая надпись под последним рисунком.

Зоомагазин находился в другом конце города. Один он туда бы не добрался. Изредка, если повезет, ему удавалось посетить это место с кем-нибудь из взрослых. Внутри его охватывало такое волнение, что все происходящее в клетках и аквариумах казалось ему абстрактной живописью, а разговоры покупателей, мерещилось ему, ведутся на иностранном языке. Он терялся, не мог сам себе ответить, чего же он хочет. Взрослые пользовались его замешательством и спокойно указывали, что он сам еще не знает что ему надо, и с покупкой рыбок следует потерпеть. Местонахождение рынка, где торговали среди прочего рыбками, от него скрывали. Через пару лет он случайно сам туда забрел, оказалось пятнадцать минут пешком или две остановки трамваем. А он топтался как заколдованный целые два года. За это время Битлз распались. Он уже знал, что собой представляет Лед Зеппелин, и успел увидеть несколько порнооткрыток во дворе. Но все это было совсем не то.

Угроза «полного разочарования» наполняла его детское сердце тревогой. Он очень серьезно боялся, что охладет к избранному им предмету любви, так и не успев о нем ни позаботиться, ни вдоволь им полюбоваться. Ему снилось и грезилось наяву, будто все готово: в пустую посудину аквариума опускается промывтый от талыка шланг, на красиво выложенные камни льется по всем правилам отстоявшаяся вода, и камни, намокая, меняют цвет, темнеют...

93

Однажды летом поздно вечером приехал с рыбалки дед. Пойманную рыбу выпустили, прежде чем убить, в ванну. Он понял тогда, что чувству его тоже остается жить недолго. Оно, это ласковое любопытство, уже едва теплилось в его груди, почти раздражая его самого. Сколько можно мучить себя? Кроме того, он опасался, что любовь в любой миг может обернуться ненавистью, так и не проявив себя. Он сильно устал от прожитых своих девяти лет и готов был махнуть на затею с аквариумом детской рукой. Но в тот вечер он расплакался, и после недовольных расспросов, в чем причина, выпросил, отстоял для себя одну из пойманных дедом рыб. Ему позволили подержать ее сколько-то дней, пока не надоеет, в тазу. Это был небольшой, размером с ладонь, золотистый карасик.

Прошло несколько дней. Рыбка, как ни в чем не бывало, носилась по эмалированной окружности, клевала размокший хлеб. Первое время домашние по утрам сразу заглядывали в таз – не плавает ли карась вверх животом? Но вот пошла вторая неделя его пребывания в доме и мальчик стал догадываться, что это надолго, что взрослым самим интересно, что же будет дальше. Желательно одно и то же. В конце концов, бессловесный друг достался им совершенно бесплатно, в отличие от собаки и кошки он не гадит, не действует на нервы мяуканьем и лаем, и даже если ему плохо живется в большой миске, он не сможет об этом заявить, поэтому совесть их была спокойна. Хорошо, что обошлось без покупки аквариума. Во-первых, таз легко можно убрать с глаз долой, под ванну, если понадобится ванна, в соседнюю комнату, да хоть во двор выноси, на солнышко. Кроме того, их, людей грубоватых, аквариум с его вычурными ракушками и диковинными рыбками, подчас умопомрачительных цветов, раздражал той же излишней роскошью, что и цветной телевизор, кинокамера, или даже простой сифон.

94

плотником. Ведь полковником был его дед? Он не понимал разницы в чинах и званиях. По-моему, все это лишнее, рассуждал мальчик, взрослые, особенно выпивши, «под мухой», он уже слышал такое выражение, случалось, запугивали его сиротским будущем: «Вот умрем мы, тогда ты поймешь...»

Умрет карась – я не переживу.

Я умру – он скорее не заметит.

Некому станет крошить ему в воду хлеб. Зато мой труп быстро начнет разлагаться, прилетят мухи, много мух, усядутся на мертвое тело рядом с тазом. Они будут откладывать яйца, а из тех в свою очередь вылупятся новые мухи. Со временем рыбка научится ловить мух своим хрящеватым ртом и, питаясь ими, будет поедать в какой-то степени мясо своего хозяина. Мой труп спасет тебя от голодной смерти. Это ли не дружба? Это ли не идеальный союз, внеполовой, вневидовой, внеэмоциональный, вечный? Прожить всю жизнь рядом с рыбой в воде, не сказав друг другу ни слова.

Но так ли уж они совсем чужие? Карась, дикий предок жутковатых телескопов и вуалехвостов и бесчешуйный, бездушный, холодно чуждый по духу тем, среди кого он живет, любитель Манго Джерри? На последней странице польского журнала (продали с нагрузкой, за рубль тридцать пять, там было что-то про Блэк Саббат) он обнаружил гороскоп. И коверка похожие на украинские слова вычитал, что родился под знаком рыб. Каких?!

А вокруг, внизу, под гастрономом, сверху у соседей на балконе, во дворе, за праздничным столом среди дедовых гостей не смолкают разговоры о половом размножении. «Ангелика и король» не сходит с казенных простыней в кинотеатрах. Его не пускают. Он и не рвется. Слова, которые он запомнил, но в отличие от песенки рыболовов Манго Джерри не повторяет,

96

С четвертого класса им стали читать каждый предмет в отдельном кабинете, в том числе и природоведение. Слухи о необычном питомце достигли школы. Преподаватель биологии без особой радости как-то обмолвилась: «А вот у такого-то дома в тазу уже полгода живет, кто бы вы думали – пресноводная рыба, речной карась», и не похвалила его. Пресноводная рыба была поймана орденосным дедушкой в одном из прудов рыбсовхоза Григорьевка. Он ездил туда рыбачить с Семеном Рувимовичем в трофейном автомобиле Опель Олимпия. Потом у деда случился первый инфаркт, и водить машину ему больше не разрешали. Через буфет в Обкоме для больного достали немного черной икры. И мальчик впервые в жизни ее попробовал. Траурного цвета дробинки... Он ощутил себя тюремщиком жалкой рыбешки, вылупившейся где-то совсем рядом, из такого же шарика, и до конца дней своих, если так говорят про чешуйчатых, обреченной быть узницей тесного таза, где еще совсем недавно замачивали белье, страшные носки взрослых людей и его оскорбительные шорты, маечки игрушечных размеров.

В палате у деда его поразила песенка группы Манго Джерри – мальчик прижал к уху слабенький динамик транзистора, и напряженно, с по-детски суровым лицом, запоминал звучание каждого инструмента, интонацию голоса, слова. Вроде бы что-то запомнил. Правда воспроизвести услышанное он мог только собственным ртом, другого инструмента не было, прогуливаясь в сквере, пока идет урок физкультуры. От нее ему выписывали щедрые и долгие освобождения. Приходилось наигрывать губами, спохватываясь, если выходило слишком громко. В классе его за это ненавидели, прохожие вздрагивали. Но все это были мелочи... Главная забота – живой мученик в тазу, водруженном на табурет, сколоченный сразу после войны полковым

95

звучат так, словно их торопят произнести, пока болезнь не пошлет их на хуй, вон. Вот эти слова: «фигурка», «ножки», «личико». К счастью ничего этого нет, у моей рыбки все это отсутствует, моя рыбка никого не любит, мне даже не известно, самец это или самка.

Деду, оправившемуся от инфаркта, икра больше не полагается. Но мальчик, желая вспомнить себя с детской стрижкой, обнаруживает у матери в ящике трюмо одну вещичку. Этот предмет, как ему кажется, лишний раз подтверждает его родство с рыбами. Вещица, он катает ее по столу, точно котенок шерстяной клубок, напоминает ему огромную икринку. Внутри шара встроено цветное фото первоклассника. Остроухий, чем-то огорченный ребенок с темными кругами вокруг неславянских глаз смотрит на него требовательно и печально. Ребенок пробуждает в себе беса. В мальчике просыпается Чорт. Отныне ему ясно, каким звеном служит рыба в тазу для магической операции. Его задача – снабжение кормом, через хрящеватый рот карася, авторов песни «Свет черной луны». Снующее в посудине бессловесное туловище с плавниками является кондуктором, с помощью него взимают плату-парнус те, кто исполняет неслышную для посторонних мелодию дальнейшей жизни, задает ритм конспиративному танцу жреца-вредителя. Музыкантам, зная их капризные желудки, посылают диковинные закуски и выпивку. Безголовые официанты появляются из-за угла с блюдами, прикрытыми салфетками траурного вида. Нечто подобное он успел прочитать в «Антологии сказочной фантастики». Книгу, чтобы заслужить доверие мальчика, достал ему один молодой человек, дальний родственник. Мальчик спросил у него про Манго Джерри. «Попробовать можно, - задумчиво произнес дальний родственник, – Если не сам пласт, то по крайней мере, запись с пласта. Сделаем».

97

Вышло так, что взрослые решили уехать из города на все лето. Подобно герою «Судьбы барабанщика» мальчик до сентября оставался в квартире один. Молодой человек, преподававший вольную борьбу в спортивном лагере, согласился навещать своего подопечного приблизительно раз в неделю, чаще не получится. Да ему и не очень интересно было. Зато он притащил мальчику магнитофон, несколько катушек с лентами, и что особенно радовало, чего он давно требовал от повелителя безголовых официантов – чешскую гитару «Татра» с пластмассовым щитком, чтобы не царапал дерево медиатор. Медиаторы продавались по копейке за пару. Он купил жестких и мягких. Они были похожи на ногти, вырванные из пальцев взрослых женщин, но расплюсченные под гнетом.

Взрослые исчезают из его жизни, по крайней мере, до конца августа. В квартире остаются только мальчик и его рыбка. Соседние дворы также спешно покидают их привычные обитатели. Дети рабочих отправляются в пионерлагеря, обеспеченные «жиденята», как их называют дети рабочих, разъезжаются по курортам налаживать горизонтальные связи. Лена Белая, например, собирается посетить три места – Гурзуф, Анапу и Туапсе. Средний класс в квартале, где жил мальчик, отсутствует – либо эти, либо те.

Дворы опустели. Пришло типичное ненужное лето начала семидесятых. Тогда-то в округе и начали пропадать «котики» и «сабли». Пропадают «сабли», пропадают «котики» в основном из тех семей, где детей оставили на попечение бабушек. Так кому-то вздумалось окрестить две возрастные категории малых ребят: «сабля» – это малыш, который все обо всем знает, «котик» – это полуподросток, который всем и всему верит. «Сабли» и «котики» почти не общаются друг с другом. Судьба их – перерастать свои заблуждения под присмотром бабушек.

98

Многое удалось скрыть, замаять. Многое забылось. Кое-кто из пущенных в снедь малышом был в тягость их родителям. Кто-то был многократно проклят задолго до появления на свет.

Суд. Спецсечение до совершеннолетия.

Здоровые пацаны тоже не желают их замечать. Впрочем, не все. За пропажу некоторых «котиков» и «сабель», испарившихся в то роковое лето, пришлось отвечать легендарному Аркаше.

Энергичный брюнет Аркадий Николаевич Кумачев захаживал и в класс, где учился мальчик-бес. Иногда с ним приходила шумная дама, похожая на актрису Раневскую. Они уговаривали детей вступать в танцевальный коллектив при Дворце пионеров. Сулили поездки в Болгарию, к чехам. Кое-кто соглашался. Аркаша был свой человек в элитном лагере «Артек», там он разгуливал в тесных шортах, в пилотке-испанке с кисточкой. И все-таки далеко не все дети в те душные дни провалялись сквозь землю по вине расстрелянного через год Аркаши.

Мальчик хорошо знал, что надо им говорить. Его язык легко принимал форму ключа к сердцам и «котиков», и «сабель». Ведь он совсем еще недавно успел побывать в шкуре детишек обоих разрядов.

– У тебя какие солдатики? Капроновые? Зелененькие, одинаковые? Двадцать две копейки наборчик? А у меня из ЦУМа, оловянные!

– Оловянные?

– Пошли, покажу. Там такой раскрашенный суворовец!

Что видела рыбка...

– Да брось ты свой мел. Вымазался весь, как чушка. Бросай мелок, пойдем я научу тебя рисовать красками, гуашью.

– Гу-вашь-ю?

Что видела рыбка...

Возвращаются родители. Полный чулан скелетов. Жирный монстр не умещался в большой миске, он едва дышал, свесив плавники. Под ванной – целый склад детской одежды.

99

## ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Один малыш бредил летучими мышами. В сентябре он утравивал бабушку не уводить его с игровой площадки до темноты, где взобравшись на горку он терпеливо всматривался в синее черное небо, ожидая, когда начнут чертить знакомые бесшумные силуэты. Сколько мог он старался разглядеть их хо-рошенько.

Дома он с радостью говорил:

– Мы видели летучих мышев.

Никто его не поправлял, пока он сам к пяти годам не выучился говорить правильно: «Мышей». По утрам за манной кашей, днем в тарелке с борщом, съедая перед сном чашку клюквенного киселя, он видел черные фигурки своих любимцев. Иногда крохотные, с фруктовую муху, иногда большие, кожаные крылья расплескивали борщ, брызгали мальчику на нос, и он блаженно усмехался в бисерные глазки химер.

Никто не хотел ему рассказывать про летучих мышей. Поэтому однажды, преодолев неприязнь к имуществу взрослых, мальчик стащил с этажерки черную энциклопедию и, шевеля губами, отыскал нужную страницу. Знаете, что он напел: «В каждой строчке только точки после буквы эль...» Вот! Летучие мыши. Вот. Ад раскрылся. Казалось, они были там все. Вожде-ленные обитатели смотрели с листа сталинского фолианта: Ушан обыкновенный. Кожан обыкновенный. Большой нетопырь. Большой вампир. Летучая собака. Собак – повторил ребенок, от удовольствия уши порозовели. Не без усилий он заставил себя одолеть короткую заметку: 15 семейств, около 800 видов! Некоторые питаются кровью млекопитающих. Он видел, немец в кино требует: млеко, млеко. Так, так... Летучие мыши, распространенные в СССР приносят большую пользу истреб-

лением вредных насекомых. На той же странице он обнаружил летучих собак, что принадлежат к подотряду крыланов. Энциклопедия подтолкнула мальчика к двум полезным вещам. Тяжесть черного тома показалась ему приятной, и он просто так, не ко дню рождения, выхлопотал себе первые гантели. А легкость, с какой он узнал так много интересного, убедила его: пора. Отныне он будет читать все подряд.

Больше всех ему понравился кожан. Очаровало само звучание слова, несмотря на «обыкновенный». Он увидел два изображения кожана: одно, загадочное, совсем ничего понять нельзя из-за сложенных крыльев. Какой-то старинный светильник! И рядом прекрасный большеголовый кожан на четвереньках. Кто такой Большой вампир, он не имел представления. Рано утром на другой день мальчик выяснил все что мог, с помощью той же энциклопедии. Кожаны вместе с нетопырями живут повсюду, кожаны рядом! Размером невелики. Какие-то семь с половиной сантиметров, достигает длина тела этого рукокрыл...Рукокрылого! А вампиры? Вампиры – живые мертвецы, пьющие кровь (О! В отличие от взрослых он тоже будет пить кровь!), в переносном смысле – эксу...эксплу-а-тата-ры. Эксплуататоры. Значит, кругом полно кожанов и нетопырей, но они появляются только по ночам.

В субботу утром по телевизору пел Магомаев. В зубчатой пелеринке певец напоминал летучую мышшь. Вздывая руки, Муслим, казалось, сейчас взлетит под потолок павильона и повиснет вверх ногами на перекладине. Взрослые делились впечатлениями от новой песни и не желали замечать сходство между артистом и нетопырем. Корпус постылого телевизора дребезжал от «Вдоль по Питерской». Мальчик видел мелькание тонких спиц, и гроб на колесах. Где эта «Питерская» он понятия не имел. Все дело в пелеринке и черно-белом изображении. Теперь он начал вяло интересоваться и музыкой. Попытался заговари-

вать о Магомаеве со старшими, но выходило сбивчиво, словно он чего-то стыдится, ищет не там где надо. В трудные минуты, «в часы обид, часы потерь» он повторял любимое слово. Даже когда его коварно ударил в живот старшеклассник и он, какой позор, медленно свалился на землю, ребенок не забыл про себя произнести: «Кожан...Кожан обыкновенный». Вернулась способность дышать, высохли слезы и в суженных мыслью зрачках пролегли змеиные стрелы возмездия.

Очень давно, до летучих мышшей, он был одержим свастикой. Рисовал ее где только мог, а где не мог – опять же мысленно чертил ее таких размеров, какие выдерживало воображение. Но с появлением рукокрылых геометрические фигуры совершенно перестали его занимать.

Где-то он узнал, что летучие мышши прячутся от дневного света на чердаках. Дня два не решался, а потом: топ-топ-топ, взбежал у себя в подъезде туда, где ни разу не был – на последний этаж. И что же? К люку в потолке вела приставная лестница, а сам люк был заперт на замок, вроде тех, что висят во дворе на дверях гаражей и сараев. Он было поставил ногу в сандалике на стремянку, но тут же вспотел и убрал, боялся высоты.

В доме по соседству жил толстый Флиппер, прозванный не за сходство с американским дельфином, а просто. Вечером во двор привезли кино. Над агитплощадкой, совсем низко, летали его любимые ночные уродцы. Он начал издали, какая дверь у Флиппера в подъезде ведет на чердак, получив спокойный ответ, он спросил о главном: Правда ли что они...там? Неприятный на вид (самый кретинозный, говорили про него) Флиппер тоже спокойно подтвердил: Они там. Спят. И пообещал завтра днем сводить его и все показать.

Они прошли на чердак через обычную дверь без замка. Внутри оказалось светлее, чем он думал. Тут и там сквозь кровлю падал солнечный свет, по углам, в стыках перекладин висели

сонные мышши. Ему показалось, что он все это видел много лет назад в каком-то другом детстве. Он ничего толком не рассмотрел и не запомнил. Флиппер равнодушно курил, всем видом показывая, что он не против, но детские восторги его не касаются. Флиппер был старше на два года. Интересовался портретом. Итак, мальш убедился – летучие мышши живут совсем рядом, но они умудряются сохранить свой фантастический вид. Одно огорчало мальчика – некому было сказать «кожан...кожан обыкновенный». Судя по позам, в чердачных сумерках после ночной смены освежались сном только ушаны. Он не увидел вожденный старинный фонарь. Из-за безответного одиночества он подозревал, что навсегда останется ребенком – зачем расти, если впереди не светит встреча с диковинным созданием. А взрослые уже затягивают в свой мир, оглушают храпом и кашлем. Спрашивают, кем хочешь быть? Какие войска нравятся? Удивительное дело, тут мальш по-взрослому отчаянно развел руками, он даже не может красиво назвать армию черных уродцев, которые носят по ночному воздуху. Как ни напрягает мозги под панамой, а выходит привычное: «Кожан...Кожан обыкновенный». И этим сказано вроде бы все?

В еще одном доме по соседству жил остроухий человек, они ходили в одну школу. Однажды он утром догнал мальчика и не больно, но, как-то противостественно сдавив пальцами плечо, спросил, чего ему не хватает в этой (он выругался) жизни? Избегая подробностей, мальш забормотал, впервые в жизни, о любви к детям ночи. Острые уши без глумления выслушали, похвалили, но остаток пути поносили все советское (ненавижу чердаки, и мышши – говно), расхваливали что-то непонятное с электрическими гитарами, выкрикнули несколько фраз не по-русски. Но самое главное – остроухий и худой подросток, Гарик, был первый, от кого мальш услышал вычитанное в энциклопедии слово «вампир». Уже на школьном дворе остроухий вынул

из портфеля книгу, зеленую. Отвел малыша за памятник Шевченко и раскрыл ее. Женский силуэт в черном трико, а внизу «Вампиры».

– Я тебя понимаю, – торжественно, явно любуясь собой, вымолвил Гарик.

– А это кто? – мальш указал пальцем на фотокарточку-закладку. Длинноволосые кузнечики сползали задами по флагу США.

– Это? Роллинги. *Пусть летит кровь!* – полуспросил Гарик и пошел в школу. Домой они возвращались вместе. После одного-двух разговоров мальш начал интересоваться кино. У него стало получаться разгадывать в людях черты летучих мышшей. Гарик говорил, что многое скрывают, не показывают. Но советовал не отчаиваться. Ведь твои любимцы не унывают, вон как летают, так и спуют.

– Ты за Гитлера? – спросил мальш.

– Причем тут он! – притворно всполошился Гарик – Я за рукокрылых. Вот эти фотки мы продадим через кое-кого кое-кому и сходим на «Убийцу полнолуния», – в конце фразы Гарик понизил голос и свел пальцы на шею мальчика. Вообще-то фильм называется «Приключения в загородном доме», но там есть и убийца...полнолуния.

Годы идут. Время от времени возле одного из подъездов появляется крышка гроба. В каждом черном банте мальш угадывал фигурку летучей мышши. Но жизнь безжалостно рывком распускает банты, и на лентах становятся видны траурные надписи, как всегда преувеличивающие достоинства усопшего. Гарик превратился в большееротого юношу, уши – его гордость, покрутели, он отпустил волосы. Ходил под ручку с неинтересной блондинкой, но все ему завидовали. Мальша он приветствовал издали, и шел своей дорогой. Голос малыша ломался, он даже хрипел немного, и уже чувственно, двусмысленно звучало привычное: «Кожан...Кожан обыкновенный».

Мальш хорошо разбирался в музыке и кино. Выписывал чешские, польские журналы. Пару раз в баре ему подавали кофе с коньяком, который нельзя было назвать «Аистом», но чувствовал подросток себя уверенно. В отличие от остроухого товарища, тот, похоже, не выдержал давления окружающих и подобрел, пошел на попятный, мальчик обладал вполне ординарной внешностью. Она-то и спасала его от ненужных объяснений – что в портфеле, что это за неправильная звезда? Жидовская что ли? Сам не знаю, – отвечал мальш, и ему верили, перед ним даже извинялись.

Ночные крики взрослых женщин были редкостью в квартале. Некому было кричать по ночам. Ближайший ресторан в двух остановках трамвая. Танцплощадка и того дальше. Долетает смутное бубу-бубу, пока длится сеанс в летнем кинотеатре. К двенадцати заканчивается самый длинный фильм и лишь изредка прорезает ночную тишину сирена далекого тепловоза: ва-вау.

Кричали прямо за дверь. Мальчик узнал голос матери, отложил книгу и вышел в коридор. В кухню влетела летучая мышь – она пищала, и ослепленная лампой без абажура, металась по белой стене над плитой. Никогда еще любимый, недостижимый монстр не был так близко. Летучая мышь в гостях. Прежде чем поймать ее поймать полотенцем и отпустить в темноту, он успел полюбоваться собачьей мордочкой и поросьчыми ушами. Дрожа от возбуждения мальчик долго не отходил от подоконника, губы его повторяли заклинание, казалось, он простоял у окна целую вечность. И когда, наконец, он решил, что пора спать и повернулся – это было лицо юноши. Другой голос, другой взгляд, требовательно сжатые кулаки выразительных рук. От магического детства остались три слова. Помогая летучей мыши, он словно подавал полотенце капризной купальщице на пляже. Рукокрылые давно стали для него подобием третьего пола. Во сне перед ним открывалась дверь чердачного гарема,

106

ным движением губ (это был другой рот, тот истлел на лице умершего ребенка), он хотел пробудить ответную страсть, чтобы слепая при свете дня возлюбленная отыскала его сама, и, сложив крылья, легла, скрипнув пружинами, и оскалила в ожидании химерический профиль... Выросшая, совершенная. Безнаказанная близость с оборотнем, сошедшим на землю, покинув стаю черных рукокрылых подруг, чья длина не превышает семь с половиной сантиметров. Произойдет ли это во сне, или глаза его будут видеть превращение, ему все равно, главное – это должно случиться.

Был девятый час утра. Он проснулся и сразу открыл глаза. Рядом, спиной к нему лежала его новая знакомая. В комнате было светло и тихо.

– Кожан...Кожан обыкновенный, – вымолвил молодой человек сквозь усталость и хмель. И тогда она медленно повернула к нему теперь уже безупречную голову, по-человечески оскалив для поцелуя собачье рыло.

108

и евнух Флиппер с подведенными глазами приветствовал его, выбивая ковер, ударяя в него, словно в гонг. Рукокрылые танцовщицы медлительно распахивали перепончатые покровы и нечто ослепительное, труднообразное ударяло в голову.

Школа осталась позади. Половину взрослых людей его детства развезли катафалки, словно после долгого субботника, где все успели примелькаться, надоесть друг другу. Кино во дворе больше не показывали. Летом агитплощадка зарастала травой в человеческий рост. Герой этой истории тоже умер. Не стало прежнего существа. Порог знакомого дома переступал тот, в ком ни капли не осталось от мальша, что взбирался, преодолевая страх высоты, на трамплин, чтобы быть ближе к летучим мышам. Возможно, они выросли, как и он, имеют теперь другой вид. Чаше попадают ласточки. Побродив какое-то время в состоянии мнимой смерти, юноша мысленно похоронил себя маленького и обратился к демону, который сидел у него внутри: либо тот признает, что его желание это закон, либо демону придется поискать себе другое помещение. Бес мгновенно согласился, судя по легкости и быстроте переговоров внутри никого не было. Молодой человек разговаривал сам с собою.

Одна могла похоже пищать. У другой он видел похожую шапочку. Разрозненные черты любимого образа не устраивали «мальша». Под маскарадным костюмом шумело складками человеческое туловище. Одно, другое, какая разница – ее там нет. Не слишком ли много требует он от податливой действительности? Попискивала круглоголовая кикимора с румянцем от горчичников между лопаток. Хлопала недоразвитыми перепонками брюнетка, с точилкой для карандашей между ног, а ростом чуть длиннее мизинцев на его руках. На его осторожных руках колдуна...

Он знал, что причиняет боль, лезвием желания выкраивая темный образ, делая его тверже, крупнее. Целуя воздух привыч-

107

## ЧТО-ТО ЕГО ГЛОЖЕТ

Здесь в декабре начинает темнеть после двух, в читальном зале библиотеки включают электричество. Потрескивая, загораются лампы дневного света. Лица работниц, знакомые мне с конца семидесятых, так давно, кажется почти не изменились. Только огромный кубик рекламы супермаркета напоминает, что за окном распорядится совсем другая жизнь. Да еще, пожалуй, быстрее и чаще стали ездить машины. Иногда перед светофором они тормозят в унисон, сразу несколько. Летом стая скворцов разом взлетает из травы, а по шуму можно вообразить большого крылатого монстра. Ночью неоновая надпись вспыхивает и гаснет («ЭММА» есть, «ЭММЫ» нет), отражаясь в выскобленных локтями читателей поверхностях столов, уже в пустом и темном помещении. Так среди ночи разбогатевший мужчина фотографирует со вспышкой свой разбухший хвост. Телефон рядом, звонит доктору: «Саня, зёрна подействовали». И все-таки мне нравятся эти ранние сумерки. В июле, когда ядовитый зной держится круглосуточно, я уповаю на последние дни декабря. Долгие вечера кажутся мне бесплатными вечерними киносеансами, я правда уже толком не знаю, какую картину смотреть. Года три назад бывало, после библиотеки я бодрым шагом заходил в магазин «Винокур», брал домой бутылку водки, замораживал ее, притворялся, что под градусом я сам себе интересен. Последнее время ледяная водка интересует меня не больше ледяного эскимо. Однако в библиотеке я по-прежнему требую старые газеты, иногда журналы, ими опьяняюсь. Специальным лифтом их доставляют из подземного хранилища, порою с неохотой, несмотря на скромное, но постоянное с моей стороны вознаграждение за труды. Там внизу, под бетонным полом, почует советская Атлантида. Впрочем, ее там нет, и нечего на эту тему сентиментальничать.

109

Зато через дорогу на месте старомодного парка с его сиренью выросла громадина «ЭММА». Девка здоровенная, необикновенная, если петь по-утесовски. Там есть все, чего не было в советской торговле, в плоть до вибраторов и клюшек для гольфа. А в Атлантиде одна периодика, все ее сокровища – старые газеты и журналы, причем не размокшие, а высохшие. Ветхие крылья ископаемой моли, можно написать и так.

Проходя мимо «ЭММЫ» я встретил знакомого, по-моему, он меня не узнал. Как и у многих других людей у него есть кличка, правда никто его по ней ни разу не окликал. О существовании клички знают всего три человека, все трое успели разнакомиться, почти возненавидели друг друга в конце прошлого века, пожелав взаимного издохнуть, однако живы по сей день, продолжают обвинять друг друга в скуности, вероломстве, помешательстве. Возле нового дорогого магазина «ЭММА» я повстречал Страшное Лицо.

Страшное лицо – прозвище серыйное. В моей картотеке имеется Нечистое Лицо (зловонный старый хипши с горбом и гнойными глазами в очках), Грубое Лицо (из Харькова пришла, в Харькове ушла), Детское Лицо и даже человек по имени Пися с длинной редкой бородкой. А сколько было разных черепов! Гена Лысый Череп, достойный особого описания, ныне покойный Треснувший Череп, Мягкий Череп. Этого я до сих пор вижу у себя под окнами.

Брезгливо раздвинулись двери без ручек, и Лицо выкатил наружу целую коляску, как назвать, что в ней было...продовольствия. Стоит ли перечислять, чем лакомится Страшное Лицо? Лучше в другой раз. Он двигался не спеша, в том, что это он, я убедился, когда в двух шагах проплыл его профиль австралийского аборигена. Его физиономия сохраняла застывшее изображение изумления и гнева. Он всегда, даже просто перед собой смотрел с осуждением и тревогой. Вне сомнения там хватало летучих мышей в колокольные, но я догадывался и поэтому не копал глубоко, неинтересных мышей, с комплексами. Что-то его гложет. Но, как говорил один зубной техник, я ж его не делал.

110

Судя по раскрасневшемуся лицу вышедшей из ванной девочки, воду дали. Родители со вчерашнего вечера находились за городом. Из не собранной постели сверкал весенний номер журнала. Солнце успело перебраться через шоссе, и накаляет все, до чего может дотянуться своими лучами. Только и разговоров, что об июльской жаре, ее проклинают все, даже глухонемые, знаками. Но пляж под боком. По другую сторону шоссе, за окном. Там, несмотря на выходной, так и снуют туда-сюда машины. Потому что в центре города, на проспекте, чересчур много светофоров, задолбаешься ждать.

Хозяйка квартиры выходит в коридор и, протянув руку так, что сквозь загорелую кожу проступают ребра, убирает громкость в радиоточке. Голос, старательно певший балладу на украинском языке, смолкает. В кухне она включает магнитофон и достает из холодильника два ванильных пудинга. Пользуясь отсутствием свидетелей, вылизывает языком крышечки, хотя уже начала стесняться этой детской привычки. Два фольговых листочка – последнее, что оказывается в мусорном ведре. Вынесу, когда приду обратно, обещает подросток сам себе и, сделав музыку погромче, направляется в спальню. Все окна ее жилья обращены к реке, но с первого этажа видна лишь густая посадка по ту сторону шоссе, а за нею скрывается часть пляжа, менее многолюдная, потому что до троллейбуса идти далеко. Крутлый год не считая лета, девочка плавает в бассейне. Сев на кресло она чуть ли не час посвящает приведению в порядок и раскраске ногтей на ногах. Легко сгибаясь вдвое, она не стесняется йогуртовой отрыжки, пока никого нет. С наклеек над письменным столиком на нее смотрят потрескавшиеся, местами изрисованные рожицы недавних ее кумиров. Их теперешняя судьба, даже недавняя гибель одного из них где-то за границей совсем перестала ее волновать, пусть в эти куклы и лошадки играют малыши. Ей самой есть чем гордиться, по крайней мере, в спортивной области. Дайте срок, и ее лицо тоже попадет на

112

Чтобы хорошо представить Страшное Лицо достаточно вообразить, будто вы подняли люк в большую цистерну и снизу на вас уставились с выше описанной миной личики лемуру, чьей трапезе вы помешали. Похожий взгляд был у Нины Купцевич, она увлеклась алхимией, наркотиками, сидела. Держала в доме книги Лимонова, Газданова, Соколова. Стоит кого-то обосрать, и она смотрит на вас, как лемур из цистерны: что не так?! Кроме того, она предпочитала анальный секс... Я понимаю, что современный автор здесь отвалил бы страниц восемь, но мне-то кого шокировать. Впрочем, не стесняются люди описывать себя в роли литейщиков, официантов, даже балерины с гордостью пишут мемуары. Могу сказать одно – я вовремя бросил забирать почту из шершавого ящика этой Нины Купцевич.

На стоянке Страшное Лицо поджидала машина. Оттуда выскочил водитель и стал помогать хозяину перекладывать покупки из тележки в багажник. Ветер трепал звуки японского саксофона, льющисея из выносных динамиков над крыльцом, судя по движениям рта, он с тревогой и осуждением что-то внушал шоферу. Это могли быть стихи Гумилева. Судя по присутствию шофера, Страшному Лицу до сих пор не вернули права. За руль его все еще не пускают.

В ожидании заказа я беру с полки местные газеты, перелистываю их невнимательно, то и дело прислушиваясь к рокоту подъемника. Скоро ли доставят из-под земли столь необходимые мне талмуды? В свежих выпусках много уголовной хроники и фото читательниц с редкими фамилиями, кто мог подумать, что они встречаются так часто: Светлана Очколаз, 18 лет, любит танцы, спорт, мечтает стать моделью.

В прессе, которую я вынужден просматривать от нечего делать, не было, нет, и не будет сказано ни слова про то, чем занимался, как провел июльское утро рядовой какой-нибудь житель этих мест. О чем мечтал и сколько ему, лет и была ли в кране горячая вода...

111

вкладыши жевательной резинки. Что значит, попадет? Попадают в турецкие бордели. Вы хотели сказать, украсит? Вот так. Она молча улыбнулась собственной находчивости. С сентября начнутся занятия в школе красоты. Организационное собрание состоялось на прошлой неделе. Там под руководством опытных педагогов ей помогут развить способности, научат пользоваться тем, что дано от природы. Зазвонил телефон:

– Алло?...Хай!...не, я давно встала...Шо не звоню? Думаю, шо ты мне позвонишь...Шо как? Как договаривались...Жорж Майкл...Папик увез мою кассеты...О!О!...Тю, ну так и шо, шо жарко...Короче, Светик, мы идем или не...нет? Та чего ты думаешь, что мы сдохнем, а шо дома так весь день сидеть...Ну...Так а вода на шо? Согрееся...то есть я хотела сказать остынешь...Ладно, я сейчас спускаюсь.

Еще маленько покрутившись по комнатам, она укладывает в клеенчатую сумку на шнуре купальник, трогает большим и указательным пальцем шею, скривилась – чего-то не хватает. Через минуту там появились тесно нанизанные сине-коричневые бусы со страшноватой головой кузнечика посередине. Запирая дверь, как обещала родителям, на все ключи, она успела полюбоваться танцем занавесок в порыве сквозняка. Кассета многограла, магнитофон выключился сам. Во дворе под тенью многоквартирного дома было даже прохладно. Зачем-то она заглянула в указатель жильцов, где стояла первой ее, до сих пор не известная мне, фамилия. С широкой улыбкой она спустилась к подошедшей подруге, поздоровалась, и совсем скоро они свернули за угол дома, чтобы перейти шоссе в обычном месте.

В этот вечер, покончив с библиотекой, я тоже купил бутылку водки, но сделал это мысленно, не заходя в магазин, пусть видят, что я пью, или как там в «Бриллиантовой руке»? Мне пока что любопытно знать, что происходило рядом со мной много лет назад, не десять тысяч лет назад, а двадцать-двадцать пять. В особенности эстрада, кино, развлечения. Открытие ресторана

113

«Поплавок» волнует меня больше, чем появление лохнесского Чудовища. С завсегдатаями «Поплавка» можно напиваться, опрокидывая воображаемые рюмки и опустошая графин-привидение под музыку утопленников. Опять же пока никто не видит.

Круг моих интересов во времени и пространстве постоянно сужается до размеров острья неподвижной иглы. Не первую зиму меня притягивает громадный склеп судоремзавода. Там жизнь умерла, и в любое время года застывшие в воздухе крюки неподвижных кранов висят, не шелохнутся, на одном и том же уровне. Вот уже который год два сухогруза «Гурзуф» и «Богуслав» ржавеют на стапелях, словно гробы для великанов. Не так далеко громыхают шары кегельбана, пузырятся капучино и суп-менестроне... А я впитываю грозное безмолвие советских доков, где даже выбитые окна завораживают зловещим постоянством, где все замерло и притаилось, словно жуткий капкан-инкубатор. Среди ржавчины и паутины, под стрелками остановившихся часов, зреет, спускается темный плод возмездия.

...и была ли в кране горячая вода? Примерно так, с описания утренних часов и сборов на пляж одной старшеклассницы будет начинаться рассказ, навеянный сквозняками из выбитых окон мертвого завода. В этой истории не будет щегольства проникновением в душу подростка, не будет разглядывания и подглядывания. Одни догадки. Все останется поверхностно, вскользь. Какая музыка играла по радио, может быть, две-три неинтересные мысли, взятые из первой встречной головы.

Обычное утро представительницы далекого мне поколения, чью жизнь вышибет железный ящик, несшийся со скоростью сто сорок километров в час, в зоне отдыха в воскресный день. Машина, отшвырнувшая тело девочки далеко в кусты была новейшего образца, и ее стоимость не оставляет никакой возможности разузнать подробности этого инцидента. Я даже не знаю, куда, в какую сторону она неслась.

114

поблизости от дома, где живет Сермяга, оказалась закрыта (меня не было в городе с июля месяца, а сейчас стоял переменчивый октябрь, путающий людей пьющих хмурыми днями). Откуда-то взялись горизонтальные решетки поверх уводящих под землю ступенек. Я отметил, что между решеткой и лестницей существует зазор – достаточный, чтобы в подземелье прошмыгнула большая собака, или похожее существо. Еще я успел представить пальцы с отросшими ногтями, вцепившиеся в прутья решетки, возню, ужас того, что творится внизу. Все ли посетители успели покинуть кабинки? И сколько их там, и куда ведут, чем соединяются наверняка существующие служебные помещения.

– Не переживай, зайдем в «Стереорай», здесь два шага до набережной. В «Стереорае» чудные люди и волшебная уборная.

Набережная была безлюдна. В косметическом салоне затеренные окна светились пурпуром. Машины, поставленные у тротуара, выглядели крупнее тех, что делает местный завод.

Жаба хотел посмотреть «джаз». То есть джазовые пластинки, до которых мне нет никакого дела. Странно, никакой вывески у нового «Стереорая» не было. Магазин расположился внутри коридора с кабинетами по обе стороны. А ведь я бывал на этой улице раньше.

При входе у нас спросили документы. Мы представились. Я быстро скрылся за дверью с английской буквой. Жаба пошел вперед.

Когда я вышел из уборной и заглянул в отдел, то сразу убедился, что вместо джаза Жабу заинтересовала происходившая там пьянка. Кажется, был день рождения одного из охранников. Судя по звучавшим тостам, присоединяться к выпивающим не следовало. Человек в маскировочном костюме требовал выпить за Димитровский поселок. Так называется спальный

Ученик второго класса Данила Воронцов открыл глаза. Он увидел потолок и люстру со стеклянными подвесками. Она не горела. Мальчик повертел головой – где-то сбоку стояла лампа-рефлектор, как в поликлинике светила она. В комнате было тепло и тихо. Мальчик поморгал глазами и сообразил, что слезы высохли, в общем, никто его не обижал, с ним только разговаривали, причем о вполне знакомых и понятных ему вещах. Он заплакал от злости: своим упрямством взрослый человек напоминал ему ровесников, дворовых товарищей, одноклассников. Эта настойчивость вывела Данилу из равновесия, и появились слезы, он не ревел, но сердито вздыхал, а слезы капали, текли, и он не мог их вытирать. В сердце мальчика снова поднялся детский гнев, он не мог самостоятельно понять, что происходит, для чего все это. Надо позвать взрослых, пусть объяснят, наконец. Но сделать это у Данилы не было никакой возможности, ибо рот ребенка был аккуратно заклеен стерильным пластырем...

\*\*\*

В «Стереорай» меня привел Жаба. Когда-то лет десять назад я в нем работал продавцом. Тогда «Стереораем» владел другой хозяин, и находилась эта точка совсем в другом районе нашего города. Курьезная подробность – пешком, зная маршрут, туда было гораздо быстрее попасть, чем в переполненном автобусе или медленном трамвае. Под мост, через переезд, потом улочками поселка – и вы в «Стереорае».

За обедом я выпил две бутылки грузинской минералки, и мне захотелось в туалет. Но общественная уборная в сквере

115

район, где я ни разу не был, потому что он находился от центра на расстоянии, больше подходящем для кладбища. Пару раз от туда поздно ночью мне звонил Азизян, пока работал сторожем на складе косметики.

Всех гостей магазина я не разглядел. Они толпились в соседней комнате вокруг накрытого стола. Мне не хотелось их раздражать. Я поставил зонтик под вешалку и огляделся. В противоположном углу поверх компьютера выглядывала круглая голова. Человек за столом либо спал, либо что-то старательно вычитывал с экрана, по крайней мере, он не шевелился. Судя по всему, окна магазина выходили во двор, и свет горел в нем целый день. Было слышно, как Жабе подносят штрафной.

\*\*\*

Десять лет назад хозяином «Стереорая» был Морис Мелентьев. Магазин торговал «компактами», в ту пору неподдельные они стоили дорого. Неоперившиеся пташки ходили, капризничали, но брали. Продавцы и покупатели обдавали друг друга перегаром через прилавок, маленькие ворихки в свободное от порносьемок время норовили вытащить из корыта компакт, украденный в такой же лавочке, где-нибудь в Нью-Йорке. Свиного вида конкурент приходил и, напивив арабский платок, привезенный из Эмиратов, танцевал «барыню». Конкурент-свинья финансировал издание книжек о славянском происхождении нибелунгов и притворялся фанатом группы «Испуганные крысы», игравшей что-то радикальное... Говорили, будто Свинья в пьяном виде время от времени давит прохожих своим побитым, похожим на тапок на колесах, шевроле.

Неожиданно для всех Морис Мелентьев бросил бизнес. Все: склад, помещение, машина – переходит в другие руки. Во-

116

117

дитель Игорь, участник холостяцких кутежей Мелентьева, говорят, не мог себе простить, что не он подвозил хозяина к злополучному клубу в ту дождливую ночь. Морис, вылезая из машины, провалился в водосточный колодец.

\*\*\*

Дождь припустил. Нарастающий шум воды обострил воцарившуюся в магазине тишину. Только бы они не стали предлагать мне выпить. Три ужасных дня возвращения к жизни после последней пьянки надолго отбили у меня охоту глушить водку с кем попало. Куришь потом одну за одной, лезешь к из третьих рук достающимся женщинам, точно слепой безмозглый дятел. А под утро приходят библейские персонажи и кто за какое место вытаскивают тебя под ближневосточное солнце похмелья, будь оно проклято.

Но эти меня не позовут. Я стараюсь избегать разговоров по душам с ровесниками. Эти «бабушки» любят притворяться глухими, предостерегать, указывать на всевозможные недочеты, пропетые «мимо кассы» ноты. Магазин между прочим музыкальный, послушать что-нибудь? Я подошел к ближайшему ящику с пластинками и наклонился, листая обложки. Это были большие, вновь вошедшие в моду, альбомы. Названия, известные мне, гремели минимум лет двадцать-двадцать пять назад. Может быть, у них есть какой-нибудь ранний Chicago?

Да...и вот сидят две таких сорокалетних обезьяны за третьей (она уже не лезет) поллитрой, и грозят друг другу указательным пальцем под нос, точно дают понюхать: вкусно пахнет?

Я откинул матовую крышку проигрывателя, поставил пластинку на диск: «Слушайте, как он у вас включается? – спросил круглую голову, не оборачиваясь, – А?!» – повторил я вопрос,

118

нею по плотно забитой полке. Следом за ним показался пришедший с дождя поздний посетитель.

Кого он мне напоминает? – подумал я, едва посмотрев в его сторону. Это был высокий, с меня ростом, но кажущийся выше, джентльмен скандинавского типа. В очках, с подстриженной бородкой, в сером пиджаке, в галстук. Несмотря на все эти старомодные вещи, было в нем что-то неряшливо-рассеянное, что-то от сумасшедшего профессора. Он с нарочитым благоговением раскинул объятия перед полкой с пластинками: «Сколько их! Боже мой, сколько их! Вся молодость!» У него запонки – отметил я. Охранники, пьющие за Димитровский поселок, такого должны ненавидеть больше, чем меня или Жабу с его оскорбительным панибратством. Предков этих охранников привозили из колхозов автобусами на утренние представления в цирк: «Сидайтэ тато, сидайтэ мамо». А этот джентльмен явно посещал другие места. Интересно, с какой целью он сюда явился, что собирается натворить? Я почувствовал к нему симпатию без желания знакомиться ближе, вроде той какую вызывает актер на экране. Несмотря на определенную долю шутливости в его поведении, за фасадом легкомыслия угадывалось солидное, с энтузиазмом добытое образование, привычка настойчиво и умело идти к поставленной цели. Должна существовать область, где он известен, как специалист. Как непререкаемый небрежный профессионал.

«Трубачи, саксофонисты, романтика и лунный свет, – бормотал он без стеснения, грубо вытаскивая обложки, чтобы прочесть название, – Твистующей Ребекки здесь конечно нет, и быть не может? – спросил он сам у себя и, кивнув себе же, ответил – Не может. А как насчет Захариаса? Надеюсь, есть хотя бы Берт Кампферт», – вздохнул он, поправляя съехавшие при кивке очки. Щеки и нос у него раскраснелись. Либо джентльмен под градусом, либо зачем-то делает вид, что

120

когда пауза затянулась. Я обернулся – кресло за компьютером было пусто. Видимо он вышел, пока я рылся в пластмассе. Наконец заиграла музыка. Я почему-то представил тихую после долгого дождя ночную улицу в свете высоких фонарей. Мокрые решетки над входом в подземелье, шлепки по лужам, и неясный силуэт, прошмыгнувший в полуметровый зазор. Чем они теперь торгуют? Джаз, классика. Много классической музыки для потрепанных жизнью «быков» и ларечников. В разгар бабьего лета сюда приезжал камерный оркестр Лютинского. Полный зал. На последний ряд балкона долларов пять стоили билеты. А на первый ряд сто и даже больше.

Вчера хотел посмотреть по телевизору «Тайник у красных камней», фильм отменили, вместо него пустили запись из филармонии – этот ебанный гад Мишель Легран. Камера бродит по залу, точно собирает несъедобные грибы. Дамочки 70-х годов – утолщенные краской челки, в глазах что-то страдальческое. Подбородки подняты вверх, уголки губ опущены вниз. Скрипки поют: Тю-рю-рю, рю-рю-рю-рю...Скорбные минетчицы 70-х годов, велосипедные седла макушек. Хорошо, что я уже давно ничего не слушаю...

Жаба за стеной повысил голос. Используя театральные интонации, он, похоже, уговаривал охранников пойти и взять еще водки: «Только не надо вот этих...»

...Одну из слушательниц я опознал. Вряд ли она приперлась за свои. Кто-то водит. Она подцепила в Киеве араба, и упиздила с ним туда. Потом, видимо что-то начудила не то, потому что назад драпала так, что рейтузы трещали.

«Я, кажется, забыл свой зонтик!» – в коридоре послышался голос, каким у нас давно не разговаривают, такие голоса можно услышать разве в старых фильмах. Первым показался человек с аккуратной головой, он торопливо прожевывал какую-то закуску. «Оркестры у нас здесь», – проговорил он и похлопал пятер-

119

хмельной. Обмывали открытие и тому подобное... Девять дней одного года... Нет, он не напоминал советского «коллегю», расщепляющего добрый атом. На кого же все-таки он похож?

– Молодой человек, вы позволите, я кое-что прослушаю? – в голосе слышался старательный прибалтийский акцент. Прибалтийский так прибалтийский. Но слишком старательный. Если все это происходило не в магазинчике, где я, еще не такой плешивый, десять лет назад, брал, по приказу хозяина (с которым впрочем был на ты, бухали вместе, царство ему небесное) деньги через прилавок, чтоб не в кассу... Если бы этот дяденька выкаблучивался в более таинственном павильоне или гроте, поры было бы прозвучать фразе: «Около девяти вечера Мирча Роман понял, что среди гостей на вечеринке в усадьбе Чуляя присутствует монстр».

– Да, пожалуйста, – я поспешно убрал с проигрывателя ни к селу, ни к городу поставленных Chicago. Тоже блажь советского школьника, наслушался «Голос Америки», и придумал себе любимый ансамбль. Вся жизнь прошла.

Джентльмен, не глядя, вывернул ручку громкости дорогого усилителя, и как мне показалось, наугад опустил адаптер. Движения его были нарочито грубы и небрежны, словно в другом месте он привык к вынужденной деликатной точности. Словно паяльник или утюг – отметил я. Динамики вздулись. Сочный пердеж биг-бэнда окатил помещение. В отлаженной работе трубачей, саксофонистов, тромбонистов, подпускающих басистых голубей, попахивало гитлеризмом, стволами, толкающими еврейские спины: «Лёс, лёс». Скандинавский дядюшка раскачивался и дирижировал.

Вроде бы ничего странного не было в том, что пожилой человек интересуется мелодиями своей молодости, зашел после службы в магазин подержанных грампластинок, нашел, что хотел, и радуется находке. Возможно ему вспоминаются репро-

121

дукторы на Рижском взморье, транзисторы на пляжных подстилках («ткань тентовая» назывался материал для таких подстилок, это помнил даже я, но для людей Жабиного возраста такие подробности уже относились к зоне запредельных знаний), побудничному пустые залы курортных ресторанов. Вполне нормальная музыка, не раздражает. Может быть, мне следовало выпить. Или быстро уйти. Выпивать было поздно, уходить под дождь – неразумно. Я нашарил в боковом кармане пачку датских сигарет «Ripse», они пролежали там с последней пьанки. В пачку была засунута и зажигалка. Я закурил и стал ждать, что будет дальше. Курить мне захотелось при виде пустой пепельницы.

Музыка непротивная. Инструментальная, буржуазная. Одно тревожит – все, у кого с ней связаны приятные воспоминания, либо лежат на кладбище, либо сошли с ума. Масюлис. Альгимантас Масюлис – вот кого напоминает мне неславянский пожилой господин. Литовский актер сыграл уйму оборотней-нацистов, фанатиков с рыбьими глазами, практически все сыгранные им герои, за редкими исключениями, представляют собою вереницу монстров, шагающих с Запада под флагом со свастикой, под звуки духовых оркестров, а позднее, под звездно-полосатый евангелизм американских биг-бэндов. Если человек похож на Масюлиса, он напоминает очень многих. Предо мною выкаблучивался все пять тысяч «безумных профессоров, вывезенных из Рейха в США в ходе операции «Пейперклип» (Скрепка). Пять тысяч безумных ученых плюс Иоганн Фон Леерс, советник президента Насера, и автор монографии «Die Verbrechernatur der Juden» («О преступной натуре жидов»). Впрочем, если говорить о физиономическом сходстве, человек у аппарата совсем не имел, внешне не имел с Масюлисом ничего общего.

– Вот она! Кажется, нашел. Она, «Данке Шен!» – воскликнул он и тут же полоснул иголкой по пластинке. В дина-

миках прогремело, словно из тучи. Моего здесь ничего не было, но я скривился, и готовый сделать замечание, мол, так не обращаются со старыми вещами. Странное дело, никто не прибежал на дьявольски неприятный звук уродуемой поверхности. Наверное, этот скандинав чей-то родственник, решил я. И тут же в колонках снова взвизгнуло – взад и вперед. Рука безумного профессора дергалась, словно под током. Сам он при этом показывал непостижимое хладнокровие. Вредительство не забавляло, но и не смущало его. Было очевидно, что тошнотворный визг обезображиваемой пластинки не отражается на его настроении. Я стал свидетелем гнетущего варварства – он явно причинял беззащитным предметам непоправимые увечья. Травмы, несовместимые с жизнью, как сказали бы врачи. Это было равнодушие вивисектора к страданиям подопытной жертвы, чьи пронзительные, безобразные в своем отчаянии голоса кошунственно передаются по громкоговорителям.

Мне не хотелось, чтобы он видел меня крадущегося к вешалке, где я поставил свой зонтик. Он убрал руки за спину, и вдумчиво слушал какую-то стопроцентно знакомую мелодию. Я подхватил зонтик и направился к выходу. Пьеса окончилась, и дяденька отчетливо произнес: «Это хорошо, но где же Фаусто Папетти?».

В коридоре я покосился вправо и увидел профиль пузатого Жабы – тот, сложив пальцы шепотью, словно крестился, запикивал в заросший волосами рот корейскую закуску, острую морковь. Судя по всему, он не собирался покидать «Стереорай». На вахте было пусто. Экран внешнего наблюдения показывал отрезок безлюдной улицы. Я затворил за собою дверь. И прежде чем глубоко вдохнуть свежий уличный воздух, все-таки, закурил. Дождь перестал. Стоял тихий, безветренный вечер, подходящий для неторопливой прогулки пешком.

После музыкальной шкатулки в обществе чокнутого профессора каждый глоток ночной прохлады казался мне чем-то драгоценным, отпущенным в кредит. В рассрочку, говоря давно забытым языком мертвых, или стоящих одной ногой в дешевой вырытой могиле.

Переулок, соединяющий набережную с площадью, где уборная и Вечный огонь, славился своим эхом. Такие места располагают петь, скандируя американские слова, старые рок-н-роллы с икоткой. Было совсем темно, фонари горели впереди, у трамвайной линии, а бьющий из-под земли факел Вечного огня заслонил гранитный обелиск. Каблуки ботинок отстукивали шаги по мокрому асфальту. Но чего-то не хватало. В одной руке, я сжал и разжал ладонь, оказалось пусто. Зонтик забыл! Чучело мне баки забило своими оркестрами, и я машинально оставил бессловесную вещь у входа.

Этот серый, советской выработки, зонтик-тросточка был мне необычайно дорог, пускай и достался бесплатно. Я уже терял его один-два раза, и всегда проклинал себя за рассеянность. Чорт с ним, завтра схожу. Не будут же они насаживать на него сырое, неизвестно чье мясо. Десять лет назад я по милости Жабы угодил в вытрезвитель, точнее по собственной глупости, что скрывать. Поперся выпивать в посадке, плащ тогда чуть не потерял. Хорошо еще не заснул на рельсах...

Вечный огонь польхал пуще обычного. В дневное время газ сторал бледным, почти невидимым пламенем. До дома, где я живу, оставалось рукой подать. Эта сторона проспекта была совершенно безлюдна, на другой, где остановка, толпились люди. Я замедлил шаг возле туалета-подземелья. Пригляделся, зазор между решеткой и покрытыми мусором ступенями действительно позволял проникнуть внутрь крупной собаке, но сразу я этого не увидел. Чуть ниже была установлена более частая

решетка, и в ее квадратные отверстия песиголовцу было уже никак не пролезть. В самую запретную глубь сумел бы проникнуть разве что юркий карлик или ребенок, не соображающий, куда его чорт несет.

Рано утром, с благодарностью приветствуя очередной день на трезвую голову (цену им, дням без ужасов, я знал хорошо), я отправился на стадион и с удовольствием пробежал пять или шесть кругов. В парке после дождя было грязно и сыкотно. Звонить Жабе до двенадцати не имело смысла. Но ровно в полдень, услышав по радио об очередном взрыве где-то в Израиле, я набрал номер человека, которому не надоедает напиваться каждый вечер.

- Чем закончилось?
- Не спрашивай. Утконосы убрались в говно.
- Понятно... Как добрался?
- На кочерге. А ты куда испарился?
- Тихо ушел.
- Правильно... а мы... ни чего так... аккуратненько.
- Я зонтик забыл. Пошли сходим, заберем.
- У этих качкоротов\*? Сходи сам, чего тебе. Утром заходила Маня, посмотрела и сказала: Фу. Видимо чем-то разит, а я не чувствую...
- Слушай, а кто был этот дяденька, что чудил с иголкой? Он должен отрывать куклам руки, гнуть кочерги...
- Дяденька волшебный. Но кто он – не знаю.
- Понятно. Ну ладно тогда, свяжамся.
- Давай. Может в кино сходим...аккуратненько.
- Ну да, а то сколько можно.
- Не говори. Обнимаю.
- Ага.

\* Качкорот (укр.) – утконос.

Усатый вахтер, читавший какую-то фантастику, спросил документы. «Да я у вас был вчера», – ответил я. Он жестом показал – проходи. В коридоре пахло табаком, возле проигрывателя громко восхваляли своих семью смертями умерших кумиров, должно быть из райцентра прикатившие мужчины. Чорт знает, чего они ищут среди этой ружляди, меломаны. И деньги платят. Проигрыватель работает, отметил я. Значит, чокнутый профессор соображал, где остановиться, положить предел своему безумию, находящему выход в царапанье пластмассы.

Молодой человек с круглой головой уставился на меня вопросительно. Я поздоровался с ним кивком, и подошел к столу:

– Где мой зонтик?

Он молча показал из-под стола рукоятку, повертел ее, и протянул мне зонт. Он видел, что перед ним явно не покупатель, одержимый страстью к «фирменным дискам». Едва я хотел сказать, с меня причитается, воображая степень похмелья, но он опередил меня, ехидно, но без злобы:

– Ну ты и привел друга.

– ?

– Твой друг тут вчера начудил.

– Не мой, а ваш. Это Жабя меня к вам притащил, а не я его.

И потом я не пью.

Круглый ничего не сказал. Видимо он был одним из совладельцев «Стереора» и привык к всевозможным ненормальным, обязательно атакующим такие места в любое время года. Я спросил о том, что интересовало меня не меньше зонта.

– Он вам тут ничего не испортил? Этот высокий дяденька в очках?

– Нет, он всегда покупает. Старый стилиста, – молодой человек почему-то дружелюбно улыбнулся, и от этого обозна-

126

но... Видишь Данила этот тортик? Я сниму пластырь, но тебя все равно никто не услышит. Ибо мы будем слушать музыку... Громко... Оркестры. Оркестры, Данила... как такое не любить? Вся молодость прошла...

7-8-9 мая 2002

128

чились наконец-то черты его лица. – А знаешь, чем он занимается? Он проктолог.

Заметив у самой двери картонный ящик с надписью «уценка» я приличия ради пошуровал в нем и выгашил Deep Purple in Rock тех лет, как принято говорить, гримасой показывая одобрение. Сыну, пояснил я. Сыну.

– Он нормально играет. Просто дешево достался. С вас два уе. А короче, – он выдержал паузу, – пятьдесят рублей.

\*\*\*

«Первым делом надо просушить зонтик. Вот сюда, к рефлектору. Угу, вот так», – проктолог повесил на крюк замшевую шкиперскую кепку, насухо протер влажные стекла очков. Тщательно вымыл руки. Дверь в ванную оставалась открыта и плеск воды был слышен во всех комнатах его холостяцкой квартиры, выходящей окнами прямо на пустырь, прилегающий к безлюдному в это время года пляжу.

Чистыми руками он достал из портфеля приобретенные в «Стереорае» пластинки. Бережно разложил их на столе, рядом с аккуратно лежащими хирургическими инструментами. «Сезон дождей, – вымолвил он, потирая ладони, – здесь не поют птицы, не играют дети. Угрюмый балтийский вид. С чего начнем? – спросил он у самого себя, и, хрустнув пальцами, уточнил – С кормления, разумеется».

– Был у меня друг...в студенческие годы: Сарычев... Сарычев Николай Семеныч. Местами, прошу прощения, голубой, – он говорил без акцента, – Мы его звали Сарычев-Бернарычев... А малыш...малышей-голышей он называл «лапочки». Даже, когда те превращались во взрослых парней... Ты подстригся, лапочка? Молодец, аккуратная стала головка... Он обожал трубача Нини Россо... Попоев-подудит... Попоев-подудит... Прият-

127

## БЕСФИНГЕР (рассказ-аллегория)

### Пролог. Лондон.

Пожилая женщина, похожая на гадалку, в дырявых перчатках и шали с кистями гуляет по переулку, где торгуют подержанным барахлом. К заборам палисадников прикинчены афиши старых фильмов про зомби и вампиров. Под стенами домов расставлены картины и пластинки давно состарившихся или вообще уже мертвых звезд поп-музыки. Время от времени она перестает горбиться, выпрямив спину упирается сжатými кулаками в бока, и стоит посреди шевелящейся толпы без движения, что-то задумчиво высматривая.

В конце квартала за рулем старенького фольксвагена дожидается мистер Лорри – человек, с которым чудакватая дама познакомилась по объявлению в газете. Оба пенсионеры, у обоих нет детей. Правда в СССР у нее остался племянник. И на барахолку, где продается не нужный ни ей, ни похожему на попуя мистеру Лорри хлам, ее привели как раз настойчивые просьбы единственного родственника. Дама, по виду гадалка или исполнительница романсов (ее прежняя фамилия звучала по театральному – Гуселетова), высматривает что ей нужно, и вновь согнувшись едва ли не в дугу скорыми шагами подлетает к намеченной цели. Указательным пальцем левой руки она тычет в грудку «пластмассы» на тротуаре, а в правой сжимает записку, чей текст она, шурясь, зачитывает старьевщику: «Пу-лыз, иф ю...ю хэв дэмиджд вайнил рекордз нот фо сэйл, гив ит ту ми, пу-лиз». Английские слова написаны печатными русскими буквами. К записке приклеена изолентой фотография молодого человека. Томно откинув голову в темных очках, он стриженный под Оскара Уайльда, показывает руку, где не хватает большого

129

пальца. «Лук! – дама тычет пальцем в обрубок уже без шпарталки, – Лук! Май пур нэфью. Бесфингер!»

Старьевщик, лысеющий курчавый человек в жилетке, молча нагибается и, отобрав негодные пластинки, делает даме знак – забирай.

Постепенно заднее сиденье машины мистера Лорри оседает под стопками чорт знает кому принадлежавших виниловых блинов. Все они обильно покрыты отпечатками пальцев, пометом домашних насекомых, автографами прежних хозяев, что веселились, как могли, каждый по-своему, под нарезанный на эти диски звуковой понос. Мадам Гуселетова влезает на переднее сиденье, вытягивает ноги в спортивной обуви, закуривает: «Сегодня очень удачно». Мистер Лорри кивнув профилем полугая заводит мотор.

### Страна Свиней. Столица.

– В нашем городе тоже живут солидные люди, – Севастьянов возился с замком своей железной двери.

– Да, только ты им хуй что продашь, – парировал Осовцов, придерживая портфель, чтобы водка не вытекла и не залила ему бумаги. Севастьянов установил стальную дверь с первого миллиона. «Надо, надо, обчистят как рыбку», – глухо бормотал он, позвякивая связкой ключей. Проникнув, наконец, в квартиру приятели уселись в толстокожие кресла. Менее тучный Осовцов пошел на кухню сполоснуть два пыльных стакана.

– Зачем ты их моешь, скажи на милость? – всполошился было Севастьянов.

– Там в них сок был или что, липнут, – успокоил его Осовцов.

– А я не вижу, – понял Севастьянов, в комнате был торшер и два светильника. Но и один не светил по-человечески. – Не вижу, – повторил он с расстановкой. – Гадство.

130

Севастьянов дорезал остаток колбасы. Выпили еще, включили музыку. Осовцов попросил негров, диско, соул.

– Они нам в снедь? – повторил Севастьянов, разжевывая колбасу. – Что, вправду так и написано? Татарам-дарам-дам.

– Они нам в снедь, говорю я тебе. А знаешь, как по-украински будет утконос?

– Откуда...

– Качкорот.

– Не может быть!

– Качкорот!

– Пиглет женился.

– Говорю тебе, качкорот.

– Свинья теперь важный. Нашел себе рульки.

– Позвони ей.

– Кому ей?

– Ну, рулькам его.

Севастьянов набрал номер Свиньи, представился и тут же мимикой дал Осовцов узнать, что трубку на другом конце провода сняла мисс Пигги. Через двадцать минут Севастьянов выпалил Осовцову: «Она выдала мне полную разбарабанку». Этим словом приятели называли подробную информацию, подражая жаргону музыкантов. Иногда вместо «разбарабанки» они говорили «разгитарка». Для примера: «Сева, поди сядь рядом с Сёриком, он тебе покажет разгитарку». Осовцов настаивал, что все так и было: Сева, Вольдемар Сепп, брал свою «Иолану», шел к пианисту, и они занимались разгитаркой. Не может быть? Все может быть. Жаль, что всего этого становится меньше. Лучше верить в то чего не было, чем тому чего нет.

– И что, Свинья рассыпается в благодарностях, что допущен к куску манды? Это не я, это Азиян так говорил...

– Да? Про кого это?

132

Швейцарским ножиком он тонко нарезал обрубок татарской колбасы «кази». Они чокнулись и выпили. Водка промелькнула, как автобусная остановка. «Еще?» – тупо указал на бутылку Осовцов.

– Погоди. Кому бы позвонить?

– Кому позвоним? Что, широколицая не появляется?

– Появляется.

Широколицей была пьяница-репортерша в черном джинсовом костюме.

– Что-то Свинья важничает.

– Венгр ебаный.

– Почему венгр? Он же ариец.

– Потому что воняет. Помнишь, «Перстень с русалкой»? Там есть Шуба Пал. Пал Шуба. А этот получается Пал Вони.

– А! Вони Пал! Понятно. Выьем давай...

– Откуда он вообще взялся в Стране Свиней?

– Говорят, всегда здесь жил. Отец вроде бы в КГБ работал, синяк страшный. Умер от белой горячки. Есть мнение, что в недрах ГБ проводились опыты по созданию гомункулов, которые истребят еврейскую нацию.

– Хуй им в рыло.

– Вот именно. И вот – один из таких пробных шаров никто иной, а твой любимый Пал Вони. Вышел неудачно, но ликвидировать не стали. Решили отдать на воспитание в ГБешнюю семью, взяв подписку. Оттого его папа так и синячил. Наблюдали, наблюдали, а потом, как обычно, махнули рукой.

– Говорят, у него тетка за границей. С немцами дриснула?

– Нет, вполне недавно. Да...теперь понятно, почему Воинство поросят и кроликов несет потери. У тебя Библия есть?

– ...?

– Вспомнил хорошие слова. Книга чисел. Глава четырнадцать, стих девятый. Про вурдалаков: «Они нам в снедь».

131

– Когда Прыщ первый раз женился. Неудачно. Они с Азияном надьбали у нее письма из Москвы, из ВГИКовского общежития, ни больше не меньше. Так что Свинья?

– Свинья на седьмом небе. Орет: «Я прозрел! Лебедушка моя, где же ты раньше была?», и тому подобное.

– Пора ему напомнить, пора, Лев Севастьянов, напомнить, кто Князь Мира Сего – глухим и гулким голосом произнес Осовцов, неподвижно глядя на бутылку с водкой. Он потирал большим и указательным пальцем правой руки острый край воротника трикотажной куртки, похожий на черное острое ухо. Признак задумчивости.

– Как, вернее, чем мы ему можем напомнить, Ибрагиша, – с горечью отчеканил Севастьянов, беспомощно глядя на живот в полосатой ковбойской рубашке.

Осовцов молча поднялся из кресла во весь свой рост. Лево́й рукой он отодвинул люстру, а правой задумчиво почесал висок совершенно лысой головы. И медленно произнес: Есть один... вариант...с идеей. Лебедушка вовремя приземлилась в свиную лужу.

С некоторых пор Осовцова посещало видение, в начале расплывчатое, двуцветное, с плохо обозначенными фигурами, мало помалу оно насыщалось красками, обретало объемность и четкость, словно изображение на экране телевизора после хорошей настройки. Он видел Свинью за рулем. Пятак задран кверху, щетина на лбу торчком, и также вверх смотрит козырек синей бейсболки. Свинья ждет перед светофором, загорелся зеленый, и он не меняя положения головы, едет дальше. Неожиданно ему делается больно в животе, кое-как развернув побитую, облупленную иномарку, Свинья вылезает из-за руля, дверца остается распахнутой, падает на спину и катается по грязному снегу, бейсбольный козырек слетел с головы, синее. А Свинья корчится, подгибая ноги в просторных джинсах, сучит ими,

133

беспомощно руля изуродованной рукой, при этом он не молчит – из горла у него идет непрерывная свиная нота, словно кто-то сунул спичку в дверной звонок, или уперся лбом в клаксон.

– Безразмерные джинсы, выгодная вещь – выделит, нашел к чему придраться, Севастьянов. – Где ты такие видел?

– Там же где и ты, – парировал Осовцов, джинсы больших размеров стоили значительно дешевле. – Помнишь Жирного Петю? Он постоянно обновлял «левисы», потому что покупал их за копейки, учитель истории. Жирный Петя умер.

– Говорят, убили его, в гробу лежал весь черный.

– Почернел. А где Вони Пал потерял палец?

– Говорят, работал в типографии.

– Там платили хорошо. Свиные не везет, но Вони Пал несет свой крест. – Джизус Хрю.

– Суперстар. Ты когда-нибудь слушал эту хуйню на русском языке? Это пиздец, Гиссарская Овца там поет. Жертвы пугачевской мафии.

– Откуда...откуда мне такое слушать...

После катастрофы, но до ограбления, Свинья повесил в лавочке икону. Правда не на самом видном месте. И еще крест, тридцатисантиметровый крест, чтобы отпугивать воров и злых духов. «А откуда Вони Пал знает, что именно этот его божок? Может, поклоняясь не тому, кому надо, и кому в лучшем случае до него нет никакого дела, он только усугубляет этим свою участь? А?» – прокомментировал Севастьянов.

Осовцов при встречах со Свиной, за спиной у того читал стихи:

Еврей божество обожает свиное.

Чтит силу ослиных ушей.

Вони Пал делал вид будто спросонья, презрительно поворачивал шею...

134

Приблизительно через неделю в баре «Сосновый воздух», сквозь гул сушилки для рук Осовцову почудился голос Свины, он убрал руки из-под сурдины, и устройство смолкло. Ему не пригрезилось – где-то рядом с уборной разговаривал Свинья. Осовцова поразила отчаянная и в то же время брезгливая интонация Свины, он жаловался томно, с нечеловеческой тоской – это была речь проклятого существа. Зачем вы меня не убили?

Жуликовато покинув туалет, Осовцов метнулся в зал, и быстро накапал Севастьянову, что Свинья здесь! Краем глаза он успел заметить бок в черной куртке на меху в первых числах мая. Приятели принялись, потирая руки, ждать появления вонючего туриста. Им было ясно – здесь что-то не так.

Наконец появился Свинья. Подбородок и щеки его обросли желтоватым пухом, в темных очках он походил на слепого. Разило от него на много шагов. Еврейка с умными глазами, крутившая в баре музыку, демонстративно зажала нос, который Осовцову нравилось целовать, поздравляя девушку с разными праздниками. Она словно позировала для плаката «Израиль без этих». По виду Свины можно было решить, что все дни и ночи он валялся не раздеваясь, нюхал свою вонь, изнуря себя догадками – почему, почему с ним такое происходит? Мысль о том, что здесь замешано колдовство, магический саботаж, его пока не посещала. Осовцов подмигнул девушке в наушниках: Может поздравить. Сегодня, оказывается, праздник.

Свинья все видел, пускай не все и по-своему, но все-таки понимал, но не мог не афишировать свою скорбь, свое несчастье. Этого требовал свиной мазохизм. Жажда самоистязания понуждала его глазеть сквозь темные линзы на свиные головы со штампом между глаз, на свиные ножки, чтобы потом эти кошунственные образы отпечатывались в мозгу, стояли перед глазами, мучили его часами, сутками! Свиной фатализм делал из Вони Пала трагикомическую фигуру. При упоминании фильма «О, счастливчик!»

136

Родители Вони Пала неизвестны. Генерал КГБ, ясновидящая – все это сказки эзотерической окраски для тех, кто без подобных выдумок жить не может. Свиныю воспитывала тетка. Картины, акварели с видами Адриатического побережья тоже забрала тетка. В конце 80-х годов она сперва перебирается в Венгрию, а потом и в Англию. В Венгрии она регулярно паслась со Снеговиком и ее мутной мамашей. Спекулировали дефицитом. Их туда пускали ухаживать за могилами отцов еще при Брежневе. Покойный Жирный Петя намекал, что именно тогда тетка Свины заложила актера театра Власенко с партией порнографии, причем в его «Запорожце» обнаружили и педерастический журналчик «Срачэк» (юноша по-венгерски). Продержали в камере трое суток. Власенко откупился, наверное, тоже кого-то выдал. В спектакле одним он играл офицера. Голова у Власенко совсем седая. Красное лицо горит, как табак под пеплом. Сцена – он входит в кабинет Брежнева. Тот присматривается и спрашивает: «А где ты так поседел?» Офицер отвечает, что в Чехословакии. Они обнимаются и вспоминают боевые эпизоды. Постоянно бухой машинист сцены Яковлев за кулисами ехидно переспросил у актера: «А может в Венгрии?» «Дурень!» – с досадой рывкнул Власенко.

Тетка дриснула. Сначала в Будапешт, затем в Лондон. Свиныне досталась кооперативная квартира в третьем Шевченковском микрорайоне. Первое, что он сделал – выбросил на свалку хорошую газовую плиту и установил микроволновую печь. Свиныне ненавидел газ.

Первая попытка проникнуть в Англию закончилась для Свины не так, как он ожидал. Все как будто бы шло по плану. Вони Пал хорохорился, не скрывал своей радости, ибо наличие лондонской тети делало его не таким как все. В давно объявленный им день Свиныне исчез. Видели, что он сел в машину и покатил в аэропорт.

135

он вздрагивал, потому что не мог забыть проклятый киносеанс, когда в похотливой светотени кинозала на мгновение весь экран заполнила человеческая голова, пришитая к свиной туше.

Но что же все-таки произошло? Для этого Вони Пал и приперся в «Сосновый воздух» такой душистый, чтобы все рассказать. Впрочем, он уже успел в достаточной мере придти в себя, чтобы перевернуть историю сообразно своим представлениям о справедливости, подлости, воздаянии и судьбе. Вот как дело вышло: в документах обнаружилась ошибка, и Свиныню буквально «за полчаса до рейса завернули». Осатанев от обиды, он завизжал – «Судьба играет мною!» – точно и впрямь начал превращаться во взаправдашнюю свиныню на глазах у клерков и провожающих. Огорченный, в свином амоке, он хватается за руль и мчит обратно в город, чтобы поднять пиздеж, устроить кому следует... Курит, бормочет, превышает скорость. Шайтан посылает Свиныне встречу новенький седан, а в нем парни из Баку. Четыре гангстера. Свиныня хамит, не понимая как глубоко его занесло. Появляются ножи, бакинцы изображают резников. Здесь не шутят. Они сами ошеломлены размерами нелепой добычи. Кого только не выродят эти неверные! Свиныне назначают пять тысяч зеленых чешуй с хвоста Большого Шайтана. Наконец до Свиныне доходит, в какой некрасивый капкан он залез. Где-то, в кровеносном расчесанном прошлом, остался валяться большой палец, теперь обрубают все, что уцелело – здоровую тушу.

Вони Пал не сказал об этом прямо, но судя по всему, Парни из Баку своего добились. Осовцов и Севастьянов переглянулись с пониманием во взорах, как Полад Бюль-Бюль Оглы с послем Турции в Азербайджане.

Дома Свиныне не зажигал свет, лопал упаковками снотворное, курил, проглатывая фильтры, пачку за пачкой ужасные магмы и бонды, и казнил себя видением, где фантастические друзья-чекисты, нет, лучше ГРУшники, приглашают его в Коми-

137

тет и крутят записи телефонных разговоров Севастьянова с Осовцовым, где они хвастаются своими кознями против Свины. Вершина наглости – Осовцов звонит мистеру Лорри, которого Свинья почему-то называет **отчим**, хотя тот ему даже не дядя, и докладывает англичанину, что Свинью они прозвали Вони Пал. А тот, старый, прости Господи, идиот, хохочет вместе с ним, еще и повторяет: Пал Вони?! Вони Пал?!

С тех пор как Свинью «завернули» и оштрафовали за неуважение к Баку, в его взглядах, или как еще выразиться, обозначился крен в сторону свинофашизма. Он вдруг вспомнил, что он «русский купец», перезнакомился со всевозможными соратниками и сподвижниками. Объяснить ему, что их предшественники истребили шесть миллионов людей как раз за то, что те в рот не брали свинины, не было никакой возможности – Свинья обиделся бы.

Девушка из «Соснового воздуха» вскоре поведала Осовцову, как Вони Пал агитировал одну искусственную блондинку, взывал к ее арийскому сознанию, вроде бы пробуждающемуся: «Сколько ты получаешь? Двести? ойнк-ойнк. Пускай возьмут себе вон ту косорылую, – указал обрубком на девушку в наушниках, – и платят, сколько тебе».

– Он у нас еще попляшет, вымолвил Осовцов, почесывая свой оголенный череп.

– Да, он еще орал, будто бы я продаю из-под полы какие-то наркотики, пожаловалась девушка, облизываясь.

– Он у нас еще попляшет танец поросенка-сироты, успокоил ее Осовцов, – А мы сплещем прямо сейчас. Снимите на время эту иностранщину.

Молодые люди встали друг к другу спиной, сплелись руками в области локтей, и начали неторопливо кружиться, притопывая и напевая:

Наш друг хороший парень,  
Наш друг хороший парень,

138

Наш друг хорооший парень.  
Об этом знают все.  
Хрю-хрюхрю  
Хрю-хрюхрю.

Это был их специальный танец. Хореография Осовцова. Некоторые завсегдатаи «Соснового Воздуха» уже осмеливались им подражать.

Весна – время ритуальных мучений Пиглета с отсрочкой казни. Здесь нужен операционный стол, а не мясницкая. Хирург, оскаливший железные зубы: Ай-яй-яй-яй-яй. Скворцы, передразнивающие домашних животных в тополях за окнами больницы.

Свинья пьет. Его часто видят сидящим на табурете спиной к двери в заведении «Виниловая ружлядь». От него разит хозяйственным мылом, окурками и мочевым потом. Лебедушка не показывается. Зато в «Ружлядь» зачастили местные политологи, музыканты. Свинье тревожно, он ждет, какую пакость готовит, какую свинью подложит ему эта гремучая весна, будь она проклята – хочет выкрикнуть Пиглет, но спохватывается и суеверно сам себя поправляет – ну ее в баню... Он ловит в банке огурец, словно это его собственный палец. А тут еще эти жидовские таблетки, ну их в баню...

Крест почему-то не унесли, вон он – висит, где его повесили вот этими руками, а решетку чикнули и выставили в дыру товара на три, нет, на пять тысяч гринов. Кого мне благодарить за такое везенье? Политологи и музыканты сочувствуют. На их картофельных головах прорезываются строгие былинные черты. Разве их вина, что из богатейшей превратили... что значит они?! Их превратили в сырьевой придаток! Но они еще покажут!!! Докажут, что американский вариант это не их блюдо сбитня, то есть студня. А пока...

Подозрения мучают Свинью даже не по часовой, а по секундной стрелке. Он раздражителен и шелкает испорченными зубами. Услышав за спиной у себя случайное словосочетание, что

139

то вроде «мастер и мартышка», резко оборачивается, и едва не рухнув на пол, орет: «Что ты имеешь против Булгакова?! Ты?!»

Прошлый март буквально вылился потоком ненависти и кощунства. Слуги пархатого Чернобога раскачали подпочвенную структуру, взбунтовались духи унитазов, и подвальные склады Пиглета затопило говном. Все, чем он собирался торговать, оказалось помечено нечистотами. А выбросить товар на помойку он не мог. Он еще кое-что не мог, но надеялся, что рано или поздно, как в русской сказке, у него получится.

Девушка из бара «Сосновый воздух» готовилась к маскараду в честь праздника Пурим. Она давно задумала собственноручно изготовить себе одну маску. Никто из собравшихся не оценил ее изобретение, не похвалил за смелость. Первый приз, фен для волос, получила барышня, нарядившаяся Мадонной, дочь Клары Моргуновой. Девушку из «Соснового воздуха» узнавали по сложению, некоторые шептали ей в ухо, что она сошла с ума. Узнать ее можно было еще разве что по прическе, потому что лицо полностью закрывал рельефный свиной пятак, в отверстиях ноздрей притаился взгляд прозорливо-сытых глаз. Она знала, что делает, и делала это не ради победы в конкурсе.

На другой день, у ворот в Дубовую рощу, она повстречала Осовцова. Он перепрыгнул через весеннюю лужу и доложил, кивая вблизи ее носа указательным пальцем: «Вы веселитесь, а Пиглет ломает окорок, валяется под лестницей. Орет. Долго лежит. Окорок срастается плохо, но срастается».

Лебедушка заявляет, что ждет поросеночка. Севастьянов спешит пригласить эту басню Крылова на свой юбилей, вместе с персонажами других басен. Чтобы увидеть собственными глазам живот. Осовцова там не было, Свинья сказал, что не придет, если будет этот Осовцов. В Косово, такие как он, монахам в горло срут, ну их в баню... Кто-то из гостей по заданию приглашает Лебедушку на танец: – Кого ждете?! – Слоненка. – Ха-ха-ха.

140

Человеческое бытие вновь одерживает победу над свинобытием, или это только кажется. Пиглет на седьмом небе. Граждане, послушайте меня! Я – будущий отец! Севастьянов, специально что-то брякнув про пизду – врага в доме, перехватывает разбухший от суеверного недоумения и негодования взгляд Свины: Не богохульствуй. Окорок сросся окончательно. Зло позади. Свинья *born again* для добра. «Борнъгин, говоря по-русски», – уточняет Осовцов. Никто не смеется. Его танец с еврейкой из «Соснового воздуха» воспринимается все более ритуально.

Задыхающийся от счастья Пиглет покупает Лебедушке Лексус. Туда немедленно вешается кипарисовый крестик. Происходит опорос. Пиглет озирается, словно в него ударила живительная молния. Свинья опять на седьмом небе, хотя в ожидании опороса он нервничал и поедал успокоительное пачками. Крещение первенца. Федя. Кого ждете? Слоненка.

Ровно через год после несчастья с окороком Пиглет разбивает лебедушкин Лексус. Треснул бы и его череп, да спасает подушечка. Какая он не уточняет. Настоячиво заявляет о себе злой рок. Машина – грудa металлолома. Свинья в реанимации. Хорошо не было Лебедушки и Феди в кабине... Мысли Свины ходят по кругу вокруг темного стержня сумрачных догадок. Он вспоминает Лебедушку, поющую в его доме под караоке Аллу Борисовну, «Айсберг». До дури обдумывает, щупает мыслями однопалую перчатку между своих толстых натертых выше коленей ног.

...Мой или не мой? Было или не было? Кому достанется сокровище здесь, где моль в ржавчине, если душа его из вонии в стерильности улетит? Наконец-то он постиг вразумляющую, грозную силу страдания, и загворил как заправский поп или на худой конец, церковный автор. И пусть на тризне по упорхнувшей душе-синичке споет кто-нибудь действительно русский. Пусть поет Мазай. Или Маршал. Нет, хотя бы Мазай, а еще лучше – оба.

141

Свинья подозревал, что все это подстроили раввины. Он видел их пляшущими вокруг каширной овцы на блюде. И блюдо и овца – это были он, Свинья в больничной койке. Вон Пал, Вон Пал, где ты действительно раньше был? Притащил с вернисажа гитлеровский кофейник, по дороге выпил с торгашами, приставал к Севастьянову, требуя римских салютов, а тот не растерялся и сплюнул в серебряную посудину со свастикой: Тыфу! Тут же подбежал из-за колонны Осовцов, согнулся, и зашептал Севастьянову в здоровое ухо слова одобрения.

Пиглета выхаживают. Вслух говорят о Боге и Чуде. Но тут же обнаруживают язву. Запущенную, с большущей буквы «Я». Осовцов глумится: «У Пиглета обнаружен Я! У Свиньи Ya-Ya!», носится по супермаркету, сгребает грибы, сыры, столичную. Плохо дело. Пиглет прощается с капиталом. Деньги тают каждый день. Теперь он точно знает, сколько их у него было. А тут еще послание доставлено Пиглету в больницу: похожая на исполнительницу цыганских романсов тетка отказывается кланчить на развалах виниловую хурду-мурду. Мистер Лорри встал в позу, выбирай – Свинья или я, либо катись туда, где об Англии напоминают только буквы в помойных контейнерах. В перфорированном язвочками сычуге Пиглет чувствует спазмы. Ходит курить поминутно. День сделался невыносимо долгим, и с каждым часом растет ощущение неучтенной потери. Мозги Пиглета дробят скрюченные пальцы, барабания один и тот же коробящий аккорд: Почему она ходила на работу, когда он лежал в гипсе? Ее якобы не отпускали, не давали больничный, якобы...

Но главное письмо настагает Свинью следом за теткинским отказом: «Лебедушка – агент Севастьянова». Свинья дочитал и пожалел, что его вывели. Ему не в радость были даже поступающие в отделение азеры с пробитыми головами, жертвы погрома.

142

вал? «Как Наумовну раскулачили...». И Севастьянов точно так же притопывал ногой в дорогом, но уже ободранном английском лапте.

Архив Артиллериста расхватали за границей меценаты. Старик Яков «щелкал» малолеток. Говорят, выходило это у него с настроением. «Ребёночек Жюли, что умереть мечтает». Ребёночек, если ему дают выжить, мечтает сбивать лишние волосы дорогим лезвием. У карлицы, что выиграла фен на маскараде Пуриш-шпиль, волос пер даже из поясницы – косметологи такое явление называют «жопный ошейник». Тем не менее, кто-то рвется точить свой бараний карандаш и в такой точилке. Ни одна из фотомоделей Яшки-артиллериста не повесилась, не сошла с ума. За что травили человека? На пороге мирового признания он задергал себя до удушья в ванне, оставив на кафеле коричневым маркером лимоновское: «Я ебал вас в рот...Люди!»

Севастьянов и Осовцов назначены Лебедушкой главными экспертами по наследию Свиньи, частично залитому говном, пролившимся не в назначенный срок. Словно нечистоты поторопились и решили заранее оплакать небезразличное им, но обреченное существо.

\*\*\*

Мáрия Гусь то священность моя...

9-15.05.2002.

144

Лебедушка – агент Севастьянова. «Виниловую рухлядь» отдают под «Овощной». Перелом окорока подстроила она, смазав лестницу «поросычьей слизью» и, потопавав, изобразила спотыкание поросычьими ножками по ступенькам. Имущество движимое и недвижимое отходит к Лебедушке по закону. Лексус заколдовала тоже она – внутрь кресла замурован опарыш из выкидыша. Врачи удалили Свинье здоровую половину желудка. Духовный отец поросенка – Севастьянов.

Причем это конечно лунный младенец. Ублюдок Федор. Соскребли, собрали в пузырек с пола в церкви жидкий стул дрищущей суки, смешали со спермой повешенного кобеля...

В палаты вошла сестра милосердия. В руках она держала поднос, на котором было что-то накрытое салфеткой, возможно кукла-голыш... «Хрю-хрюхрю, хрю-хрюхрю», – напевала она закрытым ртом. Свинья дергает головой влево вправо: люди добрые, помогите! Но соседние койки оккупированы окровавленными мусульманами, а они не понимают, о чем поется в ее песне.

...и накачав Свинью с заживающим переломом окорока радодормом, в соседней комнате уложили Лебедушку, подсунув ей под гузку образ, осуществили с помощью пульверизатора закачку. Так был сделан лунный поросенок.

Недаром, нет, недаром сквозь туман чудилась уничтожающая своей краткостью недопетостью фраза: Как Лебедушку раскулачили...

«...положили на кровать, захуячили», – пропел Осовцов с таким огоньком, что Севастьянов захлопал в ладоши и стал отбивать тапком ритм. Осовцов постоянно вставлял в эту частушку имя намеченной жертвы. Так когда, не выдержав травли, удавился фотограф Ян, по кличке Яшка-артиллерист, из Мюнхена прилетела спасать архив его кузина Наумовна. Осовцов следил за выносом гроба со скамейки через подъезд. Что он напе-

143

## ЧЕРНАЯ СТРЕЛА

*Это произведение мрачное, преисполненное злобы и человеконенавистничества. Игорь Мирошниченко не человек, не личность, не тип, а просто авторская марионетка. Что автор скажет, то он и делает. Скажет: «Пиздани шо-нибудь», и тому приходится говорить...*

(Брюс Пупо)

Здесь трезвость. Дядю Калангу поить бесполезно, он и так спился. Зайцев проиграл квартиру Колосу и бродит, со слов Стоунза, по трубам. Выпивать не с кем. Разве что с Сермягой. Но пить с Сермягой – все равно, что пьянствовать со свежесрытой могилкой. Рюмку себе, рюмку туда, в яму. Это тоже бесполезно, даже опасно. Видимо Саше (Сермяга он не для всех) Данченко, чтоб не умер, или напротив, чтоб не ожил, нужная постоянно смертельная доза алкоголя внутри.

Чего мы ему только не носили! Маршрут к сермягиному порогу лежит мимо танка и детской библиотеки, затем мимо подземной уборной, наискосок и снова прямо. Если посмотреть с неба или из лукошка Чортова Колеса, маршрут должен походить на молнию СС. Средний подъезд, лестница, созданная для прослушивания о чем бормочут, уходя от него, курьеры. Сермяга мастер стоять в дверях и прислушиваться, словно шагнувший из рамы портрет. Поэтому спускаться лучше молча. Вот его синий почтовый ящик, а вот и крыльцо, пустая скамейка под дворовым каштаном... Не каждый выходит из подъезда живым. Указатель жильцов частенько бывает заслонен крышкой дешевого гроба, обитого по советской старинке красным сукном. Раньше Саша делал вид, якобы он не терпит покойников: «Не говорите мне про них, я человек мнительный». Теперь он желанный гость не только за поминальным столом, но и там, где, как поется в нашей версии «Леди Мадонна», кого-то «надо обмывать и одевать».

145

Гарик говорит, что напротив здания ТАСС стоит какая-то пашлычная «Кавказ». Там они, большие крысы собираются отмечать особые праздники, пролагающие путь к Большому празднику, когда растает туман, человечество издохнет, и людей останется ровно столько, чтобы хватило в снедь другим людям, которые будут служить крысоголовым любителям безлюдья и безмолвия в качестве подушечек для иголок. Представляю, как он расписывает грядущий «Халифат благоденствия» своим сотрапезникам, а те в ответ кивают коническим крысиным рылом. «Почему ты об этом не пишешь?» – спрашивал я его не раз. С его слов, ему важнее вовремя поспать без помех, чем написать безупречной формы рассказ или повесть. Он утверждает, будто в наше время удачный афоризм, рисунок, сделанный за несколько секунд, интереснее больших книг с идеями. Здоровые люди, считает Гарик, перебрасываются названиями – видел, знаю, чужого не прошу, у меня? Конечно есть! А у тебя откуда? Понятно, одобряю. Согласен, Доктор Ла Вей и Джейн Мэнсфилд прекрасная пара. Мне? Сейчас никто. Когда-то нравились большеватые, скуластые, косолапые. Хитрый, по-своему железный человек. Взрослая крыса, по утопленникам-поплавам переметнувшаяся на берег грядущего. Впрочем, никто никогда не видел, чтобы он за кем-то бегал или куда-то спешил. О чем мне писать? – разводит он руками со скромностью человека, знающего себе цену, о чем рассказывать? В шкафу одни пластинки, в голове только мозг, Игорь, один мозг, то есть тут у меня явно не чердак с летучими мышами. И знаешь, меня это, в общем-то, радует.

Я помню его в этой полуподвальной библиотеке – сосредоточенный паренек в вишневой вельветовой жилетке, одну за другой одолевающий тяжелые подшивки советской периодики. В одиннадцать лет! В 72-м году! Помню, шел я в сумерках мимо

Между прочим, если провести диагональ без изгибов, сермягин маршрут упирается в угол здания КГБ, в том месте, где, если верить припадочному Ящерице, сыну эстонского политика, однажды из окна выпрыгнул священник.

И палящий ветер – их доля из чаши. Окна, через которые Данченко смотрит в мир, выходят на руины. Вторая очередь ликерки\* мертва. Отвергнутый жизнью бетонный скелет. Под сваями, вбитыми в землю еще при Андропове, приседают собаки. К/т имени Ленина – оба в развалинах, и зимний, где была церковь, и летний. Дорога к порту сплошь в опаснейших, незаживающих рывтинах, словно от палящего ветра из глаз Сермяги гниет асфальт и распухает дробленый камень. Машины виляют, огибая их, давят, сшибают метисов, что расплодилось на стройплощадке. Время от времени на столб с обкусанными проводами вешают венки, значит, под колесами пресекалась и человеческая жизнь...

Сермяга не транжир. Известно его бережное отношение к табаку. Он не просто потрошит окурки, но даже собирает табачный дым в холодильнике. Иногда в его окнах открыта лишь одна форточка, иногда – все три. Три форточки приоткрыты под одинаковым углом, только вряд ли ему нужен свежий воздух. Скорее он затягивает с улицы, все что можно. Из выхлопных труб, с волос и ветвей, со дна урн, где «на дне окурков много – хочешь ешь, а хочешь жуй, можешь съесть кошачью ногу или человеческий хуй». Данченко знает, что ему необходимо, чтобы жить дольше и лучше среди тех, кого рано или поздно ему предстоит обмывать и одевать.

Отворив форточки, Александр сидит, скрестив ноги на табурете, и сопит, втягивая невидимые вещества. Он сопел, шумно дышал через нос всю жизнь, сколько мы его помним. Накапливает ядовитые витамины. Маленький головастик, покрытый шерстью, вроде шмеля, сопит, и от поросычьего фаль-

\* Ликеро-водочная фабрика

читального зала, и мальчишка лет пяти, просунув голову в форточку, крикнул: «Тетья! Дядя! Дайте молока!» Чем-то меня потрясла эта выходка, но еще больше я удивился, увидев в дверях библиотеки Гарика. «Ты оценил?» – спросил он с широкой улыбкой.

\*\*\*

Сермяга не знает, как будет по-русски «одолжить», поэтому он по-украински «позычает», точнее, требует голосом детского призрака – «позычь!» Кому охота смотреть на мир из гроба, конечно, ему позычают. Если Данченко требует денег, самое страшное это не тащить их к нему на Глиссерную. Нет. Куда страшнее его приближение за деньгами оттуда. Сермяга надвигается по диагонали – мимо гранитного обелиска, мимо бьющего изпод земли Вечного огня. Газовый факел чудом не гаснет и по сей день, польхая посреди кладбища в самом центре города. Сермяга идет, нахлобучив островерхую шапку жреца, спрятав желтые кулаки в темно-зеленую мантилью на «молнии», замкнутой под самым горлом. За его спиной с правой стороны католический костел, давно отданный под какие-то склады, а слева – разоренная православная церковь, где читал свои стихи в 1927 году Маяковский. Он появляется из переулка, памятного своей уборной. Она уже много лет замурована щитом из гофрированного железа. И чем-то этот заслон от духов кабин и унитаза напоминает Стену Адриана, выстроенную против шотландских ведьм. Причем в двух шагах от зловещей (мало кто помнит, что в ней делали, почему ее закрыли, мало кто жив из тех, кто в нее заходил) уборной в коротком, но даже в дневное время жутковато-сумрачном переулке начинался маршрут трамвая, что бегал к переправе на Хортицу. Вагон давно пропал, истлели его шумные пассажиры. Семнадцать лет как обезлюдел пляж, хорошо видный с пристани.

цета Сальваторе Адамо его глаза запотевают. Потом он надевает оттянутые в коленках брюки и отправляется позычать. Мимо вечного огня, чей факел повторяет силуэт его шапки, мимо решеток общественного туалета, вырытого под землей в кощунственной близости от братских могил и храмов. Он не раз врывался под его желтоватые своды, надвинув на затылок монгольский малахай Манды Ивановны, и в жажде недосыгаемого требовал от питуриков кальмары, Карела Готта, водки на луне и всего, всего. А Манда Ивановна курила с непокрытой головой рядом с Вечным огнем и делала безразличное лицо, ревновала. Форточки в окнах детской библиотеки расположены в точности посередине оконной рамы, поэтому тот мальчик и смог просунуть голову, чтобы выкрикнуть свое: «Тетья! Дядя! Дайте молока!» Он не умел разлагать свишные масла на витамины. Если Данченко посадить в таз с речной водой, он может и отнерестится белужьей икрой. Есть люди, глядя на чью походку, поневоле воображаешь их гуляющими вдоль колец Сатурна. И среди них – Сермяга! На его сковороде трепещет «зажарка» в городе живых мертвецов! И палящий ветер – их доля из чаши...

Вот окно его спальни. Двойной занавес из марли, зеленая капроновая сетка от комаров. Я знаю, что висит по стенам – Элвис с гитарой в облаках, Элвис с прижатой к щеке карликовой собачкой. Тина Тернер в жакете. И наконец, настоящий портрет в ясеневой рамке – хозяину дома не больше пяти лет: Тетья! Дядя! Дайте молока!

Окно под самой крышей. И кукла-двойник дыбает глазами манекена. Глазами в колбасной оболочке. Сермяга дома нет. В холодильнике охлаждается табачный дым.

Сермяга не может исчезнуть.

Он будет жить здесь и там.

Пропадем мы – он останется здесь, где нам не место.

И там – где мы никогда не будем.

У трамвайной остановки торговали с прицепа мороженой рыбой. В послеполуденном сумраке между квадратных колонн прохаживался человек. Когда подъезжал трамвай, он останавливался и, улыбаясь уголками губ, смотрел, кто из него выходит. Ниша с колоннами была частью фасада прогоревшей церкви, ее устроили в помещении бывшего кинотеатра, и человек, был он ростом выше среднего, пару раз заглянул в пыльное стекло запертых дверей, припоминая, с какой стороны находились кассы, а с какой буфет. Было самое начало марта, солнце не хотело показываться, полюбоваться им можно было разве что на закате, с пристани.

– Начиная зябнуть, – вымолвил он и поежился. Он с усмешкой представил сцену, свидетелем которой ему довелось быть вскоре после смерти Черненко: Гарик за столом возился с лоскутами искусственного меха, а напротив сидел Данченко с бутылкой и, вытягивая желтые, вроде ступней, ладони, стонал: «А я им говорю – посмотрите на эти руки, это шо, руки тунеядца?! Сволочи вы, сволочи». Гарику не хватало стажа до пенсии по заболеванию общего типа. Словно по заказу мимо прошагал Сермяга, даже не глянув в нишу, где клубился сумрак и ходил Игорек. Голову Сермяги покрывала пыжиковая тюбетейка, глубокие морщины говорили о затяжном самоубийстве водкой и табаком. Но пока что пропадали водка, табак и другие люди. Сам Сермяга, несмотря на мертвяцкий вид, явно не спешил туда, где многие и многие успели исчезнуть.

Игорю нередко мечталось об избавлении от какой-нибудь женщины. Все в этих грезах было подробно, словно уже произошло. Беременную Лину он собирался спихнуть со скалы на Хортице. Удостоверившись, что ее треснувший череп треснул навсегда, сидя на уступе, принялся шумно причитать, прокли-

150

– Где она лазит? – произнес Игорь голосом Азизяна, вслед очередному, чуть ли не десятому трамваю. Из него вышли два солдата и цыганка в розовых гамашах. Ему показалось, что они направляются в церковь, и он спрятался за колонной.

Кстати, о камнях и гостях. Год назад Сермяга погрузился в жесточайший траур. Посетителей он принимал в сторбленной позе, словно очерченный карандашом, и едва слышно говорил, глядя перед собой на заслоняемое шкафом:

– Помнишь девочку? Нет ее больше. Моей девочки...

Посетитель, вытянув шею, заглядывал за шкаф и видел черно-белое фото на паспорт. «Девочка» напоролась на Сермягу в психбольнице, в дурдоме. Очень скоро она, дергая подбородком (рот у нее был с одной стороны крив) звонила в Сермягин звонок, и хозяин шел отворять на его глухие птичьи трели. Далее в ход шла катанка. Девочка оказалась «синячкой и вонючкой». Настал черед вибратора и фаллоимитатора. Это Гарик не поленился вывезти их из Москвы завернутыми в грязное махровое полотенце на дне томатной сумки Доси Шандоровича – все для Сермяги. Девочка попала под самосвал. Потом она приходила к Сермяге со словами: «Не верь, что меня нет. Не смей думать, что я не вернусь». Подбородок с кривым ртом снесло задним колесом. Поэтому слова извлекались из бульканья невыпитой водки. Между прочим, Данченко рисковал, затеяв жонглинг вибраторами под носом именно этой девочки. Мужем ее сестры был тогда Алик «Альберт» Бейтаров. Человек безжалостный и бесстрашный, что видно по одним его срокам. Ни каторга, ни цыганская ширка, а до нее годами вливаемые в глотку пожарные струи бэцмана\* с водярой не смогли растворить его железную волю и молниеносный кулак.

Сермяга давно попал в поле зрения Альберта, но применяя особую магию держался смутно, не прорисовывался, выказы-

\* Вино «Біле міцне»

152

вая случившееся, мол, лучше бы на твоём месте был я и тому подобное. Говорил, давай дойдем до ступенек. Острые камни. Брык, и виноватых нет. Расписались в апреле, а несчастье приключилось в августе. Чорт его понес отпетрушить этого рахита. Сумчатая Мышь родила ему сына. Игорь радовался, будто где-то под Рязанью русские люди назвали его именем большой березовый пенёк.

Через пять лет за его спиной бухали ботинки другой красоты. Дева та была актриса – Марина Подлесная. Однажды, возвращаясь из Днепропетровска (ездил катером меняться дисками, от Гарики Игорь перенял страсть к барышничеству, и ни капли не стеснялся, советский дух гешефта, дефицита добавляет перца в нашу кровь) он услышал из окна своей кухни голос актрисы. Она прилетела из Москвы-Ленинграда, успела «хапнуть травы», и варавила песню собственного сочинения, типичный номер для спектакля. Всему двору на потеху, включая Армянского Карузо, обиженного в детстве очередным Параджановым за двести грамм «дюшесок», предпочетшим сохранить инкогнито, прозондировав жопку этого школьника. Говорят, эту Марину любил рокмэн Безьян, кто-то еще, все от нее как от Сермяги охували. Она летала даже в Махачкалу. Смалила бесконечные папироски с дурцой. Была совершенно фригидна и невыносима. Игорю хотелось отпилить актрисе мучнистые руки, словно нарочно, вручную пришитые к туловищу с двумя пупками. Но они и без того рассорились вдырыз. Пыря (оказалось, ее прозвище) улетела в Дагестан, а в дальнейшем сдавила мучнистыми руками жопу дурака-немца, у того что-то вытекло, попало внутрь. Она родила ребенка. Какой-то полупитурик из окружения малохольной Анны, что занималась пантомимой с глухонемыми детьми, сказал Игорю: «Кто была эта красивая блондинка с длинными волосами?» Почему никто не замечал, не осуждал колбасок, набитых ватой?

151

вая четкие черты, необходимые хищнику, чтобы не спутать добычу при роковой случайной встрече. Неприятная встреча состоялась чорт знает где, когда, когда можно было умереть гомосексуалистом, ни разу не увидев гомосексуальной порнографии, то есть в семьдесят седьмом году, возле пивного ларька, где сейчас стоит огромная безобразная церковь, с колокольней формы собачьих яиц.

Вросшие в землю частные дома, сплошь одноэтажные, не загораживали жаркое июньское небо. Тень с иллюзией прохлады давала только стена мебельного магазина, ступеньки крыльца обсели мужчины в махровках и шведках. Опасались не того, что кончится пиво, а что бокалов не хватит, не во что набрать. Старшеклассник Данченко, засащенный с утра, сидел прямо на земле, свесив на волосатую грудь свою голову эмбриона, рядом обсыхали на солнце две пустые кружки. Альберт появился не один, скоро оценил положение и скомандовал тем, кто пришел: «Соберите бокалы». Один молодой подошел к Сермяге и спросил:

– Тебе бокал нужен?

– Я повторять буду, – донеслось из-под головы эмбриона.

Бейтаров мгновенно распознал врага и сволочь. По-волчьему щелкнув зубами, он резко обернулся и четко, словно вспарывая ветошь, произнес:

– А у тебя деньги есть, чтобы повторять? Болван...

Сермяга засопел, поднялся, и медленно шевеля шарнирами, упиздил вдоль трамвайной линии. Что если он специально обкуривает пальцы до этой вот желтизны, какая была у старой мелочи, а потом идет в условное место, где все из дерева под старину, и в одной доске предусмотрительно вынут сучок. В назначенный час к уборной подкатывает лимузин, вылезает банкир, заходит, просовывает в дырку хуй, и дядя Саша, не выпуская изо рта чинарь, тербит банкиру не хуже неродного отца. Пальцами, пожелтевшими от махорки. Доверяют же морякам обкуривать в плавании трубки самых престижных марок...

153

Ну а все-таки, что насчет Каменного Гостя? Представим себе его, поднимающимся по ступенькам сермягиного подъезда, а за ней, словно в одержимом эротическом помешательством планетарии, летают вибраторы, фобосы и деймосы яичек, отражаясь в пропащих глазах девочки, что оказалась синячка и воючка. А где-то под светифором дрожит, точно хвостом, выхлопную трубой палач-самосвал, готовый к исполнению приговора. А статуя, высоко поднимая цементные колени, одолевает ступенчатые этажи. Странное дело, истукан не дышит, но движется не так, как должны это делать бесплотные призраки, будто проплываая, не касаясь земли – он именно шагает, и от ударов его каменных подошв жужжат и дрожат железные прутья перил. Неожиданно дверь в каюту бесчинств дяди Саши распахивается, и на площадку выходит он сам, по обычному выражению, в состоянии не стояния. Столкнувшись с каменным чудищем, Сермяга качнулся не назад, а вперед, обдавая перегарищем холодный лик могильной тумбы. Еще одна необычная подробность – оба они почему-то кажутся одинакового роста. Гримаса пьяной ненависти сжимает сермягино лицо, глаза вылезают из орбит, брови становятся дыбом. Он сжимает пальцы в кулаки, но, сообразив, из чего сделан противник, тут же растопыривает пальцы пятернями. «Шо ты хотел? Ты – пехух! Хуй понюхать?!» – звонко, несмотря на козы ножки, с надрывом молодого Леннона выкрикивает Сермяга и, не дожидаясь ответа, обеими руками толкает гостя с лестницы, статуя теряет равновесие, отвесно валится вниз и, налетев головой на радиатор отопления, рассыпается грудой мелких обломков. Дядя Саша с похотливой улыбкой оттягивает трикотаж тренировочных, показывает отбитой башке истукана залупу, убирает ее обратно в штаны и скрывается за дверью, откуда слышны два женских голоса, один поет по-французски. Так завершается встреча сермяги с кладбищенским големом...

154

Крыша уборной заросла сорняками, ветви дикого винограда нависали над решетчатым окном: Тетя! Дядя! Дайте молока!

– Был среди римлян такой военачальник – Евстахий. Движение в поддержку армии и тому подобное. Пузырь, соломинка и лапоть. Говорят у генерала Дразнина помимо слабоумного сына, назовем его Винченциу, оставалась еще и дочь. И эта дочь – Сруль, которую так хорошо знает Гарик.

– Гарик... Как он?

– В Москве. Но вернемся к Евстахию. Представьте себе, однажды из лесу к нему выбежал олень и у оленя между рогами сверкал крест. А? Эффектно?

– Эффектно...Ух ты...крест...

– После этой встречи лесной, римлянин начал выебываться, и в конечном итоге угодил в медного быка, откуда его бог не выпустил...

Напротив Водоканала они пропустили вереницу дешевеньких машин, в каких днем разъезжают по городу мелкие порученцы. Рабочие, чтобы было ровненько, полным ходом приводили в божеский вид Сермягин подъезд. Начальство помнит даже про самых странных своих подданных, а обыватель все равно воняет в очередях, не довольный.

– Сейчас он оттуда выбежит. С вибратором между оленьими рогами.

– Кто?

– Данченко. Смотрите, разве это обычный подъезд?! Скорее вход в жилище и святилище того, кому подобает обитать в святилище среди двух диванов. Разве я вас не знакомил? Двух микробов – добавил он не вслух.

– Аа – сказала Люба неправду на английский манер.

– Известна ли вам судьба братьев Войновичей? Оба выброшены из окна с интервалом меньше года. Обоих связывала с

Воображение Игоря собиралось развить сцену осквернения Сермягой останков дважды угробленного командора, но он был вынужден сделать несколько шагов вперед. Та, кого он ждал лишние полчаса, приближалась со стороны Вечного огня, он ошибался, полагая, что она воспользуется трамваем.

– Хай – прошептала она, подставляя щеку, побитую пудрой.

«То вжэ нэ хай» – ответил про себя Игорь словами из песенки «Вернулся таки я в Одессу», и тут же, обмахнув костяшками пальцев испачканные губы, спросил девушку вслух:

– Люба, вы конечно видели «Последнюю реликвию»?

– Нет, а...what's it?

– Это фильм про борьбу сатанистов с католиками.

– Ах да, фильм. Видела, конечно. Да, видела.

– Я тут, пока вас не было...

– Извините, зашла в институт. В шьколу.

– Бросьте...вспоминал...его впервые показывали здесь, в этом кинотеатре, чуть и не двадцать лет назад. Те, кто попал на утренний сеанс, успели разболтать, что Эве Киви, что видно ее грудь, и к двум часам, представьте, что тут творилось, пандемоний. Мне запомнился разговор двух кинозрителей, очень короткий вопрос-ответ: Ну и шо там за реликвия? –Та! Два мослака! Разбили ящик, а там два мослака! ...Пойдемте к парку вот тем путем.

Они свернули налево и, миновав кирпичный фасад летнего кинотеатра, скрылись за углом.

В проулке пахло человеческой мочой. Доступ к туалету преграждала «Стена Адриана», сама уже ржавая, усталая.

– Между прочим, питурик Адриан не только возводил железную стену, чтобы ведьмы не порхали туда-сюда. По его приказанию христианина Евстахия свергли в медного быка, и там зажарили. Представляете?

– Евстахий? Что-то знакомое.

– Наверняка. Вспоминайте аккуратненько.

155

Сермягой абсурдная дружба. Старший – Василий, обучал его карточным фокусам. Младший – Сергей, вылитый Винсент Прайс...

– Вау!

– ...учил Сермягу фотографировать. Девочки на пленке, из песни слов не выкинешь. Э-э, а вот из окна может вылететь, все, что не пролезет в раму.

– Вы рассказывали про...ваш знакомый, толстый человек, выбрасывал в окно с улыбкой ножи, вилки, здорово!

– Это Костя. Войновичи оба сумасшедшие. Младший записывал водкой целые упаковки таблеток. Я знаю место, куда упал старший. Двор-полуколодец. Хотите верьте, хотите нет – на рисунок мелом «ад-рай», прямо чвяк, с пятого этажа. А младший, фотограф, тот в дурдоме. Но тоже из окна. Знаете, что он делал, чтобы рассмешить малышей, если снимал в детсадах, вот так: Ар-я-ар-я-ар-я!!!

...что здесь творилось, когда к военкомату подтягивались призывники плюс их родня, так и хочется сказать, на подводах. Данченко страдал ужасно. Они не просто горланили, мотая головами в платках жуткие народные песни. Они гадили. Это про них Саша сочинил:

В подъезде стоит запах мочи.

Повсюду шныряют псы-стукачи.

Хоть ором(sic) от них кричи!

Гарик знает как дальше. Жаль, никто не снимал. Кинокамеры в те времена мало интересовали колхозников, хотя и были по карману большинству из них. Они признавали только фото. Несчастный Сережа Войнович рыскал по селам в поисках клиентов. Его бизнес назывался «луврики» – раскрашивать черно-белые портреты крестьян, в особенности тех, кто умер. Смрад стоял ужасающий, но никто не падал в обморок. Провожали в армию. Среди офицеров традиционно большой процент пососать у воюющих призывников прямо в кабинете. Вам интересно?

156

157

– Очень.  
– Данченко, кстати, никогда, возможно и ныне не приносит слово смрад.  
– Ух ты, почему?  
– Он говорит и пишет «смрад». Смрад – хорошее название для ритуальной службы.

Игорь словно что-то вспомнил, и резко обернулся, он уставился на чешуйчатый купол башни костела, видный ему одному, Любе его не позволял видеть рост.

– Что вы? – спросила она, привстав на цыпочки.

Каблуки ее сапожек были почти одной длины с их голенищами. То есть каблуки могли сойти за продолжение девичьих голяшек, если в районе подъема отпилить стопу, одну и другую. Крахмальные щеки оплывали за уши без мочек, в уголках носа кожа была плохая, незаживающая. Машины и женщины гниют в одинаковых местах...

– Я который раз подумал, ведь Сермяга живет в зловещих декорациях фильма ужасов. Оскверненная церковь, костел, где со времен оккупации не звучит орган, зато отравляет воздух неисправный механический скот – машины. Тут же под боком захоронения – братские могилы, и на одной глубине с мертвцами под землей, в кабинках, отсос от темна до темна. А при советской власти, когда туалеты на ночь не запирали, после полуночи тем более. Просто какой-то «Дом напротив кладбища».

– Вау, что за фильм! Попросите Гарика, чтобы он нам его снова показал.

– Покажет, я думаю. А знаете, что у него есть, что он мне показывал? Там все про Вас...

– Да? Нет, не знаю.

– Записка от вашей подруги Нормы Джин: «Передайте, пожалуйста, Любе, что ее разыскивает...» Кто?

– Дека-нат.

158

свою маленькую знакомую. Причесывая перед зеркалом свои рыжеватые, длинные в то время волосы, он перехватил свирепый взгляд обозревателя – тот из комнаты снизу вверх смотрел, как обуевает девушка. Прогулочные ботинки были так малы, что больше походили на детские пинеточки. После ухода гостей молодой человек поспешил высказать Гарика свое мнение:

– Зачем, не понимаю, зачем Вы, Георгий Саладинович ей это показываете?!

– Игорь позвонил, вот я и показываю, – спокойно отвечал Гарик, соображая, не сходить ли им завтра в краеведческий музей, – А что?

– Да нет, я-то думал с ваших слов – это фигура. А тут – жидовский лилипут. Окуроч.

Гарик явно не был склонен выказывать бурные чувства:

– Пожалуй, вы правы, – с улыбкой произнес он в ответ на горькие слова москвича, – Бог леса не ровнял. Окуроч так окуроч. Скорее огароч. Черныш-огарыш. Но она талантливейший человек, хорошо рисует. Ей стоит помогать.

– Себя Вы только этим и убеждаете...

– Скажите это Игорю, или вам придется обождать лет пять, пока им самим не надоест. Между прочим, первой реакцией Данченко на лицо писателя Лимонова стали слова: «Как на такое лицо у негров хуй поднимается?»

– Да? А где он его увидел?

– Не помню, кажется, в «Комсомольской правде».

\*\*\*

Игорь носил Сермяге пиво к девяти утра. Что скрывать – такое было несколько раз. Даже Гарик и рецидивист Лемешко побывали в шкуре бурлаков сермягиного идиотизма – однажды тот целый день дотемна протаскал их по Днепрпетровску яко-

160

– Верно. «Там идет борьба за ее оценки». И подпись – Norma Jean.

– У него наверно много разных автографов? И вообще других вещей...

– Да. Фонарик актера Глузского, это действительно так. Но, как Вам объяснить. Вещей у Гарика – больше, чем мы думаем, меньше, чем мы знаем. Основная коллекция у него здесь, – Игорь легко постучал Любе средним пальцем в лоб.

...кстати про оккупацию. При Адольфе в кинотеатре имени Ленина демонстрировали фильм «Вечный жид». Картина тенденциозная, призванная поддерживать у лояльных нацистам граждан чувство превосходства и злость... Что я хотел сказать... вот, когда я вспоминаю, что творилось здесь между Сермягой и военкоматом, мне кажется, отснятые здесь кадры очень пригодилась бы для картины, которую давно пора выпустить. Она должна называться «Вечный гой».

Люба промолчала.

\*\*\*

Осенью 1995 года у Гарика гостил паренек из столицы. Спортивный обозреватель газеты «Новый Гуль». Гарик всегда джентльмен, гостеприимный, несмотря на внешнюю мизантропию, без устали показывал молодому человеку (это он подарил Данченко плакатик «У Лимонова честное лицо») в старомодной вельветовой кепке красивые места на Хортице, в Дубах, в порту имени Ленина, вблизи знаменитой плотины. Однажды вечером Игорь привел Любу Прялкину. Московский юноша церемонно пожал протянутую ровесницей крохотную руку и сразу пошел к форточке – подымит. Все вместе расселись смотреть картину с Кристофером Ли в роли графа Дракулы. Фильм оказался длинным. Около десяти вечера Игорь пошел провожать

159

бы в поисках очередной девочки. Адреса он не знал. Разумеется, безнаказанно, его даже не упрекнули. Игорь принес пиво, Сермяга велел поставить ему бутылки на главный в доме круглый стол. Сам он в белой мужской майке сидел к вошедшему спиной. На диване были разложены порножурналы. Судя по бакенбардам, прическам, фасону одежды на первых кадрах – материал не позже середины семидесятых. Кроме порнографии, кругом на полу, по табуретам, стояли емкости с остатками воды и того, что Данченко предпочитал ею разбавлять самостоятельно, чтобы ни капли не пролилось. Данченко сопел, сопел, переворачивая страницы и, наконец, почуввав недоумение Игоря, обернулся и, улыбаясь осоловелыми глазами, вымолвил: «Алёна должна прийти».

Тогда в желтоватом воздухе комнаты-почечницы Игорь пережил странное наваждение. Ему показалось, нет, не сию минуту, в девять утра, а в другое, точно ему неизвестное время, будто маленькие лемуры-участники отдаленных порносьемок вылезают из картинок журнала, и как есть в бакенбардах и косметике, карабкаются, копошатся вокруг сомкнувшего осоловелые глаза хозяина дома, издавая звуки, сродни позвякиванию посуды в шкафу...

Рассказчик в «Черном коте» Эдгара По замуровал чудовище себе на погибель рядом с трупом. Данченко, скорее всего, запер порнографических человечков в шифоньере, где до сих пор хранятся магнитные ленты, в том числе и коробка с конспиративной надписью – «Чистая». Между прочим, шкаф этот целиком ручной работы, свидетельство трудолюбия и мастерства сермягиного папы-мученика. В одной из дверок имеется окошко, сначала оттуда смотрела Шер с обложки болгарского журнала, потом хозяин заменил ее портретом Эдуарда Лимонова. Если вещички, отнятые Сермягой у порномальшешей настоящие, кто знает, возможно, они еще живы и, отгибая угол лимоновского лица, цокают сквозь трещину в стекле (оно треснуло

161

от удара лбом – пьяный Сермяга любит целовать портреты своих любимцев): «Тетья! Дядя! Дайте молока!» если может быть одно, то почему не может быть другое? Что, если цветные пигменты размножаются, и дядя Саша вынужден время от времени топить их в дупотопной ванне, куда он сам иногда «залезает». Или личинки партнеров по фотобоям погибают сваренные вкрутую, плавают маринованные в банках многократного использования, влипли в лед, рядом с присыпанным снежным порошком фаллоимитатором. Хранить его в морозилке посоветовал Сермяге Гарик, чтобы огромный обрубок с яйцами внушал ужас излишне любопытным гостям, из тех, что готовы «нырнуть в холодильник» пока хозяин дома спит на одном из диванов. А может быть, вообще, при порноспаривании происходит не зачатие новых, а исчезновение лишних, и число человечков остается без изменений?

В эпоху диско мы придумали для Саши песню в стиле соул, сальный фанк, который и поныне перекраивают питурики в своих целях. Сермяга должен был петь, тужно подвывая:

Они не согну-уут.

А трио – Шея, Снеговик и Манда Ивановна, поблядски, со свербящей перемодуляцией в дискотечных динамиках:

Твой супер-прут.

Из-под воло-ос капает пот

Щечокет нос, потеет живот...

Хорошо вспоминать такое, сидя в одном ботинке перед зеркалом, в полутемной прихожей.

...получив деньги на бутылку, чтобы не беситься «между собакой и волком», пока не спустится ночь и не потекут рекою посетители, а с ними и водяра, Данченко выдержал паузу, и начал с привычного: «Да, слышь, папа, а тебе случайно не надо...»

162

чтительных наблюдений при немалом количестве прозвищ они почему-то не решались назвать «общий знакомый».

\*\*\*

Небо над парком казалось выше, хмурое, оловянное. В верхушках черных деревьев время от времени шумел ветер. Что это я ей зубы заговариваю, думал Игорь, словно я гангстер, который по сюжету обязан заставить, предварительно выудив нужные сведения, жертву выпить отравленный виски. Он все еще не мог переварить недовольно-удивленное: «Алё-о-оо» в трубке. Выдумывает. Смоляное чучелко рождает затей. Де Фюнес в платке рязанской бабы. А под платком толстая седая волосина-макаронина. Один глаз полузакрит, и если оттянуть веко, выкатывается мутная капля. Без платка и шубы – едкий запах шампуня, нехороший, так пахнет запоздалое лекарство. И от загривка, до постоянно сырой поясницы, покрытой водорослями волосков, куда не добирается ручонка с бритвой – вонь, этническая вонь. Туловище отсутствует, конвейерная сборка, совместное производство. Пятно под левым нипшелем, сургучное, как подметил бы крупный романист. А размеры – чернильница, блядь. А голосок – с таким во ВГИК за взятки не принимают: «Я же жь страшько». Святые угодники! Легче вообразить, как рейсхфюрер СС обнимает Алину Витухновскую: Вы горячи и я горяч, ну и так далее\*. Акцентнице такой что...не акцент, а просто абажур из шкурки вонючки, сколько его не мой, прогреется от лампочки и снова смердит. Тагуировка есть такая – «вот что нас губит», а надо бы «вот что нас душит». Смард есть смард.

– Машины гниют. Женщины и машины прогнивают в одинаковых местах.

\* Найди они друг друга, и кто знает, возможно судьба целых народов сложилась бы иначе.

164

Предложил Игорю «взрослое интимное белье» только для игрушек, в общем, лилипутские размеры для сермягиных кукол, мужские часы, батники. Все фирменное, ношеное (!), но новое.

Мою сестренку осмотрел тут врач... Не вашу, нет, не вашу. Врача вызвал себе Сермяга: «Заебал этот кашель». Теперь ему известен диагноз – бронхоспазмы. Мог бы озолотиться не рекламе таблеток от кашля. Ведь нет такого места, то есть в любое помещение, куда успели прорубить дверь, Сермяга войдет, не хуй делайте, и все ему будут рады.

«Дневник неудачника» – любимая Сермягина книга. Читать ее медленно и удобно. Обернутая в белый ватман, она не слезает с его подоконника так, чтобы ее можно было нашарить пальцами, не отрывая от подушки голову. Сборник навеянных атмосферой Нью-Йорка миниатюр пришелся по сердцу Сермяге, заменил ему биографию Муссолини и более редкие книги про страшных людей. Аккуратный томик все время заложен билетом на футбол в одном и том же месте:

«Дьявольски похохатывая – я парил, я бился в истериках и мастурбациях. Я глотал собственную сперму, перемежая ее глотками вина – нектар и амброзия богов». «Вот пример для молодежи!» – было написано рядом рукою хозяина, без нажима, простым карандашом. Мы при этом не присутствовали, и видеть этого не могли, но сколько раз, должно быть, взгляд дяди Коли по кличке «Петух», того, что нигде не снимает кепку-аэродром, упирался в «pale blue eyes» Лимонова за стеклом дверцы шифоньера. И кто знает, сколько раз прижимались к стеклу Сермягины губы. Может быть, Сермяга, спустив тренировочные, трет-ся ягодицами об лакированные доски «домашнего» шкафа, бросая вверх через плечо взгляды выпуклых глаз мультимальчика, которому окурком взорвали шарики.

Гарик приветствовал увлечение Игоря Мирошниченко этой исключительной личностью. Объект своих иронических и по-

163

– Вау! А надо мной живут слоны. Музыка – сплошной Казаченко. И курят, дым с площадки заползает мне под дверь. Bother.

– То он в бронзе, а то он в мраморе. То он с трубкой, а то без трубки... Глядите-ка, оленя подреставрировали, заднее копытце у него совсем было отбито, торчал кусок оголенной проволоки... На танцплощадку зайдем? Дубы все обреченнее. Все плотнее проступает холод мертвого космоса. У группы «Горячий шоколад» была поразительная песня Cicero Park (is dyin' out). Дайн'аут – жутью веет, правда – вымирает. Ледяной ветер внешней могилы выламывает рельеф живого прошлого. А глобус вертится под ножками капризных паразитов. Им за капризами не видна гибель того, что достойно вечности, и гибель этих мест требует жесткой мести, одинаково ледяной, точно удар в нужную клавишу. «В джазе главное вовремя ебнуть». Как и в фильме ужасов. Чтобы вызвать шок и оставить ужасающий след. То он с трубкой, а то без трубки... Мы не далеко ушли? Вы не устали? А «трубки» у Сермяги украли. Вынесли.

– Да! кто!?

– Один сумасшедший. Какое легкомыслие. Дубовая листва гуще лежит на тропинках. Я всегда отмечаю это, гуляя здесь. При воспоминаниях неизбежны самоповторы, все, кто жил в одно со мною время: Гарик, Азизян, Сермяга видели, помнят одни и те же вещи. Но каждый видел их со своей точки зрения. И если найти своеобразный ключ к этому кукольному механизму, можно его оживить, и любоваться им до бесконечности, то есть, пока не надоеет. Вы знаете, если перейдем через мост и одолеем лабиринт между гаражей, мы попадем на студенческий пляж. Не знаю, почему его так называли...

Там произошла первая встреча Сермяги с Жорой из Облдравотдела. Днем. Третий был Женя Неровный. «Кривой» – звали его более блатные. Арлазоровского типа переросток загадочного возраста, мальчик испорченный, превратившийся в

165

назойливого дядю сразу, экстерном. Назвать его подростком не было никакой возможности.

...Так как? Давайте сходим, посмотрим, что там творится теперь, аквапарк ли полное безлюдье, место, в котором жить нельзя. Что вы там засмотрелись? А! Я тоже вчера отметил, коряга – в точности обгорелый труп, даже пальцы скрючены.

Они пошли к насыпи вдоль залива с тротуаром, ведущим к мосту, через выгоревшую танцплощадку. Одно время внутри ее устраивали собачьи бои. Всюду чернели лысые скаты, с их помощью очерчивали бойцовский ринг. Недавно к ним добавились фрагменты уничтоженных тополей. Игорь пихнул ногой одну покрышку, из нее выплеснулась вода. Люба дернулась в сторону, неприязненно, как показалось ему.

Гарика знаком этот мышонок табака. Он говорил: Ты бы мне все равно не поверил – таких ловили на отравленный хлебный мякиш в районе мусорника (здесь постепенно начинает играть Duran Duran), закачивали через жопку велосипедным насосом воздух. Речь естественно идет о рядовых, беспаспортных крысах. Этих никто не ловил, этих никто не травил, этим никто не препятствовал. Получай паспорта, меняй паспорта, бегай, мотай на ус, куда еще можно дриснуть. Если сидеть на крыльце, пить водку и подстреливать в пах и зад молодежь ее возраста, «креатив», и видеть их агонию – это бабье лето, все вокруг будет вспыхивать колдовскими красками. Солнечно, не жарко, а вокруг, регулируя скорость, шагают люди семидесятих годов. Бабье лето. На остановках шуршат плащи и кленовая листва под ногами. Нужно было только замариновать младенцев в утробах, чтобы те там так всю жизнь и плавали. Песня «Письмо матери» звучит для наших гостей первый и последний раз: Мой сын прописан в животе...

И танцплощадка была бы цела. И кинотеатр показывал бы венгерские, румынские фильмы, которые не надо пересматривать. Если бы разум выступил против размножения. Если бы

166

Кто виноват? Грызун спасался от жары и вспрыгнул не на ту могилу. Почему сразу не прогнал? Зачем прогуливался, вырабатывая с грызуном «отравляющее чувство общности»? Сегодня еще заявятся, если только... что если? И так до бесконечности.

Мальчик написал в газету «Спасите меня от папы». Сермягин папа вырезал заметку, потом показал Сермяге со словами: «Спасите меня от сына». И подписал себе приговор. В этой истории, которую по известным мне причинам я мог бы назвать «Игорь и белка», или «Девушка для бритья», я охотно умываю руки или если угодно, вытираю палец. Все кого-то тянут за ноги ко дну. Например, братьев старшего и младшего подозревают в мужеложстве, но это лишь верхушка айсберга, как говорят в Баку. Зная, что знаем мы, почему нельзя представить оргию с участием обоих братиков, папы Романа, мамы Тамилы и дяди в кожаной куртке. Разве не возможна такая «Летка-Енька» семьи Коваленко? Тянуть ко дну надо чужими руками. Руками других утопленников. Знаешь, какие мне снятся щипцы, клещи! Сон – мой маскарад, где никто не радуется, что туда попал.

Среди двух соперников не может быть победителя. Побеждает некто третий, полностью равнодушный к их страданиям, стараниям, отваге. Кто-то посторонний, столкнувшийся баранов лбами. Закрывайте двери, берегите тепло. Говорят, Насера отравил массажист, втирая специальную мазь, от которой останавливается сердце. Главное познакомить противников и вовремя уступить поле битвы, что нам путаться под ногами героев! И какими ногами!

Чорт чертенка подтолкнул, тот захлебнулся, всплыл – сбегались отдыхающие, оказалось это – Ванечка, ребенок с деревянной башкой. А чертенок тем временем, воспользовавшись замешательством, пролез в коляску и был воспитан, как родной, законный сын. Гага, мне нет дела, что ты пишешь, а тебе до моей писанины и подавно...

168

род повеяло, сам себя проводил бы в армию, куда-нибудь в прорубь. К рыбкам. А то вот кого я привел сюда, на пепелище, куда привык приходить один и стоять среди черных дубов, накапливать друг к другу «отравляющее чувство общности»? На подъеме, поддерживая рукой свою спутницу, он снова увидел вместо танцующих девиц отслужившие свое черные покрышки.

\*\*\*

А в это время дома у Гарика кипела страшная работа. Хотя внешне это было не заметно. Никто не смахивал паутину, не двигал мебель, за окнами эркера виднелось хмурое небо. Вертелась пластинка, рассыпая шелест ударных, щеточек, дымчатый саксофон после извилистого соло вовремя свернул элегантный проигрыш и уступил место роялю. От такой музыки возникала иллюзия, будто за окнами идет дождь, фары автомобилей глубоко отражаются в асфальте, кромсаемом косыми струями. Игорь должен был шутя уговорить Любу лечь в багажник, где она задохнется. На пустыре с вывеской «Парковка воспрещена (кроме машины с карлицей в темном ящике)». Маленький человечек, угодивший в металлический зоб, пропахший бензином. Пролог детективной истории. И музыка подходящая. Гарик был занят сочинением письма другу, которого ожидал суд за хранение и сбыт. Вот что он писал, время от времени он направлял скрипучую настольную лампу:

«Милая Гага, что между нами общего? Равнодушие. А оно исключает сильные чувства. Дьявол не болевщик. Черти подгакивают, да? Что еще делают черти, Гага? Тянут за ноги ко дну. «Всякий грызун боится запаха детей»? Мой хороший друг боится, что запах грызуна, искавшего прохлады на могильном мраморе его груди, все-таки разогрел его кровь, и грызун, в свою очередь, отогревшись, стал безбожно (или божественно) вонять.

167

Игорь возится с хомяком, а хомяк давно уже бежит от него прочь, сколько позволяют хомячьи ноги. Жду упреков, что ж ты молчал, друг называется. А зачем говорить про то, что надо видеть?! Карлица – это жуликоватый клоп. Форма одежды огородная. К твоему сведению, она соврала через полчаса после знакомства. Горбатенькая мечтательница чувствует, что не вырастет больше, и поэтому фантазирует. Сложением она напоминает точилку для карандашей, и действительно хорошо рисует. Талант ее настолько очевиден, что не вызывает зависти. Я это отметил. Но Игоря я учил отмечать другое – вранье при первой встрече, например. Он разучился ценить искренность улыбчивых, большеотых приятных баб, и не заметил, как на шею ему уселась пудовая черная муха. Гулливер среди своих и недоразумение с точки зрения... если в мире уцелел уголок, где возможна другая точка зрения.

О, Гага, срочное сообщение из Израиля: В трамвай зашел сорняк, устроил кавардак. Взорвали. С автобусных остановок уже добираются до отелей и кабаков. Представь, каково человеку, чьи яйца были бы целы, если бы он тихо чинил электробритву в СССР, чувствовать, как эти яйца отрывает взрывная волна чудовищной злобы, гвоздей, болтов, что еще они кладут в эти бомбы. По-моему, две музыки, самые не выносимые – арабская и латиноамериканская. А тебе, наверное, нравится и та и другая? И вот – болты впираются в живот, отлетают яйца, Чорт нас занес в эту живодерню. И человек, истекая кровью на носилках, лопочет в пудреницу: Шабаш, помираю.

Но мне доводилось выслушивать странные вещи от моей приятельницы Былины Друидовны Поводырь, с тревожной улыбкой она сказала мне следующее:

– Увы, те, кто гибнет, это в основном местные семиты, а до наших этим не добаться.

169

Никогда не думал, что она этим интересуется, но еще больше меня поразило ее отношение к происходящему там, куда она в последний миг передумала, в общем, соскочила с конвейерной ленты, одна из тысячи фигурок, хмурых и хрупких. Возможно, она права. Какой-то Дин Дали-Дали-Да, ее щенячья любовь со школьной парты, занимает там серьезный пост. Мэр Эзопа, депутат Сохнута, я плохо хаваю их термины. Сам думаю, что мои здешние знакомые, такие как Селедка и Строганые Голяшки мелко плавают, чтобы их взрывали в курортных отелях, им и там свободно могут задать вопрос: «Та у тебя бабки есть, шоб повторять? Болван!» И в очередной раз унижение спасет Селедке жизнь, а Голяшкам еще и голяшки. Мохнатый пузырь, зажатый на собачьих веревочках.

Селедка явно не помнит всех, с кем слонялся по Запору от кабака до кабака. Можно ему написать и вовлечь в мемуарную переписку. Начав письмо так: «Мужик, тебе хуево? (Актерское мастерство Сермяги проделало большой путь от «болвана» до «мужика», когда-то у него отнимали бокалы, а теперь кладут рядом сушеную рыбку). Ты меня, наверное, не помнишь. Это я тебе принес графин водки, когда Чорт грозился тебя выебать в жопу, и потом аж весь трусился. Кстати, тебе передает привет Толик Химера. Сбухался пацан, а какой был умница. Золотые руки, жена красавица. Показал ему твою фотку: Кто это? Не узнает, говорит, Джон Леннон...» Селедка должен много знать, много помнить. Почему бы ему не подарить частичку бессмертия.

Тут вот передо мной лежат некоторые московские газеты, могу сказать тебе заголовки статей. «Андрей Баяндуров, следок от Бога: Рушайло открыл мне тайну гибели Талькова, Листьева и Шубина». Причем здесь Шубин? Или вот еще: «Александр Дугин. Татары оказались подонками». Значит, скоро последуют, как указал бы драматург Погодин «татарские причитания». Надо срочно поддержать татар Ульяновской области, у тебя никого нет в поселка Малая Кондарать?

170

\*\*\*

В порту работал подъемный кран, грабастая магнитным крюком металлолом с берега, он перебрасывал его в баржу. Грохот железа мешался с лаем подзаборных уродцев в частном секторе. Гарик будет говорить: «Рыжая скотина вьет гнездо». Слова, не произнесенные вслух показались Игорю горьки, он не стесняясь девушки, прицелился и сплюнул между шпал. От плевка по воде пошли круги. Потом, перегнулся через перила (Люба уперлась в них лбом) и пустил вниз камень. В месте падения вода возмутилась. Под мостом было неглубоко. Игорь предположил, что бросает туда жалкий ридикольчик пигмея, или еще злее – вытряхивает вниз его содержимое. Гарик говорил, что лазил руками в дамскую сумочку всего один раз в жизни. Гарик это, Гарик то! Не он ли говорит, не менять убеждения так негигиенично, как не менять носки. Бог ты мой, какая назидательность!.. А следом за сумочкой и ее саму в шущине из крашеной крольчатины плохой выделки. Обрубок в мехах...

Наверняка есть больные, пишущие с телевизора оперы. Но лучше не давать им забредать. Никто их не сдерживает, вот они и колобродят. Потому что нет выделенного гетто. Таким местом мог бы стать Киев. Там у всех поврежден маточкин родничок. Свердловск, Харьков и Ленинград. Там самовыражаются мечтатели. Оттуда звонят родителям, чьи десны исколоты приазовскими бычками 70-х годов. Таких до хуя...

Люба наблюдала за ним, откинув голову, словно ей было слышно, о чем он думал, сдвинув брови. Последние слова «таких до хуя» он вымолвил театральным шепотом, даже пар изо рта пошел. И она осторожно спросила:

– О ком это вы? Что с вами?

– Задумался. Если честно, соображал, что вам подарить. Ведь скоро ваш день рождения. Не за горами. Видите гаражи,

172

Лимонов демонизирует Жванецкого. Игорь собирает его книги, говорит, будто Ильченко и Карцеву достается чуть ли не с первых страниц «Это Я...», мол, юмор для инженеров и так далее. Но отдельные дети этих инженеров без ума (по крайней мере, были одно время) от романов Эдуарда. А как бы инженеры схрюкались с их будущими мамами без хохм Жванецкого? Жваневе (как любовно называли его в эпоху больших катушек) следовало бы с эстрады зачитывать сенсационные места из книг Эдуарда, и в нужных местах маячить рядом стоящему Карцеву, чтобы тот втискивал невыносимые для наших «подберроузовиков» реплики. Например, Жванецкий: И тут он порвал на мне красные трусики! (взгляд из-под очков). Карцев: Но джинсы!? Джинсы вы успели снять? Укажите место, где вы их оставили!?

Жванева! Сколько лет прошло, когда-то и Аксенова с Гладильным называли Вася, Толя. С уважением. Откроешь книгу – все герои как новые. Зато читателей пора на тряпки. Износись. Нужен новый подход к привычным произведениям. Как отношения с женщиной, которую не хочешь терять, спасает бережный цинизм.

Тут показывали прения главаря украинских нацистов и просто русского патриота из партии «Бряг». Патриот нервничал, а нацист держался солидно. Фарфоровое личико, ухоженные усы. Под столом наяичник с фонариком. Русские остались недовольны своим человеком. А почему, спрашивается, нацист чувствовал себя уверенно, да потому что перенес по педерастической линии такие вещи, от которых его оппонент в кокошнике может лишь мечтать «смутно увлеченный». Правда, я не видел этого лично. Гага, по-моему, тебя уже тошнит. Понимаю. До свидания. И с днем рождения, мой Диморфный Гага, то есть могущий существовать в двух (плат)формах.27.IV.

Твой друг Гарольд Осиповский».

171

свернем туда. Я покажу вам студенческий пляж. Должны успеть засветло. Сейчас темнеет после шести...

При спуске с моста им навстречу выбежал косматый паршивый пес. Оглядев людей водянистыми глазками, собака молча обмочила выпиравший из земли камень и, перебегая мост, дважды оглянулась им вослед, второй раз никого не было.

У Любы вечно какой-то пакистанский вид. Впрочем, не дай бог мне попасть в Пакистан. Несмотря на скандинавские корни, открытые у меня народником Беззубченко еще в 70-х, я патриот своей территории. Тратиться на путевки я не привык. Мне понятны ноты и буквы. Люблю их форму и цвет. В правильном порядке они представляют собой прочный мост от желания знать к обладанию знанием. С детства, проведенного в Зеленом Яре, могу часами прогуливаться в сумраке между колоннами точного слова. Гарик уверяет, будто прочел это по моему лицу с первого взгляда. Случилось так, что первый раз он слышал один мой голос во время примерки асбестовых брючат у Хромого Паши. Я не прозевал пришвартованный вон там, где мы стояли, его с моста видно, «Корнейчук», катер-ресторан, сделавшийся плавучим сумасшедшим домом для клавишника Сёрика-Сруля. Если ресторан закрыт, Сёрик отдыхает на дне вот этой бухты. Когда я сплюнул, мне показалось, что я вижу его меловый благородный лоб и приоткрытую пасть, золотой зуб в верхнем ряду. Поэтому я бросил туда камень. А эта ничего не поняла...

Студенческий пляж оказался искусственным мысом в виде дамбы из песка, укрепленной вдоль берегов колотым камнем серого цвета. Поросшие кустарником дюны соседствовали с песчаными впадинами. Вокруг не было ни души. Игорь взбежал на груды холодных камней, за его спиной повисло солнце, готовое к спуску за Хортицу, впереди темные воды Днепра, огибающего остров с двух сторон, сливались в единый поток, река

173

завораживала своей широтой и древностью. Здесь, по словам Серяги нередко плавают человеческие колбаски. Тревожное, неуютное место.

Игорь окликнул Любу. Та стояла внизу, не зная, что делать дальше.

– Йеп, – она вопрошающе подняла голову.

– Поднимайтесь сюда, – Игорь протянул руку, спустился вниз, там ветра нет.

Она повиновалась, высоко поднимая короткие ноги. Внутри песчаного кратера, куда она сбежала, сопя и спотыкаясь, ее рост словно еще уменьшился.

– Мы с вами сегодня не заглянули в аттракционы. Вас никогда не водили в комнату смеха? Представляете, какая-то фабрика изготовляла кривые зеркала специально для «Комнат Смеха»? Или возьмем, к примеру, «Туннель Любви», потом «Силомер» для силачей – ударяете молотом, и звенит колокольчик. Если вы, конечно, достаточно сильны. Что-то не приезжали в этот раз словацкие цыгане со своим «Луна-Парком».

– А они цыгане?

– Йеп.

– Ух ты, я не знала.

– Гарик уговорил меня посмотреть один фильм. Знаете видеопрокат на улице Трегубенко, рядом с вами, раньше там был магазинчик «Филателия», вернее просто вывеска «Союзпечатать»...

– Старый фильм?

– Да, никому ненужный, сами понимаете. «Два незнакомца в поезде». Один, богатый сумасброд предлагает, услуга за услугу, практически навязывает избавиться молодого теннисиста от жены-шантажистки. Тот, считая все это шуткой, не говорит ни да, ни нет. А ненормальному этого и надо...вроде как этого и надо...

174

дражал трезвон однообразной фразы. Ходил такой слух, его то опровергали, то напротив, подтверждали, что посреди пьянки Яковлева осквернил зеленояровский авторитет Мороз, и после этого Игорь будто бы подкрадывался сзади и резко стаскивал с Сэрика брюки и подштанники. Это неправда.

\*\*\*

Впервые за много лет двери костела были открыты, люди в турецкой униформе выносили мебель, столы, чертежные доски, показалось Игорю в сумерках. Там должен быть орган, по крайней мере, должны сохраниться ниша, где он был любовно установлен набожными мастерами. Со времени гитлеровской оккупации органы в нашем городе звучат только в ресторанах. С двух сторон готическое строение венчали башни, одна представляла собой окруженный бойницами чешуйчатый купол с каменным острием, другая, нечто вроде колокольни, в четырех ее окнах были вставлены вырезанные круги с призывом «Миру Мир». Когда-то в праздники надпись эта могла и вспыхивать. Гарик действительно умеет подчеркивать ценность подробностей такого рода, заодно пробуждая к ним почтение, он заставляет гордиться тем, что есть, тем, что окружает тебя с детства...

Недавно за границей произошла удивительная вещь. По поводу событий за тридцать земель поздравлять бросились его. В этом есть немалая доля вашего, и так далее. А он отвечал без пижонства: «Но ведь я ничего не умею, из того, что нужно, чтобы это произошло».– «Но вы этого хотели, вы к этому стремились, и вы твердо знали смысл и цель вашего желания», – звучало ему в ответ.

Лозунг «Миру Мир» напомнил Игорю смешную интерпретацию общеизвестной песенки «Желтая река». Едва издевательский мотив овладел его разумом, Игоря стал разбирать смех.

176

Игорь произнес последние слова не своим голосом и в замедленном темпе. Он посмотрел по сторонам, но лагуна была слишком глубока, чтобы видеть весь пляж.

...итак, богатый психопат, довольно обходительный, но назойливый тип, выслеживает жену спортсмена от места, где она служит, в книжной лавке, ту два кавалера ведут в парк...в парк Культуры и Отдыха, вы должны помнить, что это значит, Света, То есть Люба...Света, это у певца Рогожина в песне. Мировой парень...Атмосфера там типично американская, хот-доги, поп-корн. Роскошная карусель с правдоподобными манекенами зверей и птиц. Надрывается паровой орган калиопе. Зловещий чужак идет за дурой по пятам, она замечает шикарно одетого мужчину и даже пробует с ним кокетничать. Пареньки прокатывают ее в лодке по «Туннелю Любви», она плывет сзади. И, наконец, на острове влюбленных убийца выходит из тени, и приближается к замешкавшейся жертве: «Тебя зовут?...» Только я не помню, как ее звали по фильму, Дороти, что ли? И протягивает руки вот так. Только мои без перчаток. И сводит пальцы на горле.

Вместо глаз Игоря девушка увидела две дымчатые линзы, а в них два отражения амулета в форме снежинки, который подарили ей, когда с опозданием узнали про ее дружбу с этим человеком. Люба мучительно пыталась фразу, выбитую на обратной стороне медальона, но она всплывала почему-то задом наперед, слева направо, и быстро-быстро покрывалась пористой мутью...

Пересекая мост на обратном пути, Игорь замешкался в том месте, где и прежде, чтобы еще раз увидеть сквозь воду Яковлева. Но на этот раз Сэрик-Сруль не показался.

– Да там и нет никого, – вымолвил Игорь, потирая руки, и силло рассмеялся. Все время пока он двигался по парку, в голове не смолкала мелодия из музыкальной шкатулки, но его не раз

175

Но ему не хотелось давать волю веселью, пока он шел не один. Гарик переделал в припеве всего два слова, их вопиющая бессмысленность должна была приводить в бешенство одних, и вытаскивать других из погружения в мрачную депрессию. Вместо «Йелло'рива-Йелло'рива» следовало петь: «Игорь Мира-Игорь Мира», остальное не имело значения. Фамилия Игоря была Мирошниченко, но даже если бы его звали иначе, забыть, избавиться память от дикости этих двух слов не было никакой возможности.

Люба сказала неправду при первом же знакомстве с Игорем, когда они знали друг друга всего лишь полчаса. Это не был злой умысел, желание ввести в заблуждение. Это было уступкой извилистому уму, неодолимая потребность фантазировать, додумывая то, вместо чего в действительности имела место ампутация. Гарик узнал об этом от Игоря на другой же день. Но через три дня, когда Игорь позвонил и сказал, что не сможет прийти, потому что они с Любой собираются в террариум. Гарик одобрил их план, даже признался, что сам часто в нем бывает. За террариумом жила похожая на Барбру Стрейзанд барышня-фрик, которую Гарик очень любил. Прошло два года. Люба могла исчезнуть из жизни Игоря. Он попросил своего друга допустить девушку в оккультную организацию, где тот с давних пор играл видную роль. Гарик произнес загадочную, явно с прицелом на трудное осмысление фразу: Люба заканчивает иняз. Ей знаком смысл глагола meander – бродить без цели. Слово это применимо к музыкантам, принесшим строгий дендизм формы в жертву тупиковым извилистым соло. Это погубило, пожалуй, группу Traffic...

Люба прошла формальное посвящение. Но во время ритуала Фратер Инкубон не забыл удалить несколько важных деталей, дабы нарушение равновесия не прошло даром девушке, которую так трогательно опекал Игорь. Она получила второе имя девочки из романа Петрония и, ощутив под ногами ровную

177

дорогу, с усердием предалась творчеству, разумеется, до ближайшей извилины.

Чем солгала она человеку, которого видела впервые? Речь шла об одной вещи, которой будто бы располагал один ее приятель, по уши в нее влюбленный. Вещью этой в нашем городе обладал только один человек – Гарик. Это могли подтвердить даже в Мариуполе, где имелись люди, знающие ей цену, знающие правду. Название вещицы Люба узнала от Игоря за минуту своего вранья, и не смогла удержаться. Вещь попала в руки Гарика, потому что не могло быть иначе. Но его совсем не интересовали чувства и выдумки маленькой студентки. Тем не менее, время от времени Гарик задавал ей вопрос: Вы ничего не хотели бы мне рассказать?

Этно-запах не помеха. Недоработанные природой уродцы умеют находить друг у друга приятные черты. В этом они ближе к собачкам. Поэтому вцепившиеся один в другого супруги часто походят на брата и сестру близнецов.

Кожа – говно, горчичник. Остальное? Фигура дроздофиллы, жучка, удаленный зуб. Черты лица не прочерчены, мазня, абстракция. Джексон Поллок. Де Кунинг. Полный Кафка! Подумай о мухе, и она, бз-з-з, взлетит. С такую внешностью можно крутится строго в этнических рамках, где у вас тут секция «запахи народов мира»? Это – не урод, какое уродство, если все вокруг такие, и, между прочим, очень хорошие люди.

– А вонь?

– Шо вы сказали?!

– Вонь!

Пожалуйста, вот пустые тюбики, все оттуда. Родители при- славляют. Помазали, и никто не догадается. А будет настаивать, что не помогает, значит, знал заранее.

Знание – зло. Но расплата за него не страшна. Куда опаснее бесплатное невежество. Я не слепой, сразу вижу, попахивает.

178

иначе назвать, если оно есть. «Мы хиппи есть» – начиналась статья в журнале Бориса Хазанова «Страна и мир». Печатают все подряд...

А вот и трамвай. Крахмальные щеки ее дрогнули от каких-то ей присущих переживаний. Раздвинулись складчатые двери, кондукторша перебежала в задний вагон. Ступени были для нее чересчур высоки. Видимо она уже злилась, требуя в мечтах еще и «инвалидку». Я карлица. Пускай я карлица...Откуда это?

Это же Стивенсон. «Черная стрела». Волосы лезут из нее, жирные, словно спагетти. По здешнему поверью, все, что не держится на голове отца, выпадая прорастает сквозь кожу дочери. Рядом хороший магазин, может, все-таки оливок, водки? Игорь поправил очки и пригладил вьющиеся волосы. Нет, лучше воздержусь.

– Воздег-жусь, – произнес он вслух, картавя. Он усмехнулся, сперва потому что прозвучало диковато. Затем, глубоко вздохнув, уже с удовольствием громко захохотал вслед уходящему трамваю.

21-31.03.2002.Запорожье.

## КОММЕНТАРИЙ АВТОРА

*Люба Прялкина похожа на молодого Алена Гинзберга в фильме «Pull my Daisy». Игорь – типичный украинец, «мечтатель-хохол». Саша Данченко? С ним может сравниться только Лу кастель...*

*«Гарик» (Garick) – человек, который, предпочтя обожествление разочарованию, потерял их обоих.*

180

Нет живота. Значит, перенесла в младенчестве клиническую смерть. Сердце должно быть ни к чорту. Купить водки, оливок, зайти к Гарольду. «О, Мирошничок! – обрадуется Гарольд – Давай вмажем...и поговорим». Но сначала надо посадить в трамвай эту. Ту, что безмолвно плетется за ним. Эта...Эта...Ну кто у нас эта? Можно было бы послушать музыку.

Игорь стал вспоминать, как приходил звать Гарика плакальщиком в бюро ритуальных услуг, тот не отказывался, хотя и обещал подумать. Игорь с удивлением припомнил, что неожиданно для себя он начал произносить катафалк без «к» в конце, подражая кладбищенской братве со стажем.

Сперва необходимо посадить карлицу в «катафалк» и махнуть рукой, коль раздумал душить там, в песках. Все, что я ей подсовывал – не мое, все было получено из чужих рук. Даже деньги. Правда, их можно было не отдавать, посадить не себя. То есть, раздать тем, кто отпарывает, перешивает, переклеивает. Все собираюсь купить новую пилку для ногтей (а старую выбросить жалко). Она оплавилась, потому что я замкнул ею рожки вилки от ночника. Этой еще на свете не было. Недавно рассматривал маникюрный набор – «сделано в ГДР». ГДР уже нет. Зато есть счастливые дочери, радостные, словно их отцы, мечтавшие о перемене пола. С горя наклепали вот такие окурочки, высотой с две колонки S-30, если их поставить одна на одну. Чинарики семидесятых годов рождения.

Не наверное, а точно – мы виделись в последний раз. Да-а, большой найдется. Не отшатнется: Фу-у. Хорошо, кассету хоть успел забрать, остальное, то, что она делала вид, будто забывает вернуть, так – барахло, эротика, «в мире прекрасного», и Скотт Вэлкер, певец, нюхающий носки со слезами на глазах, сплошное хнэ-ээ-ы, хны-ээ. Она не больше сапога со шпорой в «Американ Бар энд Гриль». Сивая макаронина. Острый тухловатый запах. Птичий понос. Мочейспускание путем пота. Как его

179

## ЭМБРИОН (ЛИКУЮЩИЙ)

### Оброчный кочет.

Наброски, мысли... опять наброски. Давно задуманная новелла «Эмбрион». Рождество эмбриона. Её сюжет известен мне давно, я только не знаю, с чего начать. Сейчас ночь. Другая половина ночи. Ночь, caro b. Caro beat, mi piace tanto, sei forte perche hai portanto oltre alla musica de i bellissimi colori chi danno una nota di allegria in questo mondo pieno di nebbia. Pero se i ragazzi chi non se lavano, quelli chi scappano di case e altri chi se drogano e dimenticano Dio (в данном случае, это смягчённый намек на содомитов) fanno parte del tuo mondo o'cambio il nome, o'presto finirai.

... Это все была петрушка. А теперь о серьезном. Я – убийца детей. Шнуровальщик, «пум», подтягиватель гольфов. Крючник сонных котиков, совсем еще недавно п'ясивших яженки и кайбаски. Температуру крови маниака должен показывать не ртутный столб, а гольфы на икрах Ольги Jailbait. Цвета заварного крема. Иногда в зарослях дрока попадаетесь брошенный градусник, неосторожно прижатый кем-то к груди. У меня жар, я болен, мне нужно, понимаете, нужно! Перед тем, как испорченный термометр кладут в деревянный футляр, ему меняют гольфы. Иногда крючник опережает людей с носилками и успевает полюбоваться мёртвой девочкой. Кончилась песня, но мелодия медлит. Она была святая. Есть особый час, когда демоны полудня превращают пропавшего ребенка в доступную куклу, прежде чем придут взрослые и твёрдо заявят: «Это не игрушка, это труп». «Это градусник, градусник», – поправил бы их больной, но он слишком испуган вороньими чертами крючника и не слишком скоро появится там, где его спугнули.

У Сержа Гензбура месье Капуста убивает шампунёз (мойщицу голов в парикмахерской Макса) Мэри Лу огнетушителем – бьёт,

181

пока не умрет, потом хоронит в пене. «Мэри Лу покоится под снегом» – эта тема в исполнении оркестра Поля Мориа сопровождала прогноз погоды. В Ташкенте, где исчезают дети, она одна, а в Минске, где дети тоже пропадают, совсем другая... Но я фанат Средневековья. Домосед. Ненавижу «заграницу» и доволен местным пляжем, местной рощей, сегодняшним пивом «своего» (потому что он в двух шагах) пивзавода, и руинами кабаков, где всегда знали друг друга, и аутсайдер не мог скрыть, что он чужак.

Я пел только в этих банкетных залах, загорал только на этом песке, и солнце скрывалось только за этим горизонтом. Из Москвы я выехал 13-го. В 13-ом вагоне, на 13-ом месте. Приблизительно тогда же заговорили о подводном гробе с названием «Курск». Я проезжал Курск 13-го в 23 часа.

А 8-го, в день Выпотрошенной Свиныи я прошел по тому самому переходу на улице Горького за пять минут до взрыва. Несмотря на зной, покрывающий кожу плесенью, в моих руках оказался советский зонтик... Кто должен быть повешен, тот не сторит, и не будет повешен, пока ему не надоест.

Мой нежный Jailbait – родимое пятно величиной с юбилейный рубль, мы не увидимся, я знаю, тебя здесь нет. Но я хочу рассказывать специальные волшебные истории, которые должна знать только ты, потому что я не должен выходить, мне нельзя удаляться от дома так быстро.

\*\*\*

До следующего злодеяния. Удалил слишком длинные волосы пинцетом мадам Жаклин, вчера я удалил мадам Жаклин (без родителей не приходи), она делала слова, (вон из класса) будто успевшая вылезти из электрички рыба (дрянь такая) свои пузыри. Что в данной ситуации принято говорить: «Имей в виду, от тех, ради кого ты жертвуешь нашими отношениями, благо-

182

Мебель без М. Cream on, little dreamer, cream on. Фокусы испорченных неоновых икон. «Ашипки», «очепятки» – все как на последних страницах газет, где рядом с юмористическим отделом печатали сообщения о маниаках, поставленных к стенке за вечный зов других инфант. По слухам, прежде чем шлёпнуть проклятого богом и людьми дядю из настоящего ствола, в галерею смерти пускают маленькую девочку в карнавальной маске, и она нажимает курок игрушечного ружьяца. «Пиф-паф» – Ольга Шоберова в «Лимонадном Джо».

Аризона, Аризона,  
То е бравих мужей зона.

Взорвалась лампа Чижевского (про культ этого десятиклассника будет рассказано позднее, обмолвился, чтобы не забыть). Возможно, все это инсценировка, вроде самоубийства Джульетты. Понадобилась кровь для вампира. Точнее для богатых стариков. Бывших членов политбюро, переживших анекдоты о себе. Много крови. Утром кровь – вечером стулья. Кровь живых тем, кто не умер. А где ж их взять. Рука Баку, все организовала рука Баку. В установленный момент был пущен искусственный дым. Он повалил точно джинн из волшебной лампы. А в колонках киосков прогремел спецэффект, запущенный с компакт-диска. Бакинские диверсанты из отряда «Иблис» разбросали в дыму вынутые из ящиков трупы, приобретенные в провинциальных моргах. На следующий день кровь полилась рекой, как вино на грузинской свадьбе. Подобные примеры можно найти и в Библии. «Gentlemen, we are dealin'...» «With undead» – договаривает Инфанта цитату из «Дракулы».

Бескровный, ненаказуемо желанный демон, танцующий вокруг часов. Страх любви к неокрашенным кровью ушам вредно действует на воображение, заставляя людей бесстыдно лгать. То есть повторять то, что им кажется правдой.

184

дарности не дожدهшься». Шарик прокальваю. И так, мне это надоело, что я решил проколоть самый большой шар. Не лягу в гроб без веточки сирени.

Потом, сужая пинцетом брови – вторая молодость, бэби долл, я почувствовал стыд от бездействия. Съел четыре сливы, вымыл чашку, полюбовался, как ложится фонарный свет в прорезь между портьерами на шоколадные доски пола (ради этого я свернул ковёр еще на закате) и сел за стол, первый и последний письменный стол в жизни душегуба.

Уши и губы не окрашены кровью. Падает снег. Cade la neve. Ты не придешь сегодня вечером. Invano aspettero. Губы и уши инфанты бескровны. Они пахнут обёртками мятных конфет. Такие обёртки валяются на полу подвала и пыльных досках чердака, где пляшут в солнечном луче пылинки. Кругом привязанной к столбу инфанты. «Я не божественная роза, я не левкой, я не сирень, я только скромная мимоза...» Инфанты быстро устают на солнце, поэтому покорно дают уводить себя в сумерки и прохладу удаленных от людского любопытства помещений, где нам никто не помешает. Падает снег. Остывает ужин. Падает из ладони фантик, с хрустом сдавленный в ней. Еще кайбаски?

Мы смотрели «Невесту Франкенштейна». Инфанта устала сидеть, согнув ноги в коленях, и виновато улыбаясь, протянула их над ковром. В углу горела лампа. Ей должны были объяснить в школе, что смотреть телевизор в темной комнате вредно для зрения.

\*\*\*

Дальше... А дальше вот что. «Все, что мне надо, это помечтать» – уговаривают нараспев два высоких, будто из гнезда, голоса. Everly Brothers. Легче спрятать еврейку от гестапо, чем от радио Эфэм. Братья Еврейли. Эркацетли. Потерялся Семён.

183

Красота истлевает, уродство вечно. Взрослые люди обязаны ебать друг друга. Пойдём, батя, будем отдыхать. И критиковать тех, кого они боятся. Уж такие Тома Финские, уж такие Бетти Пейдж. Мокрожопые байдарочники. ОвцEVERы-старовечки. Побрить хавальник отцу – получите пиздопортрет дочери. Побрить где следует дочь – получите портрет отца. Вечное возвращение.

\*\*\*

Детективный сюжет: спортсмен повис на турнике в парке. Сабля («сабля» – это мальчик в возрасте, когда еще верят, что существует «сабля-автомат») обвиняет спортсмена в мальчишеском любстве. Спортсмена хватают. Он говорит: «Вы с ума сошли. Разве я похож на этих больных? Проверьте белье». Проверяют. На трусах следы вчерашнего семени (видел во сне спортсменку из Харькова). Ага, иди сюда. Человек оклеветан. А действительно растлитель сабель тем временем пользуется случаем приписать физкультурнику все свои прежние жертвы.

Судебные залы, сауны-соборы, донорские пункты – мы выходим оттуда обновленные, как будто переписали от руки святое писание. «Сдавайте кровь, за это на том свете вам Анна Франк почешет яйца!»

Добей пострадавшего. Недаром Высоцкий уверял публику во дворце спорта «Юность», что «все пойдёт, как с белых яблонов дым» ему дороже «яблони с цветом – какое чудо». Но Инфанта тогда существовала только в мозаических фрагментах среди лемунов лунных песочниц. В «Детском мире», где был неведомый взрослым отдел «интим».

Лемуры собирали их из тревожных предчувствий, вкладывая лунных бликов. Выкрадывая силуэты в окнах девятого этажа пятиэтажного дома, по крупницам – редкие интервью, взгляд,

185

брошенный на неразрезанный торт, записочка о нашем первом разговоре по телефону: «Элистер Кроули званил».

Конечно, ей полагалась формальная мать. Жильцы готовы это подтвердить. Yes. Bad company. Льюис Кэрролл. Магнитофон «Сатурн»-стерео. Ланком-компакт. «Цебо» – свадебный шуз отца. Папа Джон Крич. Фермер. Джон. Я хочу. Вашу дочь. Младшую. Вы же сами убеждены, что ранние Stones лучше?

Формальная мать сидела в кафе '76 над сушеною рыbkой, повернув вперед левое плечо, словно вместо вышивки на сарафане джинсовом сидит большой паук. Напротив, за тем же столиком, поставив на колени вечно вызывающий возражения портфель (брата Коршуна), сидел Азиян. Якобы мать Инфанты уже окрашивала уши кровью, кровь начала проникать и в её волосы, давая им рыжеватый колорит. Он становился все гуще, в голосе, пока ещё не освоенная, еще чужая, но слышалась фарисейская правота. «Тебя как зовут?» «Гарик», назвалсЯ Азиян, мысленно крикнув. В портфеле Коршуна лежали (он пересчитывал) 23 порнографии. «Так вот, Гарик, не будем трогать Nazareth. Не будем трогать Nazareth и всё моё прошлое».

С террасы кафе '76 был хорошо виден почтамт и циферблат часов, по которым можно было узнать время в столицах стран Запада. Если спуститься вниз, подойти вплотную и задраить голову, как вафлист. Лемуры детского вида покидали игровые площадки на заре. В этот час песочницы оккупируют дети-профаны. Младшие братья и сёстры тех, кому дома разрешали слушать Nazareth (даже спрашивали, «что это за звук? это бубен, папа»), а в кафе '76 целоваться за столиками.

«Лучевая болезнь». Докладывает Вова Шарфман, ребёнок-профан: «... да, да, да... когда у японцев отваливается перец, они начинают срать через сраку, а если у японцев отваливается срака, они начинают срать через перец». Хм. Хм. Хм. Через перец...

186

цы Запада. Где они – продырявленные, развороченные? Когда хищник перестаёт охотиться, он сам становится добычей.

Храбрый вид солдат добра. Доброе тепло покаяния и примирения. Пятьсот марок Доброму теплу в зубы. Янки-военный из ванны Освенцима вынул дитя, напевая ему Джорджа Бенсона. Маскарад...

... фонды, во главе которого будет стоять одиннадцатилетняя девочка (Вирджиния Видлер на пуантах) «неземной красоты». Зачем этот маскарад бессилия? Что гложет тебя, kiddyfucker, корысть или щемлящая страсть? Ты защемлен, словно Ариэль в трещину в сосне, наводишь воплями ужас на сов и волков, лишаешь сна лесную нежить. А кто туда тебя посадил? Мстительная старуха Сикоракс. Джинсы, морщины, платформы. Сволочь made in '70's. У таких чёрный пиззодинамик и оттуда чвякает диско. Причём самые худые – самые неугомонные. Всего удобнее ломать им шею, когда они от жадности делают гимнастику на свежем воздухе в парке. Когда их ногинтоплавки продеты за обманчиво безобидные трубчатые решётки детского лабиринта – резко вниз и в сторону. Ломаем шею. Её голова всё ещё в Ваших руках, когда Вы читаете «Тарасенко», вырезано на стволе тополя.

Жа-жа. Лин-лин. Ка-ка. Последняя метаморфоза m-me Жаклин. Скоро ты безразлична к вопросам следователя будешь выпотрошена, погребена – фестивальная площадка червей. Жа-жа. Ка-ка. Лин-лин. Аминь.

Разве фонды должен организовывать kiddyfucker! Он должен сколотить неуволнимую банду сильных и смелых, ибо только такие делают, что хотят. И рыщут со своими стервятниками по районам, бросая на хуй своих единственных дочерей, украшая деревья гирляндами родительских голов (один такой атаман-kiddyfucker, по фамилии Чабан, умудрился собрать коллекцию голов мёртвых взрослых, не сумевших защитить своих девочек, умерщвлённых в момент подпевания (родителями) пес-

Birds do it  
Чорт do it  
Bees do it  
Петя (тоже) Костогрыз do it  
Газ do it  
Спас do it  
Даже Жора Пи D'орасс do it  
Let's do it – let's fall in love  
Да(вай!)те Влю(бля!)ться.

\*\*\*

Как распознать нимфоденди? Он должен знать «Голос». Константин Голос. Неповторимый голос Кости Беляева. Если Фрэнк – это the Voice, Беляев – Голос. Медведицы суют свой нос, суют свой «фикшен» в журналы. Мужчинам невозможно поговорить в четыре глаза. Я не виноват. Кругом вертятся бабы. Вдовы вокруг мертвецов, певицы не дают покоя живым. Матриархат постменопаузных старух надвигается подобно Гитлеру. Только усы у них больше и голос противней. Женщины, окрашенные кровью, женщины, которые поют, звонят по телефону, требуют повторения ослиных конвульсий. Храп медведиц, шантаж податливых. Мам привозят к надгробиям замученных ими же послушных ослов. Беременность. Береника. Берёзка.

Лечим умственное отставание детей от родителей, которые их сюда привезли. «Значит, Вы никогда не хотели оказаться на Западе?» – спрашивал меня Головня. «Боюсь, что нет, делал вид в исследовательских целях». «Да? А Сашка туда рвался...»

Поздно ночью 13-го я проезжал Курск. Курск по-английски «проклятые». Англия не дремлет. Подлодка, которую дикторши-бакланки упорно именуют «подводкой» (под водку опять твоих сосков пойдут, Алёна) была создана, чтобы истреблять авианос-

187

не «Отель Калифорния». Партитура разинутых ртов – экспонат выставки в доме творчества глухонемых. Хор «Мёртвая голова». Он, Карающий Меч Несбывшегося обязан подавать пример, незаконник, неповиновения, подчиняя семьи своим желаниям. Банда извергов – вот его фонд. «Знай ребят из «Берёзки!» «Привет от Сорочинского!»

Удав душит добычу... Что же ему у добычи хуй сосать? Как это принято меж людей? Среди вдов Жо Дассена.

Туловище танцующей овцы. Сломанная шея. Пустая папиросная гильза. Тополь с надписью «Тарасенко». Костяная мембрана между сисярами. Простукивается. Кличка «Посылка». От Шанталь. Когда семидесятники разгуливались, и у них доходило до эротики – звучала музыка, музыка. Блюджинс – глушитель пердежа. Первые шариковые дезики лгали «не воняет». Жа-жа Ка-ка явно предпочитала эбни под Greatshits Берри Вайта вызвавшим возражения своей животной монотонностью альбому Джеймса Брауна «Горячие трусы» («Hot pants»), или «It's a mother» – «Это мать».

Они тёплые. Жаклин, если вы сосчитали, успела проделать упражнение для живота сорок последних раз. Сорок сардонических «ха-ха-ха» Азияна, вызывавших раздражение своей монотонностью. Спортивные тапочки «Лонсейл» – подарок первого мужа Жаклин (по паспорту она Жа-жа Ка-ка Титирь) их единственной дочери, похожей на попа, которые та передала не желающей капитулировать Жаклин. Опухоль в районе первого сустава большого пальца уже испортила шов на левом. «Косточка». Ундервуда хрящ.

«It's a mother» – мёртвая женщина, свесившая горчичные руки на перекладинах во всё ещё шумящем ночными шорохами парке – «это мать». В вестибюле сомнительного здания эпохи Art Deco должен дремать на табурете старый негр-лифтер, вытянув вперед ноги в старом, треснувшем по шву башмаке. Кос-

188

189

точка. Когда мимо него, шевелящего во сне губами, бесшумно перешагнёт на лестницу убийца, старому Отису приснится дерево с надписью, которую он не сумеет прочитать – «Тара-сенко». Церковный работник.

\*\*\*

Нет, Инфанта, взрослая девочка на детских качелях – я не буду рассказывать тебе про то, как арийская лебёдушка Алёнушка оказалась заколдована в пархатого трубочиста Флору. И какую роль сыграла в этом злодеянии Барбара Бирозка, женщина-славист из Германии, где евреям всегда рады, как трезвому водопроводчику. Где сделали не хуёвую карьеру Дуня Райтер, Далия Лави (которую избивает хлыстом, покрывая спину и бока морковными рубцами, бескровный Кристофер Ли в картине «Frusta e sorgo», там её зовут Nevenka – Снежинка), Лидия Гулеско, Рейнхард Шнукенак, и последняя, но самая ценная Лариса «Mondo» Мондрус из древнейшего рода рижских могуществ. Плюс (без креста) бас-питурик Иван Ребров, певец от Бога.

Не теперь. Кошка хотела съесть канарейку. Девочка Стефания догадывалась об этом и жалела обреченное на съедение существо. Один дядя заметил смятение Стефании. Однажды девочка, положив локотки на цинковый водосток, заглянула с улицы в окно, и увидела, что уже поздно. Кошка загоняла птичку в клетку до смерти, хотя и не сумела выгнать лапой трупик. It's a mother. И тогда за спиной Стефании вырос Дядя. Что можно сказать про данного нимфоденди – не Бэла, далеко не Бэла Лугози. Зимой живёт в раздевалках пустынного пляжа, где с тех, как его закрывали из-за инфекции в воде, в основном вешаются, осенью сторожит Комнату Смеха. Иногда делает подросткам уколы, иногда играет с ними же в шахматы. Birds do it. Борщ do it. Крюк do it. Павлюк do it... Говорят, когда Стефанию хоронили,

190

заводах Восточной Германии стояло в витринах, поверх салфеток на трюмо, беззвучно побулькивало в сумочках. Запад срал музыкой, под которую невозможно было танцевать. Правда грузины варавили под гитарку без слов «Nana, hey-hey, kiss&goodbye» группы Steam, когда зацветёт миндаль. Steam – это наркотик для кошек, Оля. Я хотел сказать «миндаль», а не медаль. Бактерия-анаэроб, плодящаяся в анальной области злоупотребляющих очколазанием. Со мною в школе такое бывало – вместо сочинения напишу одну фразу, с маленькой буквы, без знаков препинания «я бухаю всё» и сдаю тетрадь, как будто нарочно. Просто я в основном размышлял, кому что продать, кого на сколько набить, ведь я всё держал в голове, полагаясь на натренированную память, у меня и по сей день нет записной книжки.

69' не вдохновляет меня ни на что. 8-го августа в Биверли-Хиллз побаловали беременную Шэрон Тейт. Газета моего городка назвала убитую женой режиссёра Богдана (так!) Полянско-го. Прапорщик-поручик, тромбон-гандон, Роман-Богдан...

На фоне перегруженных громкостью электрогитар Запа-да, глушивших пердёж сильнее джинсов, гитарки доморощен-ных гитарастов тенькали ничтожно. Телевидение натравлива-ло всех, кому вздумается его включить на Моше Даяна – одноглазого солдата Израиля. «У семи нянек и т.п». – Ха-ха, ска-зал клоун.

\*\*\*

Царевичи-дебилы таились в кирпичных нишах по-монас-тырски прохладных дворов. Отвоёвывали ножиком друг у друга треугольники дворовой земли. Под полувековыми деревьями она всегда была сырой, податливой, в неё легко втыкались ножи. Распылённые в диапазоне коротких волн электроорган и голо-са, поющие предельно близко в микрофон, не могли расшеве-

192

ножки обезвоженного ребёнка раскинулись в бессловесном воз-ражении покорным судьбе взрослым, а из отверстия между вы-летела скорее немёртвая, чем оживлённая живая птичка. Духо-вой оркестр в это время молчал. Пролетев по воздуху метров двести, она свалилась куда-то за гаражи. Дяде, судя по всему, удалось убедить Стефанию, что, поместив канарейку туда, отку-да она появилась, девочка сможет вернуть её к жизни.

\*\*\*

Если слабый человек звонит куда следует и хочет сделать признание должна загораться надпись «Добей пострадавшего».

Туфли. Лужа. Луна. Кот. Ночь... «Кот насрал». Знаешь, Инфанта, когда твой папаша был ещё tennie winnie borru, и мучительно раздумывал, не будет ли он выглядеть диковато, если сменит свои выпускные коричневые брюки-клёш на абсолютно белые прямые Lee. Был такой певец Чеслав Немен. Поляк, поющий соул по-польски. Поэтому в его песнях иногда бывали слышны необычные словосочетания, вроде «Кот насрал» Мо-настырская дорога поколения твоих родителей пролегла па-раллельно каналу. Случалось, пьяный поскользнётся и затылком об его цементное дно, и быстро-быстро отдаёт богу душу. 69' – L'annee erotique. 23+23+23=69. Год перегруженных излишествами аранжировок, девушек, про которых только и можно сказать: «Не понимаю, что вы в них нашли». Кстати, ваш папа так и не рискнул тогда нарядиться в белоснежные Lee. Неуверенные, но выразительные (тоже оправдание) голоса Ала Купера, Ленно-на и Джека Брюса шевелились, распылённые в эфире. Милые, молчаливые девушки учились удалять прежний грим и накладыв-вать новый на кожу, обтягивающую их черепа. «Менее дряблую, в отличие от ягодки», вернул бы пишущий еврейчик. Троллейбу-сы ходили плохо. Средство от пота «Одорэкс», разлитое на

191

лить даже сине-чёрное исподнее на бельевых верёвках. Хиппи отличались от говна тем, что через них перешагивали. Художес-твенный руководитель «Голубых гитар» Гранов открыто зая-вил в стихотворении «Настоящим парнем будь», что ему нра-вятся длинные волосы. Дёрганая и хроматическая «Ай ми майн» самого тупого битла Харрисона стала полугвоздем трёхчасо-вой концертной программы «Голубых гитар». В Советском Со-юзе давно запретили запрещать. Запретили, но махнули рукой.

А кто такие царевичи-дебилы? Вы, кажется, сказали «царе-вичи-дебилы»? Сермяга знает. Шерше Сермяга. Ля Сермяга. Вернее он хорошо представляет, о ком идёт речь, хотя и не знаком с таким определением. Спроси любого, кому посчастли-вилось застать период конца 60-х начала 70-х, совпавшим с не-бывальным производством поп музыки на любой вкус, никому не нужной; моды, в первую очередь вызывающей неодобрение самими модниками. И особые женские духи, в сочетании с выделе-ниями того сего, способные заставить состояние, подобное смерти. Скажите им «царевич-дебил» и перед ними восстанет упитанный славяноазиат с пухлыми губами, не сходя-щим румянцем на выпуклых щеках – старшеклассник с усиками и не подстригаемыми из страха укоротить волосами, которые едва достают до свитера, на затылке. А кончики волос на чёлке и поверх ушей загибаются вверх. «Прича» не имеет ничего об-щего с господствующей на западе модой – Боуи, Род Стюарт. А о бараньих излишествах Лед Зепелин и Фри, царевичи-деби-лы и не мечтают вовсе. Они законопослушны и отрачивают только «патль» с апреля по август. Брюнет не может быть царе-вичем. Они вообще тяготеют навязанной им ролью дворового лидера, с неохотой улыбаются воловьими губами, едва слышно цедят слова. Их гигиеничные поджарые поклонники окружают скамейку с царевичем и, вгоняя его в краску, предлагают всевоз-можные, один нелепей другого, ненужные подвиги: «... если мы

193

увидим твою Ленку с другим пацаном, мы её отпиздим!», и так далее. Иногда к царевичу приводят другого королевича с белым горшком чёрных у основания волос – оказывается, тот решил стать бандитом и бредит «зоной», где со слов одного дяденьки уже наступил коммунизм. Самовозбуждаясь, королевич пьёт вино и рыдающим голосом обещает: «Я путёвым буду». Царевич-дебил явно тяготеет модой на приклатнённость, высосанной из пальцев стопроцентных советских актёров типа Шукшина, джентльмена удачи, конечно Высоцкого. Которому в традиционно поверхностной среде царевичей приписывают то, чего он никогда не пел. Плюс специально для мальчишколюбцев-гомоэротов сделанный фильм «Случайный адрес», рабочее название «Адресок».

Никакой девушки у царевича нет, он отстаёт в этом вопросе, охотно помогает отцу выполнять тяжёлую работу – гараж, огород, причал, обильны поливы потом старшекласников этого типа. Девушки нет – гигиена царевича тоже позорит. В раздевалке перед физкультурой его кеды воняют сильнее всех, а вонь подмышек и трикотажной мотни сводит на нет смрады более мелких, не таких румяных, тонкогубых лисят. Знаете, как царевич обращаются со своими носками? Он сворачивает их в комочек и запикивает под кровать, потом, когда проходит достаточный, по его мнению, срок, вынимает самые старые, и натягивает их. Ему неудобно просить мать постирать, а самому это делать позорно. Металлическая расчёска покрыта салом, как швайка базарного киллера, если такие киллеры пользуются швайкой, смазанной салом.

Джинсы царевич не носит. Милтонс, Луи, Вакеро – дешёвые «техасы» и те слишком настораживают его. Коричневые брюки клёш, серые брюки без клёша, и взгляд уставленный вдаль. Приносят гитару. Царевич не умеет, а главное жутко не хочет играть и петь, но гиеновидные мальчишки ждут. Кажется, обними любо-

194

чиняют ущерб виноградникам Молдавии» и так далее. Царевич выслушал, задумался, уши его налились кровью и, выдавив, он вставил, надвигаясь с кулаками: «Во-первых, Молдавия не за нас...» Мальчик-орнитолог не ожидал такой реакции, в дальнейшем, ему не раз приходилось бранить себя за излишнее щегольство познаниями. В свои одиннадцать лет он знал многое. Не знал только одного, что он родился от матери-еврейки, и все во дворе это знают.

Что-то все рассказы (побасёнки) получаются про детей (в прошлом, как все русские люди – это в прошлом солдаты), взрослую историю, рождественский, можно сказать, вертеп, я приберёг под самый конец, когда детей не останется.

\*\*\*

Инфанта заметила в открытую дверь, снимая в прихожей башмачки, игрушки, разложенные на кресле в комнате, в которой с тех пор, как умерли старики Преториусы (сперва Старик Фери, а за ним и Антонина), никто не живёт – лягушку с вращающимися глазами и обезьяну с не по игрушечному пристальным взглядом. Они смотрели оттуда не девочку в прихожей. Инфанта указала на игрушки сопровождающей её девушке в чёрном. Та улыбнулась, но поспешила увести инфанту в мой кабинет...

\*\*\*

В последствии, ближе к Андропову, чей портрет всегда выделялся сходством со стареющей рок-звездой, царевича-дебила сменил пудель-морячок с открытыми ушками, тяжёлым слоем загара на оголённых выпуклых мускулах. У тувель Морского Пуделя был мексиканский каблук. Если в их подозрения попадал лемур-нацист, помеченный мушкой и стрижкой под

196

го из них сзади за грудь, и они сами помогут вам, быстро-быстро теряя голову от идиотской ясности овладеть ими, играя лопатками и целуя ваши руки, не хуже любой взрослой соски – так они возбуждены. Царевич мучительно растягивая паузы, неритмично ударяет по струнам, умышленно делая фразы:

...она ушла не попросившись...

...а спина у дельфина... унесла любовь вместе с пеною...

С неба падает звезда, а в глазах твоих слеза, и забыть мне про тебя нельзя, Энджи...

Звёзды не падают с неба, потому, что они всего лишь блёстки на подкладке атомного зонтика. И вообще, множество звёзд напоминает царевичу американский флаг, от которого его отца «на рычачки тянет». От одного вида. Звёзды – бэ-э. Полосы – бэ-э-э. Всё это только усугубляет его меланхолию. Однако, неужели перед нами законченный чурбан, а не скованная ожиданием чего-то сногшибательного (вроде «Footstompin' music» группы Grand Funk) куколка прекрасного насекомого, а? неужели это угрюмое полумолчание, нелепые рассуждения про то, кому даст «пизды», не чревато чем-нибудь неожиданно эффектным, резким и музыкальным одновременно, как звон разбитого стекла?

Нет, млекопитающий царевич – СССРектус ещё долго будет складывать губы, и прятать носки, пока из среды ему подобных, где-то в начале 80-х не шагнёт, точно на линейке, в московский смог царевич-Мальдорор, самый одарённый, и от имени всех царевичей запоёт: «У меня болит нога/смотрит на меня вампир».

А от этого, L-Оли-Pops and Roses (ведь розовый цвет совсем не цвет лепестков), чего ждать, если ещё три года назад он, выслушав от дворового любителя природы сообщение о том, что всё в природе относительно, например: «Скворцы у нас на Украине истребляют вредителей, но при этом сами при-

195

Вилли Поммера, собаки в надетых на голое туловище джинсовых жилетках и майках сетчатой вязки устраивали танец осуждающих глаз, по матерински скорбно и медленно кивая друг другу головой: «Ишь-шяк». Пудель-морячок обязан уметь переспрашивать: «А шо, ты хотишь сказать, что у Блекмора есть слабые вещи?»

Тыква предлагает алычу. Она у него в сумке. Эмбрион ждёт, чтобы о нём рассказали, свастика на стене, крылатая зверушка принца Кóуры ждёт, чтобы её заметили. Знаете способ потрепать нервы мальчику лет пяти? Допустим, он говорит: «А я маме рассказал». «Расказла?» – переспрашиваете вы с насмешкой. «Расказал!» – повторяет полусаблия. «Расказла» – снова повторяете вы, будто не расслышав. «Я не сказал «я сказла», я сказал «я сказал!»», свирепеет ребёнок. «Ну вот, ты только что сказал «я сказла» – спокойно указываете вы, изображая показное дружелюбие. Полусаблия краснеет и нервничает: «Я не сказал, я ска...» И так до момента, пока он не догадается и, стараясь глядеть широко раскрытыми глазами поверх вас, не вымолвит: «Ты-ы... сын погибели!» Делайте что хотите. Хотите – смейтесь. Можете убить, если уверены, что вам это сойдёт с рук. И разные тётки Поли и дяди Коли, которые, конечно, имеются у каждого сабли не доведут дело до суда. Плюс «бандюки».

Теперь даже у самой тихой послесоветской сволочи есть свой «бандюк». Раньше был знакомый КГБешник, врач на триппердаче и продащица в обувном (которая чёрт знает, что требовала в обмен на «коры» по блату).

\*\*\*

Заглянем в комнату Сермяге (Тыкве). '66-ой год, Тыкве пять лет, и его ещё укладывают днём поспать. Взрослые два дня гуляют Октябрьские. Не раз пропета «Черемшина» – песня-при-

197

зрак ночных шестивий. Родители отошли на автовокзал – провожать деревенских друзей. Сермяга в расстёгнутых шортах лежит на диване и вращает лобастой головою зародыша. Это шорты старшего брата и Сермяге они пока что велики. Большеголовый мальчик смотрит с дивана на собственный фотопортрет, сделанный в прошлом году и его не детские мозги содрогаются от полуденных видений грядущего будущего, когда в этом доме начнёт распоряжаться он, а мальчик с лепестковой чёлкой и бесстыжими глазами всё из той же рамочки будет наблюдать за воплощением желаний своего оригинала. Мать с отцом выпроваживали гостей, но не всех, поэтому закуску не убрали. Когда отец надевал перед зеркалом в туалете фуражку, Литтл Тыква неслышно подошёл к накрытому в «зале» столу и рванул полстакана самогона. Прошло полчаса. Он не спал. Вокруг люстры летали мясные мухи. Балкон был открыт, с улицы время от времени долетал биг-бит, молодёжь с транзисторами ломилась в сторону Дубов, где год назад начали строить ресторан. Если говорить правду, это было 3-е мая '67-го года. В кухне текла вода. Пахло уксусом. Кран перестал шуметь. Звякнули фужеры. Тыква повернул голову к стене и приспустил шорты.

– Нэ спышь? – порог детской перешагивает существо, которое, будь на нём белый платок, по голосу надтреснутому и немужественному можно принять за Тыквины бабушку. Но это не бабушка – дядя. Мужчина средних лет с розоватыми веками, тщательно выбритым подбородком и румяными щеками, покрытыми плотной паутиной морщинок. Он только что снял женский передник, и старательно вытер раскрасневшиеся от горячий воды руки.

– Ні, – со вздохом поворачивает голову Сермяга.

– Тоби щось почитать? – дядя берёт потёртую книжицу со старой хрущёвской ценой и опускается на диван возле пьяного племянника:

198

быль, многих вместо себя отправил на тот свет. «А я ещё не ложился, – хвастает он в запое и добавляет – блядь, на хуй, блядь». Сейчас он трезв, одет в чистую рубашку по сезону и настойчиво угощает меня алычой, не говоря, откуда она.

Синяя сорочка, коричневые брюки, коричневый пиджак, царство небесное. Увидев книжку, Тыква говорит: «Помнишь Николку, малыша, того, что спиздил твой подарок – книжку Тома Финляндского? Пошёл его папа в День Победы погулять. Нет и нет. Выловили в Гандоновке на четвёртый день». Получается, пока трещал, словно замкнувшие провода, фейрверк, он лежал на дне, которое не видел живой человек, любуясь мёртвыми глазами в компании красноперок днищами спящих над ним лодок. Тайна гибели субмарины «Курск». Поклонников Тыквы не интересовал Клод Франсуа, но, увидев рыжего Кло-Кло по телевизору, они с ходу признали в Тыкве его двойника. Поджаристый француз (говорят, живота не бывает у тех, кто в младенчестве перенёс клиническую смерть), когда о его существовании узнал Сермяга, страдал бессонницей, кроме того, он тяжело переживал развод, но не это подтолкнуло его с эстрады в могилу. Тайна гибели любого – это частица загадки по имени Сермяга, Тыква, Нападающий. Клод Франсуа погиб (крючник сунул ему в руку мокрый хвост: «Держи, Кло-Кло!» Это называется «оголённый провод») – Тыква остался. Сегодня он охотник за алюминием и не выходит без кусачек и магнита, рыщет он не только по земле, рыщет он и по морскому дну. Ему дана власть вытаскивать из самого ничтожного отверстия многометровую ленту провода. Он уходит туда, а появляется оттуда, и чудовищная сила вредить, портить, отнимать не убывает в его скреплённых шарнирами мохнатых ручках. Сермяга пожирает беззащитные цветные металлы, как незрелые фрукты и ничего – не дрищит, не исходит поносом. Вот он семенит по дну к обречённой субмарине, ни дать, ни взять – подводный зомби грызёт

200

Колочий клубочек прыбіг у садочок  
(фу, это же учебник, бэ-э)  
Спынывсь, постояв та и мышу споймав.  
Як зваться клубочок...

Нэ кіт, нэ... Пауза. Отвечай.

– Нэ кіт, нэ собака, – пробуёт угадать Тыква .

– Який ще «собака»? – нежно упрекает дядя, который в шиньоне, обведёнными синькой глазами, в колготах со стрелками и на шпильках (у родичей Сермяги небольшой размер ноги) выглядит, может быть, не молодой, и не очень смазливой, но, по крайней мере, искренне хотящей понравиться тётей.

– Нэ кіт, нэ тхир – скажись що за звір?

– Ййжачок – нетерпеливо называет любимый сорт вафель эрегированное дитя.

– Вірно, – задыхаясь от нежности, шепчет дядя-тётя, и кладёт руку на то, в чьих не детских размерах он имел возможность удостовериться уже не раз, – Пора кончать маскарад. Батькы не повинны цього знать, алэ...

– Гучик, гучик, – мальчик Недетский Лоб (Хуй) притворяясь двухлетней, капризно каночит, показывая пальцем на блюдо с прошлогодними солёными огурцами.

Проходит тридцать пять лет. Все утопленники похожи на Элвиса. Мимо скамейки у самой воды пробежала крыса. Я раскрыл зелёную книжечку и вдруг увидел, ко мне приближается Тыква. Приблизительно в том же месте, где пятью годами ранее, присев на корточки, и от этого ещё более жутковатый, он извлекал из земли какие-то корни. По мере его приближения ивы должны были окраситься кровью, а вода в реке стать прозрачной, но окружающие меня предметы сохранили обычный вид, я только пожалел, что не помочился, прежде чем сел почитать. Второстепенный роман Германа Мелвилла «Израиль Поттер». Тыква, способный уместиться в тумбочке, мужчина-бо-

199

сонную акулу. Сделав свое дело, он вынырнет, и будет спать в луже целебного пота, и никто не поверит, и не избавит от него человечество. В подводной ондатровой шапке, усевшей до размера тубетейки, вооружённый покрытыми плёнкой глазами, сексуально разношенных ботиночках и носками «уотерпруф», шерстяная муфта которых обрывается точно в том месте, где тыквины голени начинают покрывать собственный волос, похжий на водоросли проклятого водоёма...

\*\*\*

История про кота и туфли – это кошмар. Щипцы, тиски. Наваждение сродни тех, что посещают молодого бизнесмена над бокалом пива «Гиннес» в дорогом кабаке, где в стёклах, покрывающих полуабстракции рыжей карлицы в берёзовых рамках, отражаются серебряные блики шейкеров в руках барменов, и подкрашенная лазурью вода бассейна.

Он вдруг видит себя школьником-интернатовцем, вошедшим в разгар дискуссии в комнату-салон, где царствует его маман. Бородатые дяхорики в очках и без обсуждают какие-то антикварные романы, половина их полубухие, половина – просто ненормальные. Поёт Камбурова, Градский. Мальчика привёл туда голод. «Мама, я хочу кушать», говорит мальчик, по обезьяньи цепляясь за дверную ручку и подгибая коленки. Он произносит «хоццо». «А что я могу, – резко парирует мать, недовольная прерванной беседой, – Вот тебе рубль, сходи в варенишную на Авраменко и поешь». Бородатые вольнодумцы молча одобрительно кивают. Умница. Мальчик-шимпанзе медленно закрывает дверь '82.

Нанятый играть за парнус лемур старательно и нежно наигрывает на «Ямахе» джазроковую пьеску. Богатый молодой мужчина, мученически наморщив лоб, смотрит на свою спутницу.

201

Бокал стóбит тридцать. И ему кажется, что он съедает тридцать тарелок вареников. По тарелке за год прожитой жизни. Такие воспоминания происходят, подобно произвольному самовозгоранию. Обуглившийся труп в кресле, не успевшем даже загореться. Скрюченные останки на закоптелом унитазах в запертой изнутри уборной.

\*\*\*

В квартире, выставленной на продажу после самоубийства прежнего хозяина, поселяются двое. С ними взрослая кошка, вернее, кот, по прозвищу Лазарь. Новый владелец квартиры – художник со следами богемной красоты на строгом лице (впрочем, она мгновенно пропадает, стоит ему разинуть рот, и заговорить о галерейщиках, Израиле и киберсексе) возится со своими картинами, пока его подруга, покрытая пухом модельер-неудачник, перебирает сваленные в кладовке вещи прежнего владельца. Его звали Попов и у него была коллекция виниловых дисков, которые, правда, сразу же увезли родственники. И вот она, эта девушка, присев на корточки, балансируя на пальцах ног, оскалив рот, перебирает то, что осталось от покойника и год как валяется без толку. Вскоре она выуживает пару крепких мужских туфель необычайной элегантности. Им должно быть, самое меньшее, 23 года – это фасон клубного диско. Цвет сгущённого какао, надеваются без шнурков. Они финские. Разумеется, к ним нужен хороший жакет. Но всё это можно будет удалить в ближайший поход в секонд хенд. Удалив с туфель пыль, она ставит их на потёртый паркет.

Наступает ночь. В прихожей слышится кошачья возня. На утро Сузанна, так зовут подругу художника, обнаруживает под туфлями лужицу неприятной жидкости. Сузанна делает коту замечание и ставит туфли к стенке каблуками вверх.

202

ражая некоторое время привычными кошачьими средствами якобы сверхъестественный испуг на фоне листвы, шевелящейся в лунном свете. Добротная кожа импортных туфель собирается в тончайшую, будто из папиросной бумаги гармошку там, где подъём переходит в продолговатый носок с тупым концом. Раздаётся холостое журчание. Будто в сатураторную установку опустили копейку. Дощечки паркета там, где каблуки, делаются темнее, под ними что-то пузырится. Что именно, Лазарь никогда не сможет объяснить.

\*\*\*

Один вид выщегося по земле кабеля вызывает у некоторых людей состояние, близкое к припадочному. Они совсем не могут видеть змей. К сожалению, на змей некому пожаловаться. Пожилые плохо понимают молодых, даже если и те и другие пользуются одной маркой краски для волос, читают одних поэтов, тягают за шею разных гусаков, но совершенно одинаковым жестом.

Джеймс Браун был резковат для старших. Поэтому о нём не вспоминали, наблюдая, как подрастает новое поколение – ушастик без пола и племени, евреечка, толстячок, худая+пацифик=15, славянский тип, роскошные волосы и прыщи, первый срыв, черты лица теряют пропорции, уши оплывают, в голосе происходит расщепление – и вот уже девица-священник молотит кулаками в кабинку, где заперлась её мать, и хрипит, вытгивая сухие губы: «Где мои детские пластинки? Где мои детские пластинки?!» Мать, по-детски довольная удачным стулом, со смесью тревоги и удовлетворения на лице отвечает через дверь: «Ну, Машик, я откуда знаю, ну?»

То, о чём взрослые не сочли нужным рассказать детям, никогда уже не будет воспринято последними правдоподобно.

204

Среди ночи художник, осторожно переступив через скрюченное во сне тело своей возлюбленной, бесшумно проходит на мохнатых ножках велосипедиста в уборную, на обратном пути он осматривает тёмное от мытья место на паркете, и, почесав себе в паху, зачем-то ставит туфли, сперва полюбившись ими в свете с улицы, в горизонтальное положение. За его действиями наблюдает из кресла кот.

Мокрое пятно продолжает появляться под башмаками. Сузанна всё строже отчитывает кота, именно он, уверена она «помечает» таким образом чужие вещи, сохранившие враждебный запах покойного владельца. Её удивляет, каким образом хвостатый член их семейства умудряется не попадать струёю внутрь туфель, но исключительно под них. Мало помалу она начинает забывать, когда запирала их на ночь в шкаф, а когда оставляла на паркете.

На улице давно стемнело. В приоткрытую дверь балкона на четвёртом этаже смотрит холодное светило августовской ночи. Верхушки дворовых деревьев всё громче шумят листвой. Слышно, как ветер скрипит антенной на крыше. Зелёные цифры на табло видеомагнитофона показывают полвторого. В квартире один Лазарь, он пристально смотрит из-под кресла на пару финских туфель, что стоят в прихожей. Его спина выгнута, хвост поджат по собачьей. Туфли кажутся сгустком тёмных красок в окружении голубоватой белизны, точно это негатив. На самом деле их светло-коричневая кожа с тёмными шоколадными подпалинами сама как будто отсвечивает в полумраке. Тонкий шнурок света протянут от дверного глазка до порога открытой в гостиную двери. Наконец происходит событие, которого с трепетом и любопытством поджидает покрытый серой шерсткой Лазарь. Зафиксировав его выгаращенными горящими глазами, он, тем не менее, подчиняясь инстинкту, одним прыжком, не задев занавеску и белевую проволоку, оказывается на краю балконной ограды, изб-

203

Во многих семьях Джеймса Брауна узнают только тогда, когда он умрёт, и глупые журналисты начнут печатать обычный вздор, каким провожают у нас гениальных музыкантов Запада. Отчасти поэтому, когда Джей Би привезли в Москву, две трети зала были заполнены солдатами... и репродукторы зывали людишек на эскалаторах «бесплатно сходить на его концерт». А как он пел!

Hot pants! – Горячие трусы  
Smokin'. – Дымятся.  
That hot pants – Горячие трусы  
свидетели и судьи...

\*\*\*

Hot pants – это джинсовые шорты в обтяжку. Флора Гага такой фасон не носила. Юбки и шапочки, делающие барышню привлекательной, даже если она не уродилась, Гаге не нравились. Иногда за её спиной развивался капшон, готовый в особое ненастье прикрыть голову. Гага-кагуляр. Гага-трубочист предпочитал всё чёрное, потому что знакомая иностранка однажды сказала ей: «У нас так ходят одни фашисты».

Звали иностранку Барбара Бирозка, она была специалистом по русской словесности. Несмотря на постоянные хлопоты, Гага-трубочист успевала кружить голову кроликам противоположного пола. Не один «ариец с гарниром» выполнял поручения бронеоточки с ограниченным лексиконом так, будто ему приказал лично Адольф. Во Флору влюблялись повара и извозчики. Кролик-белоснежка, хлопающий, вытгнув пушистые лапки из чёрной рубашки, очередному докладчику делал это потому, что не мог обнять Гагу, тихую, мужественную и загадочную. Докладчик закатывал глаза и складывал губы в пустую булочку для гамбургера – никто не из штурмовиков не знал, что

205

этот неизлечимый тик у него со времён, когда его сильно испугали дружинники в момент мастурбации. Он, тогда подросток, принял рабочих с повязками за ангелов тьмы, пришедших за ним от самого Главы Ордена.

В чём секрет привлекательности этого существа среди доморощенных «Шансон Нази»? На первый взгляд не знает никто. Нравится и точка. Сердцу не прикажешь. Срулик дон't би крулик ту кролик. Знают истину пыльные грунтовые дороги Крыма. Камешки жидовского Коктебеля! И существо Джесс Франко, играющее роль отца, и бабушка-автоответчик. «Отец» щеголяет притворной немодностью, как неприкуренной сигаретой. Дуэ маникин.

\*\*\*

Это случилось в Коктебеле. Осенью одного из 80-х годов – переодетые цыганами хиппи увели якобы на вечер авторской песни девочку... По необъяснимому совпадению там же находилась в обществе толстозадого семиота Ларского уже знакомая тебе, Инфанта, с моих слов Барбара Бирозка. Там же средь бела дня дочь m-me Жаклин Мария Титирь не могла оторвать глаз от голых яиц пацифиста Ярмолинского, по кличке Берендей, похожих на мелочь в полиэтиленовом мешочке. Финийца.

Только звали девочку не Флора, и не Гага, как обращаются к ней мгновенно забываемые тени-чучела в клубном дыму. До превращения Алёнушка было имя её. Арийская лебёдушка с прыщиками на спине гимнастки и тяжелой косой золотистых волос до поясницы. Со вздёрнутым носиком совсем не похожим на сливу. С громким, но располагающим голосом здоровой юности, которой нечего скрывать. Алёнушка как раз любила носить платья и соломенные шляпки, которые были настолько ей к лицу, что казалось, сами слетали ей на голову.

206

языка... Но пасквильная маска сковывает тайный лик Алёны в мясистый плен... Я хотел сказать, Жениха. Однако лучи севера время от времени просвечивают сквозь личину брахецефала. И 33 повара-богатыря, и «сто эсэсовцев прекрасных» чувствуют своим бриллиантовым сердцем: it's a mother. И она где-то рядом.

Оборотень-грубочист вынуждена напоминать о себе дурным запахом, высмеивать на словах катастрофы и геноцид, посылая таким печальным способом S.O.S арийским братьям.

Банкир Маргайя бежит вдоль сточной канавы за магической книгой, которую уносит мутный поток нечистот. Расстроенный тем, что не сумел её выловить, он отправляется бродить в лес, где его встречает белый Дьявол с крестом на шее...

Алёна Струлёва не единственная сомнабула в когтистых пальцах гурманов Зла. Банкир Маргайя, например. Он же Красавчик Смит, или Вассеркопф, как называют его злые языки, усиленно хлопотал, стараясь сосватать Гагу, какая есть, небесному Жениху, несмотря на то, что Жених\* давно женат на преданной ему обезьяне. Его нехороший конец описан в пасквиле Роберта Сосина «Симптомы». Правда, некоторые убеждены, что Аквацефал не погиб. Его вовремя обнаружила старуха-мать, зашедшая за газетой. Она не растерялась, увидев надорванную тушу своего ребёнка, успела вызвать опытного хирурга, и тот зашил Маргайе грыжу, и сохранил, таким образом, жизнь. Впрочем, это какое-то коптское евангелие получаете. У Сосина всё описано иначе и мрачнее.

Аквацефал-потребитель перестал узнавать Флору-Алёну. Теперь он гордится, что во всём знает толк, как потребитель-аристократ. Тёлки, соусы, айды, компактны. Классные книги. История Израиля и бермудского треугольника. Станок, факту-

\* недаром гласит «Берчкин сандал»: «... он, грузья, как в лодке руль, это гордость наша, от рожденья имя Сруль, а в анкете Саша». Гарик Губерман.

208

Недаром среди порхающей по пляжам и кафе интеллигенции маячит тонкогубая Барбара. Недаром слетаются вонючие хиппи и шпарят на гитарах словесный понос за всех царевичей-дебилы земли русской.

Неужели Алёнушка прибыла в Планерское совсем одна? Нет, конечно. Но после такой засекреченной ночи никто больше не видел, а главное не вспомнил про сопровождавших девочку взрослых. Они исчезли.

В ту роковую ночь все они выступили в роли блаженных паяцев, безвольных марионеток в руках некоего Демона, манипулирующего ими в виду ритуалов, смысл которых остаётся нерасшифрованным. Впрочем, есть подозрение, что превращение было совершено днём, и больше напоминало хирургическую операцию, чем чёрную мессу. В руках тонкогубой ведьмы Барбары появился чёрный зонтик – краденый, лучший в мире. Она вознесла его над головой, так что стали видны ключья годами не сбываемой шерсти в её подмышках. Зонтик погрузился в лоно арийской девственницы – она находилась в гипнотическом сне. В последующие часы у девочки изменился цвет волос, черты лица, губы, конфигурация влагилица и так далее, и так далее. Её как будто загримировали, чтобы кто-то в будущем не сумел распознать в ней прежнюю красавицу. Так Алёнушка Струлева оказалась заживо погребена среди живых, а вместо неё с каменного ложа шагнула в этот мир Флора Срулик, дива-трубочист.

Для чего понадобилась эта операция? И кому – сынам погибели и дочерям Лилиг. Тем, кому по нраву бесконечное глумление над схваткой «Левиафана и Бегемота», тем, кто готов высмеивать всё, что возбуждает их сардоническую злобу. Потому что сколькими их звездочётами была разгадана тайна небес – Алёна Струлёва, русская девушка в 101-ом поколении должна родить богатыря. Это будет арийский, полярнойрайский Северный Бальдур-Христос. Спаситель рода, зачатый от небесного

207

ра, биохимия. Он всё чаще машет короткой распухшей ручищей, в точности, как недовольный аккомпанементом певец, и топает ногами, как кинозритель, которому не хотят уступать место, указанное в его билете. Если, конечно, он жив. Найдёныш, обманутый по массе поводов не одним существом того жалкого пола, что родит всех нас.

Подводные лодки стерегут покой и частную собственность аквацефалов. Такие всю жизнь что-то собирают, желают владеть, грубо обрывают нерешительного – брать или не брать, покупателя. Щиплют маму, если им снится, что мультипликационные бандиты, похожие на бракованные игрушки, хотят отобрать у них часть собственности, и мама, кивая головой лейтенанта Коломбо, начинает рассказывать им сказку-противоядие про добрых великанов госбезопасности, которые уже однажды спасли маму от страшных парней в чёрных галифе (они снились ей): прикладывают её ладонь к раскалённой докрасна печке-буржуйке, и, вынув из галифе чёрный блокнот, настойчиво и грубо пишут на белом листе вопрос, на который она не имеет право отвечать: «Wo ist das geld?»

\*\*\*

Канун Рождества в большом универмаге. Совсем недавно туда требовался диктор, и вот теперь, судя по репродуктору, без умолку предлагающему посетителям «подарки на любой вкус», больше не требуется. Посетителей немного, и за час до закрытия радиоточки обоих этажей замолают. Вскоре диктор спускается на первый этаж, слегка прихрамывая, он направляется к служебному туалету. С виду это невысокий средних лет мужчина, возможно, инвалид, с усами и длинной, но давно вышедшей из моды причёской. Молодой сотрудник музыкального отдела, одеваясь, говорит напарнику, почти старику, с постриженной

209

бородкой: «Странный тип, знаешь, я заметил, обычно люди моют руки после уборной, а этот – до, – и, желая щегольнуть эрудицией, – Читал у Бернгарда Гржимека, что некоторые лемуры опрыскивают себе лапки собственной мочой».

Остробородый полустарик изображает одобрительное изумление, он утешитель со стажем, и, вдобавок, к нему зашёл его давний собутыльник, поэтому ему хочется, чтобы молодой коллега поскорее ушёл, и он с улыбкой, доверительно склонив голову, даёт простое объяснение: «Это из-за пыли, здесь ведь товар пылится, вот он и моет их прежде, чем... Понимаешь?» Юноша изображает насмешливое превосходство над унтерменшами касты торговцев. Он, подняв брови полумесяцем, протягивает остробородому руку, после сухого и крепкого рукопожатия, чиркнув молнией на зимней куртке, уходит, не оглянувшись. Пожилой господин, его зовут Валентин, хитро и беззлобно улыбается ему вслед.

«Ты не находишь, Аркадий, что наш молодой коллега чем-то похож на президента государства Киргизия, а?» – говорит он, стоя спиной к своему третьему напарнику, которого не видно из-за прилавка. Потому, что он занят сменой обуви. «Да ну его», – отзывается Аркадий. Он обижен на юнца, потому, что тот не взял его с собой в одно место, где собираются сторонники евразийства. В служебной уборной Аркадий успел подглядеть, как паренёк привинчивает себе на рубашку специальный значок, эмблему – крест и окружность. Недавно за пивом, на вопрос Аркадия, где он собирается гулять Новый год, молодой человек ответил, что в его среде Новый год встречать не принято, зато отмечается Юл – древнейший арийский праздник, в пику Америке и сам знаешь кому. «И что, – поинтересовался Аркадий, – не гоняют за это вас?» «Нас? – в голосе мальчика зазвенел металл, точно ударили в рельсу, – Пусть попробуют только...» «О-о, – невозмутимо комментирует Валентин, – Вот и Алёша».

210

ки заводят демонстрационный проигрыватель. Одна из групп с лозунгово-психоделическим названием. Незатейливый голос поёт блюзовые фразы, утрируя характерные обороты до неловкости, слова явно абсурдные, вычурные, стелятся хищной позёмкой, и высказывают, точно жабы из воды – слышится: ... тэлэфоун... вуду... сукин сын... Консервативный красавчик Аркадий, в прошлом переводчик, конфузливо усмехается: «Вот чертяки... Где вы их только... Надо же тогда такое слушать!» Сам он предпочитает Элвиса, и белых солисток салонного типа. «Женщина поёт» – говорит он про этих шепчущих мышей со смазанными вазелином губами. Валентин и Введенский, кстати, фамилия Валентина тоже священничья – Попович, раскачиваются в профиль, точно шахматисты в транс. Аркадий пощёлкивает пальцами в духе джазовых котлов времён Хрущёва. «Кремлёвочка. Какой всё-таки это насладец!» – лстыиво восклицает он, теребя бородку покороче Валентиновой. Аркадий надеется, что ему тоже разрешат поставить что-нибудь из его кумиров. Хриплый ведьмак гогочет как кочет, в чёрных буханках колонок-пигалиц. Его голос шлёпается жабьим брюхом на аккомпанемент квакающих гитар, губной гармоники, множества ударных – и, бутылка опустела на две трети. И скоро опорожнится окончательно. «К-кого ждём?» – слегка заикаясь, берёт её в руки Введенский. «Вия» – шутит Валентин. Склонённые Головы святой Троицы в клубах трёх дымящих сигарет сильно напоминают Jimi Hendrix experience. Здесь, камера наблюдающая отдалёется, облекая тайной всё происходившее в ночном универсаме; за нагромождением импортных чемоданов, раскрытых зонтов, и манекенов на ангельских ножках из пластмассы, с улицы было совсем ничего не видно.

А улица ночью, в туман, страшна своим безлюдьем. На её широких тротуарах виснет какая-то тревожная напряжённость: так и ждёшь, что вот сейчас из млы, в белёсый круг под элект-

212

Аркадий, крашенный в чёрное джентльмен-малоросс, тотчас встаёт в полный рост, поверх ртутного цвета сорочки с галстуком на нём надета малиновая безрукавка. Щёки, всегда немного красноватые от постоянного изумления. На подбородке хронический прыщик-фонтанель, появление которого хозяин приписывает колдовству завистников.

Алёша Введенский пришёл не один. С Валентином они дружат ещё со времён хиппизма. Вот уж год, как Введенский начал хорошо зарабатывать, в молодости, и после, надо сказать, от-вратительно беззубый, теперь он завёл роскошные челюсти, на редких волосах играет блеск, и они отросли в косичку.

Мало-помалу первый этаж их универсама пустеет. Молоденькие продавщицы, припудрив пяточки, и зачехлив витрины с дорогими безделушками, покидают заведение кто через служебный, кто через обычный вход. В окнах бегают огоньки электрических гирлянд. Девушки, не такие коротконогие за счёт каблучков, походят мимо, едва удостоив немолодую троицу кивком. Впрочем, некоторые приветливо раскланиваются с импозантным Аркадием. Валентина с чужаком Введенским как будто не замечают. Провожая их самодовольные шаги взглядом, Валентин вспоминает свою первую жену, тоже продавца, в книжном, и снова, который раз за день, лукаво улыбается.

По странному совпадению, на полке антикварного отдела, выставлена громадная, но, по мнению знатоков очень неудачная копия рублёвской Троицы. Без лишних слов, Введенский достаёт из миниатюрного, но вместительного портфеля 0,75 дорогой водки и ставит её на столик для сумок. «Рад вас видеть, ребята». «Взаимно». Аркадий разворачивает несъеденные бутерброды. Закуски явно не хватит, но есть апельсиновая вода, купленная Валентином за присвоенные от выручки рубли, кроме того, у него есть такая же бутылка, только об этом не знает Введенский. Она появится в нужный момент. Вскоре ровесни-

211

рическим шаром, выскочит женщина с содранной кожей... или повиснет на одной цепи готическая вывеска, поскрипывая над входом в закрытый пивной бар.

Они так и не рискнули кем-либо стать, Инфанта. Серийными убийцами, авантюристами. Не стали ни кем, то есть, остались самими собой. Сберегли свой просроченный запах. От них пахнет одеколоном «Не удалось». Прожили в отвлечённо-фантастических безграмотных фантазиях. Миры Станислава Лема. Миры Александра Беляева. «Ахмадулин читает Аксёнову».

– Cherish? Если cherish, значит живой, – острит Валентин, несмотря на пьянство, или скорее благодаря нему, сохранил способность острить в старом стиле.

– Ой! Не люблю я их, – отмахивается двумя руками, сверкая запонками, кокетливый Аркадий.

– Аркаша, к-кого? – пристаёт Введенский, сдавливая хлебный шарик. Он умеет лепить из мякиша забавные фигурки Битлов, эльфов, случалось, зарабатывал на курортах в начале 70-х. Валентин, в прошлом макетчик первой руки, уважает Введенского за это.

– Да эти ваши группы, жалкие потуги, сколько ребят погубили своими наркотиками!

– Аркадий, ты прав, – Попович сентенциозно повышает голос. – Но не во всём, – он разливает водку широким жестом вошедшего в любимую роль лицедея.

– Аркадий Коко – Лолита Йа-йя, – лепечет Антиной из музыкального отдела.

Валентин Попович возвращается из уборной, вытирая руки собственным платком. Он ставит диск Риббентропа Молотова: записи какого-то ныне преуспевающего политика – диковинные песни под гитару, напетые в микрофон мыльницы будто бы ещё в середине восьмидесятых:

213

Ты стянула свой сальный свитер  
Показала большую звезду  
Ты приставила чёрный клитор  
К моему зловонному рту.  
Это – аусвайсы  
Это – мёртвый вассер  
Это – Эйч Пи Лавкрафт  
Режет яйца кот-ту!

\*\*\*

А в клубе «Данвич» полным ходом шло веселье эзотерической окраски. Юноша, с бровями киргиза прочитал своим сверстникам с манерами банщиков и поваров, доклад об исторической прародине во льдах. К полуночи появилась Гага, похожая на матроса с противогазом. Кролик-чернорубашечник тотчас подбежал к ней, взяв вынутой из пушистого чехольчика лапкой железный крест, потешно попробовал его зубом. Евразият со значком креста, делая вид, что не замечает появления дамы, грыз недорогой крендель, закусывая. Флора-Алёна, согнув крючком указательный палец, настойчиво смотрела ему в спину раскосыми глазами. Ансамбль страшно несамостоятельных любителей электронного шума возился на невысокой сцене с приглашённым духовым, старательно выдувавшим из своей трубы допотопные музакланские шутяки-киксы. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить: у этих копуш не только отцы, но и деды были лабухами. Слухачи, нотники...

Киргизу пошептали, и он обернулся – медленно, поднимая покатые плечи и выровняв задницу на манер локатора. Срулик протянула ему руку, которую киргиз счёл нужным задержать в своей. Тогда Гага сделала движение прижаться к нему – быть

214

\*\*\*

Аркадий, стыдливый от природы, после водки раскраснелся окончательно. Противоречивые желания боролись в его душе. Завтра магазин закрывается на рождественские каникулы. Хорошо бы что-нибудь утащить с собой. Его сильно волновал роскошный фотоальбом «Адольф Гитлер и XX век», выставленный за несуразную цену в отделе подарочных изданий. Но пропажа такой большой книги не пройдёт незамеченной. С другой стороны... С другой стороны было тревожно весело выпивать с этими, пускай знающими музыку, но, всё-таки, в отличие от него, Аркадия-переводчика, мастеровыми. На возвращение к себе домой, где его ожидала встреча с не подпускающей к себе вот уже второй год женой, и громоздящимся на полу всем тем хламом, что был им натаскан за долгие годы лемурийской жизни, Кравченко Аркадий мог согласиться только в состоянии полного беспомощия. Скорее бы оно наступило... Но очень скоро ему пришлось молниеносно протрезветь. Глаза Аркадия всё чаще вспыхивали собачьим помешательством, он то и дело косился на них неприязненно, сжимая руками край прилавка, точно стремился спрятать за ним нижнюю часть своего немолодого, но окружённого заботой, тела.

Введенский с Поповичем, похоже, были рады возможности выпить и окунуться в мир любимой рок музыки, водка повышает остроумие, и два товарища, время от времени, по старинному обычаю жали друг другу руки, после очередного остроумного замечания про «Запу-папу» или там «Can the can...» Последнее выражение было Аркадию знакомо. Когда-то он преподавал в профтехучилище, и это был пик увлечения царевичами-дебилами студийным визгом американской пигалицы Сузи Кватро. «Это ничего, ничего», – мотнул головой царевич Аркадий, – Главное я, Аркадий, не увлекаюсь царевичами».

216

женщиной. Она долго репетировала этот жест с огромной плюшевой пандой у себя в спальне.

Дурная модная одежда делала её старше и толще. Киргиз не без ехидства представил Флору охающей, словно обворованная старуха, и решил, что эбни надо исключить. Успокоенный (к чёрту эрекцию, и чёрт знает, какой бульон в манде этого чувирделюса) он барственно произносит:

– Давно, давно мечтал познакомиться с Вами на предмет финис мунди.

– Взаимно, – отвечает Гага, и приседает, точно вставая с горшка, или немецкой каски с вареньем.

«Симпатичный, – анализирует она, молодея от мысли о близости с этим неонацистом на 10 лет, оттого, как она, набрав полный рот его соплей, выбежит на застеклённый балкон, и белея саквояжной задницей, сплунет их с девятого этажа, – Емму бы пошла киргизская шапочка».

Недочеловек в петле  
Недочеловек протух  
Недочеловек в петле  
Меж портьер.  
Смотрит на меня Петух  
Смотрит на меня Петух  
Смотрит на меня Петух  
Там – пли – еррр.

Идейные сердца, замужние художницы в цветных резиновых сапожках, журналисты-женатки, пьющие водку глоточками, как будто это текила, с завистью поглядывали на превращение киргизской головы в очередного, это уже не вызывало сомнений, истукана на знаменитом стёганом одеяле Флоры, полученном в приданое ещё бабушкой Джесса Франко. «Клара Фрик» – было вышито на одном из его углов.

215

Его насторожили слова Валентина, с ненужной громкостью прозвучавшие в промежутке между песнями: «Who is the winner in the night?» Многозначительно просунув руки в карманы действительно американских джинсов, промолвил Валентин: «Кто побеждает в эту ночь?» Смысл вопроса неприятно туманит рассудок малоросса Кравченко. Ему вспоминается мгла и безлюдье главной улицы, то, что он один в этом отдельном двухэтажном помещении с двумя нетрезвыми мужчинами, о прошлом которых ему не известно по сути ничего утешительного.

Введенский, сверкая новыми зубами, что-то взволнованно отвечает собеседнику, но шум исковерканной психоделической пьесы не даёт Аркадию подслушать его слова. Оказывается, это был эпилог целого альбома. Первый этаж универсама вновь погружается в тишину (второй и вовсе окутан тьмою), и в этой тишине, Попович, стукнув подмётками полусапожек об пол, чеканно произносит, глядя в глаза Введенскому:

– Что может нам помешать?

Аркадий только успел метнуться в бок, когда Введенский преградил ему дорогу между тумбочкой и стендом с дисками, а Попович протянул руки через прилавок, норовя схватить его за шею. Мгновением спустя, Кравченко пригодились занятия гимнастикой – сделав упор двумя руками и перекинув ноги через прилавок, понёсся к служебному выходу. Центральный вход, он уже успел об этом подумать, был заперт снаружи. Введенский ринулся ему вслед, успел дать подножку, так что Аркадий (точно на воздушной подушке) по крокодилы шлёпнулся на пол, но тут же взвился на ноги, и со злобой пихнув под ноги Введенскому тележку с книгами, понёсся по чёрной лестнице наверх. Выглянул из дверей – темнота: уличные фонари не доставали до второго этажа, кроме того, туман глушил их свет, окутывая желтоватые шары зловещей дымкой. Было тихо, Аркадий, стараясь не шуметь, прокрался вдоль стеллажей, обогнул тёмный угол.

217

Спиною к дымчатому окну в мигании рекламы напротив, нехорошо ухмыляясь, стоял Попович. «А-а-а!» – вырвался из малиновой груди Кравченко вопль. «Аа» – глухо передразнил «winner in the night» возглас своей добычи.

Юркий, как мышь, Аркадий ещё долго носился, опрокидывая на своём пути всё, что мешало ему ускользнуть от скрюченных объятий двух холостяков, обуреваемых дегенеративной страстью к ровеснику, бог знает для чего сохранившемуся лучше их. Траектория их метаний по отделам и прилавкам отмечена падением самоваров и чемоданов, в одном из поединков он швырялся в Поповича книгами, но ни разу не попал, зато расщёк обручальным кольцом губу Введенскому, так что тот завертелся на месте, сплёвывая красным. Стоит отметить, что ловля Аркадия происходила в полном безмолвии, ни жертва, ни её похотливые преследователи не проронили ни слова. «А» Кравченко и ответное «А» Поповича на старте этой грязной игры были, в сущности, единственными звуками, паролем, разыгравшейся за витриной универмага рождественской сказки.

В конце концов, никто Аркадия уже не преследовал. Действовал растрясённый погоней хмель. Оба дебошира описывали пьяные восьмёрки, безнаказанно постукивая каблуками. Попович, даже пробормотав «Господи, прости» поставил на место опрокинутую икону.

Аркадий на короткое время расслабился, безрукавка отвисла малиновым брюшком, но, вспомнив сизый румянец щёк Введенского, и расстёгнутую молнию Валентина, съёжился, и совершенно неожиданно, для неумолимо сжимающих кольцо окружения мужчин, вскарабкался по холодному стояку отопления под самый потолок, и уперся ногою в идущий вдоль всей стены пыльный карниз. Там он был для них недосягаем.

– Кашка фром Багдад? – спрашивает сам у себя Попович, и ковбойским шагом удаляется в секцию компакт-дисков, где у

него спрятана пол-литровая фляжка «Баккарди». Введенский не спускает ясно-синих глаз с прилипшего к потолку, точно лепной ангелочек-летучая мышь, Кравченко. Аркадий смотрит вниз, не мигая – глазами жителя мадагаскарских лесов.

Валентин возвращается с выпивкой и чем-то ещё. Пьют из горлышка, обнимая друг друга за плечо и талию. Когда вместо закуски следует долгий и бесшабашный поцелуй, Кравченко окончательно понимает, какого рода отношения связывали этих двух западников в молодости. В его ноющей голове, под спутанной копною выкрашенных чёрной краской волос рождается один вариант с идеей.

Прикурив друг другу сигареты, западники дымят, время от времени поглядывая на маргашку под потолком. Аркадий с тревогой замечает, что один из его башмаков расшнуровался и грозит упасть, он осторожно подгибает ногу и ударом об стену закрепляет на ней башмак.

Валентин делает шаг вперёд, и снова произносит: «А?» В его руке появляется дорогостоящий альбом Элвиса Пресли, ограниченный тираж, золотое напыление, толстый буклет... Аркадий, судя по расширению совсем лемурих глаз, видит, что ему предлагают, но всё равно не соглашается слезть.

Пожав плечами, Валентин прячет коробочку во внутренний карман пиджака. Теперь очередь Введенского уговаривать капризное существо на трубе. Он, точно образ новобрачным, подносит фотоальбому Гитлера, его открытое лицо изображает простодушное недоумение: «Ну, Аркадий, а? Что ж ты? А?»

Кравченко краснеет ещё больше, и целомудренно прячет голову в плечо взмокшей рубахи. «Запонки!» – мысленно вскрикивает он, но тут же вспоминает, что подвернул манжеты, опасаясь вымазаться в икорном масле, и схоронил их в кармане брюк, слава богу.

–You keep me hangin' on? – со значением вопрошает Попович, будучи убеждён, что его старый друг помнит фразу помпезной пьесы «Ванильная помадка», боготворимой Введенским в юности группы.

Алёша улыбается ещё простодушнее и, в который раз за вечер, протягивает руку. На сей раз, рукопожатие длится дольше и нежнее. С неожиданной у мужчин их возраста искусной нежностью, совсем позабыв про вцепившегося на его счастье трубу Аркадия, с ошеломлённой миной наблюдающего прелюдию их позднего, возможно последнего свидания, Попович и Введенский отдаются друг другу, полностью поглощённые магическим качеством эрекции, возникшей в половине пятого утра из ниоткуда.

Пошёл первый троллейбус. Эротический лепет мужчин, сосущих друг другу хуй едва разборчив. Кравченко всё видит, но уши его как будто спят. Он вспоминает, что уже шесть часов не был в туалете. Могает косицей Введенский, поддёргивает задом Попович... Оргазм настиг безумцев за полчаса до зари. Прежде чем выглянуло неприветливое декабрьское солнце, кожа на лысой голове Поповича младенчески порозовела. Четыре пятерни сдавили четыре ягодицы... Мексиканские каблуки замшевых полусапожек Валентина оторвались от пола, на высоту спичечного коробка и, цокнув, застыли...

Они не шевелятся. Лежат неподвижно целые пять минут. Кравченко не знал, что ему делать. Он не мог понять, что произошло с теми двумя внизу, обморок, что ли... Аркадий при любом освещении смотрится, точно его личико выглядывает из погребца, или в окно чердака. Аркадий в лунном свете – музыка для облизывания ложек. От волнения Кравченко похож на мультипликационного ежа – волосы, жёсткие от краски, торчат иголками.

«Мой эмбрион», – так называли Аркадия в разное время совершенно незнакомые друг с другом люди. И вот, похоже, этой ночью, ближе к рассвету, Кравченко пережил второе рождение.

Ослабив затёкшие пальцы, зная, что не успеют обгореть, Эмбрион – будь, что будет, съехал по трубе вниз. Замер. Прислушался. От неприличной парочки на полу веяло безмолвием того сорта, что не может исходить от места, где лежат живые люди.

Шары уличных фонарей уже меньше отливали желтизной, обозначились чугунные столбы под ними, стала видна безлюдная остановка. Утренний свет прибавил Аркадию хладнокровия. Те двое, то ли они просто умерли от любви, то ли в выпитом ими «Баккарди» оказался яд, об этом существо, просидевшее под потолком всю ночь, хотело думать меньше всего.

Поверье есть, что каждый год, зимою,  
Пред праздником Христова рождества,  
Ночь напролет поет дневная птица.  
Тогда, по слухам, духи не шалят,  
Спокойны ночи, не вредят планеты  
И пропадают чары ведьм и фей,  
Так благодатно и священно время.

Зачем они это сделали, чтоб увидеть на миг, как из синего плотского мрака взрыв полярных сияний рождает неистовый свет? Каки из синего мрака вытекли вместе с жизнью.

Теперь его, Аркадия, очередь, сунув в карманы ноющие руки, свысока оглядывать двугорбую ламу, чьи фрагменты минувшим вечером порознь имели вполне пристойный вид. Много-много лет назад, в Москве, на Калининском, оказался он в кафе «Ивушка», где выступал перед узким кругом Северный. И Аркадию было приятно, что они тёзки с артистом, вскоре ушедшим в мир иной... «А когда наступит утро, я пройду бульваром тёмным, и в испуге даже дети убегают... от меня...»

Быстро соображая, что ему надо сделать – удалить отпечатки, причесаться, Кравченко застёгивает полушубок из искусственного меха. «Как у наших у ворот... завязалась драка, –

сперва едва понятно бормочет он, потом, вспомнив, выучку на курсах переводчиков, напевает довольно приятным баритоном, – Нищий нищего сбёт, аж сверкает срака».

Ещё раз, проверив, всё ли на месте, он склоняется над Поповичем, чей полураскрытый рот придавила сарделька Введенского, и с миной канальи, глядя в околенные глаза, достаёт из пиджака и перекладывает себе в карман альбомчик Элвиса, и удаляется в туалет ждать, когда откроется универмаг.

14-19.08.2000 год.

222

день, и Сашка, «паки опернатев»... Наденет, нет – не стиранные, каменные носки и, просунув ноги в гранитные коры, сделает шаг...

La gadoue, la gadoue, la gadou -  
– Nous pataugeons dans La ga... dou... dou... dou...  
Галоши на резине, чтобы дёргаться в оболочке  
чтобы в ливерную слякоть, а не в пиз-  
-doue, la gadoue, la gadoue...  
От августа до сентября  
по слякоти есть время чтобы спря  
лестницу упрятать на чердак  
нож и наждак, наждак и нож  
на что похож анальный фокус без галош.

«Здравствуйте», – лает Каменный гость в лицевые вмятины прохожих. Никто не падает в обморок, не норовит по мужицкой привычке запустить ему пальцы за щёку, чтобы порвать рот. А Каменный. INCONTINENT – страдающий недержанием.

Это комплекс маминых сынков – до гробовой доски зависеть от старухи, назовём её Хна, и льнуть, как мальчик в фильме про войну, к сильным дядям, чужим папам и осеменителям, и чтоб непременно дядя был чекистом, дипломатом или «бандоком».

\*\*\*

Определение Чорта. Он должен нравиться всем, но не нравится никому. Он предлагает повеселиться, но его веселью предпочитают тупую грусть. Почему? Молодые подозревают, всячески растравляя в себе это подозрение, что он вряд ли захотел бы выступить с их матерями (в отличие от их героических отцов). Это позволяет им казаться догадливей, а значит и взрос-

224

## КОКОСОВЫЙ ТЕЛЕФОН

... glad you are a monkey woman  
Stones

\*\*\*

Муж Нат-таши Крюк Коржов в юности был окружён стеной. В углы заглядывать он боялся. Носки менял, но не стирал, а свернув в картошину, запихивал под кровать. На-таша спала одетой, в гамашах, свитере под горло. Тогда в Москве ещё не звонили в колокола так по-хамски громко. В затёртого полами галилейского фигляра верили всего два процента молодёжи, неплохо для народа, всего полвека назад сбросившего душистый чехол христианства. Два процента – это ещё не ордер на поголовное истребление. И с одной из стен Музея Атеизма сардонически улыбался школьникам Антон Шандор Ла Вей.

Но Наташа продолжала спать, в чём ходила. В её кругах приносиваться считалось дурным тоном, там присматривались, поглядывали на Север.

Неплохая подлодка «Курск» (curse – проклинать, the curse – выделение крови лунной) получилась бы из подземной норы, где в виде клуба Finis Mundi свила себе гнездо корысть сиамиких слизняков. Если обеспечить, задрать оба отверстия, можно устроить примерное барбекю. А если заранее установить асбестовые микрофоны, можно будет записать их молитвы и проклятия: Абракадабра. 418. Зиг Хайль. Зиг Хайль. 418. Абракадабра.

Из камня кожаный его плащ, на голове каменная ондатровая тубетейка. Когда-то мех её был пышнее. Но наступит

223

лее и сильнее, а значит, быть достойным носить имя своей семьи, нации, державы, изрыгающей реки нечистот, облака дыма и т.п.

Старые подозревают, что он побрезговал бы их дочерьми (или сыновьями, порой их бывает трудно отличить, вернее, легко заметить сходство), потому что девочки похожи на пап, а мальчики на мам. Поэтому Чорта, знакомства с ним, добиваются личности, способные критически оценивать качество своих родных и близких.

\*\*\*

Идущий пешком Сашка напоминал голую беременную в мушкетёрских ботфортах. При Леониде, таким как он, оставалось одно – упасть головой в лужу и захрюкать. СССР – прекрасная страна, люби её или подыхай, – шумели верхушки деревьев. Но никто не прислушивался к жестокому совету Природы. Выродков не трогали.

Сашке, и ему подобным мисфитам подарил свободу не кто-нибудь, а Рональд Рейган. Открылась выставка «Славянская блядь глазами еврейского дегенерата». Рогоносцы, отправляясь по воскресеньям в клуб филофонистов, чтобы дать возможность своим кошечкам, потешно двигая шеей, заглотив свою порцию вафлей, уже не боялись вставлять под мышку пластинки «запрещённых» ансамблей. Сашка бросил метлу, наслушался, притопывая мясистой ступнёй (как питурик в «молчании телят»), бахвальства знакомых рок-музыкантшек, решил, что пришло его время, и вытащил из-под кровати пару нестиранных носков, похожих на чёрные яйца, снесённые орлом в фуражку Гимmlера.

Рейган подарил свободу. Неудачные дети принялись карабкаться туда, где, как им казалось, их место, «с ловкостью бодма-

225

нов». И вот уже верный своему делу немолодой почтальон, простая советская женщина, тащит на четвёртый этаж посылку – три тяжелых тома заграничного мракобесия. Звонит в дверь – уже двойную, как трусы поверх колготок. Образуется щель, в ней возникает будто при лампаде смазанное мочевого позолотой лицо хозяина. «А! – сменяет он заготовленный гнев на милость. – Гершон Шмуль, «Основы каббалистики»? очень хорошо! Спасибо» – отрывисто лает он, глядя в бесхитростные глаза по ту сторону цепочки, принимает свёрток, и, не дав почтальону ни копейки, захлопывает дверь. Женщина какое-то время смотрит, опустив взгляд, на свою грубую служебную обувь, потом, вздохнув и поправив ремень сумки, от которого у неё на плече что-то вроде мозоля, спускается вниз, что, конечно, будет легче сделать, чем донести труды Герсона Шмуля на четвёртый этаж «за спасибо» от беременного в мушкетёрских ботфортах.

Рейган подарил почтальону свободу, и теперь у нее есть библия, откуда эта сошедшая с горестных пленок Галича тетенька знает, что врагам, «должникам» и прочим надо прощать. Тогда и ей простится, вот только что именно, непонятно.

А Сашка, положив «Основы Каббалистики» на стол, возвращается к прерванному письмоношей весьма важному делу: в спальне, чей воздух способен убедить в существовании газовых камер самого заядлого ревизиониста, у Сашки стоят недорогие дощечки, перед ними он опускается, стараясь не пердеть, на четвереньки, и, стучаясь лбом, касаясь животом натоптанного пола, бормочет молитвы. Дощечки не дают сумраку в углу поглотить раба божьего в свой пузырь. В эти минуты он похож на советского служаку, зубрящего иностранные слова в надежде, что его пошлют за границу, поближе к порнографии.

226

пешно засылал к нам разную гадость с крестом, с трезубцем, со звездой шерифа, с треногой хиппового пацифика. Там в данный момент находится Сашка, облизывается, говорит «бонжур», набивает портфель, роет. Он даже забыл о привычке зажимать ладонью задний проход, вставая с унитаза, чтобы не влетели туда бесы. Чтобы бесы, приняв облик Жида, Магомета или Чёрного человека, не проникли в дом, где золотится ссака.

Про ладонь, поднесённую к заду, Сашка прочитал, точнее, сделал вид, что прочитал в одном непонятном месте у Герсона Шмуэля (не сумел перевести). «А ну их к чёрту, всё равно никто не проверит», – вырвалось у него не в первый раз. При первом знакомстве казалось, будто Сашке известно множество вещей, которые при ближайшем рассмотрении оказывались, напротив, строго ограниченным набором суеверий. Запоздалые любители вечерних сказок, способные находить колыбельные мотивы во всем – от речей Гитлера до Metal Machine Music Лу Рида потянулись к философу, кладущему трикотажные яйца, как дворовая интеллигенция к рабочему, побывавшему в заграничье. Рабочий вполне мог принять однообразный комплект западного ширпотреба за разноцветное многообразие. И свободное спокойствие родной страны уже кажется ему чем-то нестерпимо нудным, вроде предпоследней баллады, в альбоме раннего Боуи. То ли дело дерущий кишки фальцет Иэна Гиллана, в долгой пьесе «Дитя интима». Сразу видно, реквием, перегруженный деталями переживаний души, скорбящей по еврейским атлетам (в прошлом солдатам), расстрелянным в Мюнхене.

Зло берёт, кишки дерёт, мама сиси не даёт. Но Рейган подарил свободу, и течет, осмелев, молодёжь по отцовской штанине путём всякого выделения. Какое-то число докатилось до Сашки, и среди них приблизился Хоронзон.

228

Но не один добрый боженка внушает Сашке страх. В полученных из-за рубежа шпаргалках он прочитал про Хоронзона, которого называет по болезненной детской привычке коверкать слова Чаронзоном, беса издевательств и насмешек. И когда после молитвенной стойки на карачках, от невыпотрошенной в пост хуиной смятки, от малосексапильных ласк Наташи, такой сырой и холодной, что у неё на лобке сырник не разогреешь, голова идет кругом, Сашке кажется, что Хоронзон где-то рядом. За спиной одного из молодых людей, служащих Сашке, потому что они видят в нём отца своих идей, за дверью туда... Поэтому Сашкой выработан целый ритуал оставления квартиры во власти демонов. Во-первых, радиоточка-пердунчик остается включённой на полу, чтобы казалось – кто-то дома и слушает, потом оставляют в уборной свет, чтобы думали – там кто-то серет. Лампочка светит на пустое сиденье, цвета топленого жира, и янтарные брызги мочи. Поднимать крышку без толку, она тут же падает обратно, словно хозяин этого дома на молитве.

Впервые имя Хоронзона прозвучало в московских квартирах, когда по ТВ показывали очередную серию «Хаммеровского Дома Ужасов». Сашка внушил себе, что однажды придёт другой почтальон, и жестом конского лекаря воткнёт через порог Сашке в шею остро заточенное гусиное перо.

А Рейган подарил свободу. И вот уже редкое для советских жилищ устройство «механический секретарь» оповещает: «Вы позвонили Коржову. Хозяина нет дома»... Моча на крышке, однако, обновляется, потому что за квартирой старательно присматривает Сашкин шурин Шельменко-денщик, преданный чете философов, как собака, иначе не скажешь.

А Сашка уже за границей. Там, где, по детской считалочке, «триппер, сифилис, бубон – собрались в один гандон». Откуда враг достаточно долго, как-никак почти 70 лет безуз-

227

\*\*\*

– Металикк Кэй-Оу! Слышал, да? Ох-ху-и-тельно, да? Он там поёт, типа девочка, ты типа чего, если ты раздвинешь ноги, у тебя туда проедет грузовик, мне Гага переводила с листа.

– Игги Поп вещь такой.

Две нутрии. Разговор двух нутрий. На ступеньках клуба «Морг».

А сын отцу задает вопросы:

– Папа, ты питурик?

– ...

– Папа, ты вафлист?

– ...

– На хуя тебе тогда был нужен Дэвид Боуи?

– ...

– Я думал, вы увлекались, когда были сцыкунами, рок-музыкой, а вы, оказывается, искали ширму, за которой можно пососать, делая вид, будто поёшь в микрофон иностранную песню, да?

– ...

– Папа, Гарик говорит, что в Советском Союзе, если человек после двадцати пяти лет не переставал выёбываться, на него показывали пальцем и говорили – вон ебанутый идёт. Гарик говорит, что к 26-27 годам у людей было по 10 лет стажа, и нормальный человек легко и почти с радостью порывал со своей якобы столь ценной молодостью, с проблемами, переставал колотиться по пустякам, начинал носить шляпу и портфель, делал аккуратную стрижку... Ходил на концерты приличных певцов. Переставал зависеть от капризов опустошающей душу и карман заграничной моды, этого Гёббельса, пидорасов, папа? А мама, я подозреваю, в курсе дела, да? Потому что когда вы ругаете фашистов и посылаете воздушные поцелуи Мерил

229

Триплер в экран, я убеждён, что вы сочувствуете не евреям, а тем, кто сосёт хуй и ебётся в жопу. А, отец?

– ...Что он... ещё говорит?

– Он говорит, что такой мужчина рано или поздно оказывается в положении Ивана Грозного, севшего жопой на магнитофон с Высоцким. То есть вы многое не знаете. Завтрашний день наступил на яйца. Израиль обречён.

– А он... верит... в то, что говорит? Не го... вори так, можно сказать «Карфаген должен быть раздвинут».

– Он говорит, что вера горы сдвигает, и, голосом Азияна, раздвигает яи... ягодицы.

– Кто... такой... Азиян.

– Эзотеррорист. Талант. Поэт эпохи глэм-рока. Абу-Нидаль слова.

– Азиян...

– Азиян!

– Абу-Нидаль...

– Всё это шито белыми нитками, хотя и поросло чёрным (в данном случае русым) волосом, худой седой дюк.

Отец переводит кукольные глаза с видеокассеты на зеркало, перед которым собирался покривляться, когда сын уйдёт, и обратно. «И-а, и-а» – работают эти Чортовы часы.

Отец вспоминает, как однажды в 76-ом одна девушка уговорила его надеть длинный, уже не модный сивушного цвета парик. Он вспоминает тогдашнее ощущение свободы, будто он, сбежав по трапу, опустился на колени и поцеловал протянутый руками мэра флаг, снятый с Капитолийского холма.

Что он ко мне пристаёт! Нормальные парни в его возрасте пишут рецензии про Милана Кундера, ездят, снимают. Вот попался бы ему вместо меня советский мракобес, из тех, что «не выёбывались», тогда бы он узнал, почём фунт глэм-рока. Нет, всё-таки есть хорошие ребята – вот этот с глазами газели, да,

230

\*\*\*

Некоторые вещи звучат на короткой волне неудачно. Первые две песни Дэвида Боуи я услышал по Голосу Америки достаточно рано, но запомнил одни только названия, объявленные диктором по-русски: «Бог знает – я хороший человек», и год спустя «Стереги (!) этого человека». Потом Вова Фирер поставил мне эффектное вступление третьей пьесы с альбома «Pin ups». Видно было, что Фиреру Боуи не очень. Они тогда разучивали дома каждый свою партию, старались понравиться. «Глафира», Жэка Гейнсбарр, Ноздрик. В их распоряжении вокруг крутились естественные девушки, не похожие на уборную в Мак Дональде, где из вас выдавливают мыльную эмульсию, и жизнь даёт трещину при слове «жид». Девушки хотели понравиться. Ребята репетировали. Конечно, все они притворялись страшными фарцовщиками, гангстерами, дон-жуанами, а были всего лишь не очень жадными энтузиастами попеть-поиграть, вроде ливерпульских парней, только всё же чище, в советских ДК в отличие от подвалов, где дёргались битласы, существовали туалеты, в Англии, как в эпоху Анжелики, моча лилась на стены.

«Глафира», пережив юность в начале упоительно-романтических 70-х, вскочил на ковёр-самолёт эмиграции, слез за океаном, где, по-моему, не стал никем особенным. Изображения певца с костлявым лицом, поющего «соси, младенец, соси» стоили дёшево, но перепродать их было невозможно. Наивный Лёня «Высоцкий любит вкусное заграничное вино» Овчаренко пролил гольх тётки, Азиян тоже мог бы взять, но тогда бы меня ожидало его «сказал отдам значит отдам»; остальные мальчики, несмотря на явное членство в эластичном гитлерюгенд Жорь-пидораса, делали вид, что не понимают, зачем им фото этой лисицы, ни капли не похожей на жирных женщин из Ди Паул.

232

теперь ясно, откуда такой уродский юмор – плечи настолько узкие, что птичка покакает и промажет. Фу. Странный мальчик – Фикрат Ососков. У него наверняка мама русская, а отец – откуда бы вы думали – из Баку. Моя мама из дворян, а отец из обезьян. Последний раз один газелий глаз украшала чернильная блямба. Попался. Попа-па-па-па-попался! Юношам с газелиными глазами не всегда... Газели глаза не для того, чтобы видеть одни фиги. Конечно, его окликают: «Фикрат!» И когда он оборачивается, задают едкий вопрос: «Шо? Навёл резкость?» И бьют. Фу. Это всё из-за плеч. Плечи для юноши – это грудь. Это ноги, можно сказать. Ворот рубашки – это, буквально так сказать, подол. Сорочка – это юбка. Короткие ноги можно удрапировать простыней (желательно тёмной) и забыть о них, и не вспоминать о них. Способность быстро забывать неприятное говорит о здоровье того, кому неприятно на них смотреть... John, I'm only dancin'. Чего он привязался. Песня-то какая!..

\*\*\*

Соррор Панихис: «Let's see those shoulders» И что ж это за плечи, ну-ка поглядим. Говорила Соррор, словно переворачивая страницу Финского Тома, и Мисс Молли (мистер Шпиц) танцевал в Доме Голубого Света (Доси Шандоровича), приходил в пять утра, ломал мебель. Соррор услышала фразу в картине «Зловещая нужда»: «Let's see those legs». Плечи юноши – приговор, позволить ему, так сказать, декольте, или – хуй. Даже у слуг Дьявола с тихим голосом, в груди переливается двуголосие братьев Эверли, оно перетекает в кончики пальцев, и вы превращаетесь в читателей порнографии специально для ослеплённых, для тех, кого лишил зрения Sinister Urge... Так вот у Ососкова Фикрата плечи были, говоря словами Андрюши Баяндурова, не просто средней паршивости, а вообще никакие.

231

Но я продолжал таскать вырезки и миниплакаты в портфеле. Я не хотел снимать скальп, я только хотел поправить причёску. Я ставил опыты, артист, пропагандирующий питуризм, должен действовать на нервы тем, кто стремится, но не рискует попасть в эти круги. «Глаза... Посмотри, какие у него демонические глаза?» – внушал я Жориному фавориту Тодьке.

– Хи-хи. Накрашенные, – отвечал без улыбки мальчик в майке, по-взрослому просвечивающей сквозь белую рубашку. Он явно пытался казаться наивнее, тупее, чем уже был.

– Нет, Игорь, это глаза демона, предки боятся его больше, чем Пентагона, он путает предков больше, чем Пентагон. Вспомни, год назад Гитлер был для тебя чудовищем, а сейчас – свастика указывает тебе путь к совершенству и свободе?

– Папа сказал, что у нас с тобой роман.

– It ain't what you eat, it's the way how you chew it. А папа не сказал тебе, почему мотоциклисты носят кожу?

– Не, а шо?

– Потому что ситец мнется.

Его начали покупать помногу, когда я перестал притворяться подростком. Набат отрицал Элис Купер, Кулдон гнушался Боуи, позднее Рыжая Скотина брезговал Лу Ридом, не потому, что боялись обнажить неприятную сторону моей персоны, а как раз наоборот, они не хотели, чтобы я ради холодной остроты истязателя вынудил их признаться в сотрудничестве с Жоррой. Мои опыты походили на попытку оттянуть верхнюю плоть собаке, которая этого не хочет.

\*\*\*

Нат-таша, потеющий кальвадосом кандидат, сорока с лишним лет, не гнушалась детьми Жорь-пидораса, её флирт успешно опровергает консервативное мнение, что женщина, сменившая гамашу на мини, непременно должна быть исполосована

233

ножом кричающего потрошителя. Поэтому, когда Фикрат сообщил ей о том, что в клубе «Finis Mundi» состоится концерт играющей гаражный рок группы «Срaчкерз», Нат-таша решила, пизда вдребезги, но я пойду, пойду... Она разделась у зеркала, под которое пряталась от папиных попыток изгнать Хоронзона некрикливая девочка Дороти. Подняла пятёрнёй одно гнилое яблоко, за ним другое. Будь оно проклято, это кормление! Подержала за пальцы левую ступню, ошупала ягодицу. Призадумалась... Крюк давно бросил бриться, но где-то должен быть в этом доме станок.

Наташа пошла и вымыла голову. Волосы, обсохнув, стали пышнее, но лицо в их обрамлении смотрелось бескровным и перекошенным. Она вспомнила, что справа у неё нет зубов. Зазвонил телефон.

Фикрат лопотал что-то влюблённо-нескладное целые пять минут, наконец, она (без особой охоты) оборвала его излишние праздным вопросом: «Ну а как хоть альбом-то будет называться, а? Вы ведь мне так и не сказали! Что? Вы шутите, Фикрат! Вы не шутите!?! «Серани Серрано шейк»? не может быть! Помоему, это слишком в стиле Гарри Саладиновича Осипова, будь он трижды проклят... Что вы, Фикрат, зачем, не надо, пусть живёт... Говорят, его снова видели с этой жуткой еврейкой. Да... У-гу... Это только доказывает, какой Саша доверчивый человек... И впредь нужен строжайший фейс контроль... что? Фэйс контроль? Саша тоже считает, что надо произносить фэйс контроль. Да... Да. Да! Пускай внесут в список Коржова Наташа... Нет, просто Наташа + 2... Конечно... как ты мил. Пока».

«Stone Fox» – Наташа бесшумно произнесла губами фирму на ярлыке. Она уже дважды надевала эту короткую юбку, ей очень хотелось показаться на люди с открытыми ногами, но импортная вещь, скроенная по моде самого конца 60-х, была узка. Спереди выпирал живот. Нат-таша пробовала его втянуть, но по привычке только сильнее надувала щёки. Она уж думала

234

ку нужна приличная сумма, выдали её. Юноша не пил ничего, кроме пива, пивка, как любили говорить супруги Коржовы, когда у них ладилась дела. Курение его уродовало, втягивая дым пивачными губами, он ещё туже сжимал узкую грудь, и совсем превращался в червяка-трубочника. Поэтому Фикрат старался смалить в одиночестве, сидя спиной к двери.

«Мы выкурим их завтра, – сказал бы Парасюк, окажись и он в тот вечер в клубе «Континент», – BUT TONIGHT THEY PLAYIN` OUR SONG». Голливудские цитаты, которыми был набит Парасюк, сильно тускнели, если удавалось выяснить, из каких ничтожных первоисточников они взяты. Но никто не выяснял.

Свесив волосы в скобочку, Фикрат разглядывал загнутые носки своих староверских сапожек. Он ожидал появления Натташи из дамской уборной. Юноша подозревал, что над ним смеются, но самому смеяться не хотелось. Он хотел, блаженно улыбаясь, рассказывать о своём чувстве к женщине сорока с лишним лет, разучившейся отдыхать, добившейся совершенства только в одном виде кокетства – притворяться обезьянкой со свастикой в центре малиновой задницы. Фикрату хотелось... показать доброму боженке хуй... Здесь он вздрогнул и понял, что от волнения задремал. Нат-таша стояла перед ним, сверкая линзами, ноги её были открыты выше колен.

– Значит, вы всё-таки решили избрать для появления в этом значном месте доспехи традиции, наряд кшатрия-инока, что ж, он вам к лицу, а я, как видите, не удержалась и решила, ха-ха, пофрантить. Что ж, по-моему, это весьма пикантно, авангард и традиция, новомодно и старинно. Здорово, Фикрат, вы смотрите просто здорово, я вас даже, я вас даже... поцелую.

Всё равно, что от гуся ждать лебедя, всё равно, что за снегом идти в Африку, так однажды решить, что ты полностью, полностью, полностью разбираешься в женском характере.

не надевать под низ рейтузы, оставить одни колготки, но очень уж некартинно выглядели не очерченные трикотажем её бёдра.

Добротная дорогая вещь. Деньги – крылья. Давно ли они с Сашкой доходили в экономическом мазохизме до крайностей. Стирали хозяйственным мылом. По капле выдавливали разливной кетчуп на чёрствый хлеб. Но Александр, всегда спокойно-непререкаемый, твердил, закатывая глаза: Всё должно быть трансфер. Всё должно быть тр-ранш. Мы им ещё покажем. И вот, пожалуйста. Давно ли они, опасаясь расправы, сжигали портреты... Сашка даже сбрил бороду и выходил на улицу, нацепив очки без диоптрий. Расскажешь – не поверят. И хорошо, что не поверят.

Женщина по-обезьяны быстро влезла в юбку «Stone Fox» и обвела взглядом супружескую спальню. «Ебись оно конём, пойду и точка», – вслух выругалась Наташа. Оставалось важное, но противное – макияж. «Э-э», – она показала язык дощечкам своего мужа в правом углу.

\*\*\*

«И-а, и-а», – чудили эти Чортовы часы бесконечный припев, не переходя к следующей фразе «моца хуца пырва цуца», чтобы не наступил конец света.

Королевич, да и только. Для появления в клубе «Континент» Фикрат Ососков нарядился старовером. Бритоголового бандита из него всё равно бы не вышло – не те плечи, глазища величиной с косточку от персика, и обезоруживающая, как мирные инициативы обрезанных псов, конфетная улыбка до ушей. Она делала его похожим на молодого Бортникова в картине «Взорванный Ад» и на умершего от саркомы музыканта по кличке «Пианино «Ленинград», впрочем, кличку эту знали немногие. Родители Фикрата, настоящие интеллигенты из арабского фильма, были склонны к маниловщине, и, выслушав, на что, собственно, их мальчи-

235

Староверские лахи стоили недёшево. Индпошив, снятие мерок плюс сапоги. Наташа прикинула Сашкину долю в этом заказе. «Не будь циником, мама, НАШУ долю», – окликнул её из воздуха муж. Зная стоимость костюма, что был на Ососкове, получалось, что юбка «Stone Fox» досталась ей за копейку.

– Прикидываешь Мама, – вспоминает она последний разговор, – чтобы развести жида не деньги, пришлось три часа рассказывать ему про хасидов.

– Какого жида, Саша?  
– Ну этот, Либников, толстый.  
– А-а, тот, что тебе подсурил Попович?  
– Экзактеман. Три часа!  
– Ну и как? Будет он башлять?  
– Нет, он фактически послал меня на хуй.  
– Не может быть! Этот Либиков не понимает, с кем имеет дело.  
– Либников, Мама. Либ-ников. Будешь сосиски?!

\*\*\*

Бит-группа «Срaчкерз» тоже не теряла времени. После двух инструментальных пьес, написанных специально для электрогитары лет сорок назад (под эти записи в украинских радиоточках и по сей день читают «оголошения»), молодые, но уже не такие молодые, после трёх лет тупого репетирования люди, навинтили микрофоны и заиграли собственную вещь, давшую название целому альбому, на стихи поэта Медведкина, по прозвищу Люгер:

Зиверс Ганц – Памиранц,  
Парасюк – это Люк (Крюк)  
Бит – это Ливер  
Пуль – это Зивер  
Сруль – это cool, cool, cool!

236

237

Шейк Серани Серрано  
Шейк  
Всё шевелится  
Шейк  
Йеа-йе? – Йеа-йе!  
Йеа-йе? – Йеа-йе!  
Яга-дяга, дяга-дяга,  
Даййй яга-дяга...

Исчерпав собственный материал, пареньки в полусапожках под битлов стали петь классику той эпохи, старательно шкрябая по струнам и, упиваясь тем, что их полусорванные голоса обрели, наконец, ленноновскую истошность. Слушать, в общем, было можно, несмотря на опостылевший тезис о старом и добром. Кое-что они, конечно, подцепили и на «Графских развалинах», чей потешный ведущий не явился не то из-за свидания, не то по болезни. А перед самым финалом конфузливо изобразили версию «Ещё раз о Чорте» Александра Галича в том виде, какой её поёт Папа Жора с ансамблем «Ростовская нота». «Чорт» в смелом Жориним прочтении сильно отзывался «Луи-Луи», самым говнистым, затёртым и одиозным номером из всего гаражного нафталина. Жора не любил новизны, по клубам не появлялся и редко знакомил между собою своих собутыльников и сосок. Поэтому те, кого это беспокоило, считали Жору скрягой, холостяком и калекой. Жора не возражал.

\*\*\*

Ближе к одиннадцати в «Континент» заглянул Рем Нагульнов, умный и восприимчивый любитель хорошего кино и музыки и, похоже, человек, верный своему долгу. От его доброго взгляда не ускользнула компания мисфитов, сидевших на лавках у отодвинутого в сторону стола. В центре разместились Нат-

238

пробасила костлявый панк-сорванец Наталья Боровец. Какая-то одинокая поэтесса улыбнулась, помолодев на 10 лет, и скромно промолвила: «А я вас совсем другой себе придумала»... Барбара Бирозка, учёный из Германии, рыба в воде русской контркультуры, напротив, очень серьёзно говорила о необходимости большого интервью журналу радикал-феминисток, где ее подруге Гаге посвятили восемь страниц, и отмечала Нат-ташино сходство с первой женой Фассбиндера актрисой Маргит Карстенсен: «У фас есть фсе шансы, фи только... some se dice... Имяджен... саделяться антииконой нашей порьпи».

Мальчики, кролики, комарики-зубрики, все, у кого между ног болтается, а не сквозит, кинулись сорить отмусолёнными из партийной кассы рублями, бегали, чтоб не ждать официанток, к стойке, за дорожкой клубной водкой, и до клёкота в горле, быстро выпивали за здоровье победительницы.

Расставаясь со своим длинношеим паладином у сложной закодированной двери, Наташа тяжёлым шёпотом произнесла только одно слово: «Завтра».

Первое, что она увидела под утро, когда, нашарив очки, оторвала спину от одеяла, которым так и не воспользовалась, был распакованный в беспамятстве вчерашний приз – телефонный аппарат-пальма с двумя наушниками в виде кокосовых полушарий.

Краситься Нат-таша не любила, однако удалять с лица вчерашний грим ей хотелось ещё меньше. Сашка, её гениальный Сашка, которому никто кроме неё и Шельменка-денщика не говорил «ты» не приехал, как обещал, вчера ближе к вечеру. Значит, снова пишет что-то, возможно, давно задуманную историю раскола, постигшего всех, кто в его партии. В ванной она не стала доставать провалившуюся за раковину щётку, просто, выдавив из тюбика на язык детской зубной пасты, поймала ртом струю из крана, и прополоскала его как следует. Чтобы не

240

таша, её с чем-то поздравляли, раскачиваясь на каблучках прелых лаптей, привычные посетители концертов такого сорта.

Глаза Нат-таши посоловели, позабыв о воспитании, она отогнула ноги в тесной юбке, как африканская студентка. Она устала. Сегодня ей не надо было больше ничего.

Фикрат Ососков, выткнув в табачном задымлении из староверского ворота свою аршинную шею, дивился Наташиным коленкам и животику. Газельки чичи осматривали даму с преданностью и блаженством. Жена Крюка Коржова в таком месте была почётным гостем, типа Садко, и привёл её он – Фикрат. «Хорошо, что я настоял», – Ососков гордился своим поступком, словно глазом, подбитым за революцию.

Нагульнов, погладив указательным пальцем правый ус, мысленно сфотографировал пассажиров этой подлодки дураков. Что бы сказал Парасюк, усмехнулся он, увидев Наташины коленки открытые и раздвинутые так неосторожно: «Дывлюсь и бачу...?»

В полночь, когда на невысокой сцене уже горбились совсем другие гитарасты, Нат-ташу Коржавину (так она подписывала свои публикации, впрочем, немногочисленные) ожидал ещё один триумф. Она одержала победу в не совсем обычном, даже, пожалуй, оскорбительном конкурсе. Почти все люди, знаменитые и безвестные, кого-нибудь напоминают. Покойник Клод Франсуа, например, при всём своём магнетизме имел неоспоримо лягушечьи черты, крапо блонд в стиле йе-йе. А профиль Сержа Гензбура – черепаший. Есть люди-мумии и люди-ёлочки. Нат-таша Коржавина, кандидат философских наук, в 44 (now it can be told) года заняла первое место в конкурсе «La Donna Schimmia '2000». Ей досталось звание «Лучшая женщина-обезьяна столичных клубов», кроме того, в награду ей всучили подобающий этому титулу сувенир – Кокосовый Телефон.

Никто не думал глумиться над победительницей. «О-ху-итель-но. Лучше поздно, чем жамэ. Поздравляю, тэзка», –

239

возиться, быстро залила вчерашним кипятком растворимый кофе, щедро подсластив, выпила. «Здоровски, – произнесла она, по-птичьи двигая головой, – Хорошо, что Шельменки забрали нашу Дороти».

Теперь и глаза её вращались по-птичьи, вне зависимости от того, куда были направлены её телодвижения. «Охо-хо, всё необходимо срочно стирать», – проговорила она, потянув носом воздух, и заперлась после этих слов в туалете.

Воротясь из уборной в спальню, Наташа свернула в рулон свою «соблазнительскую», как она назвала её, жеманься, парадную юбку «Stone Fox» и спрятала в импортный шифоньер, чью пыльную крышку покрывали стопки грампластинок с записями православных хоров. Переодевшись в привычное домашнее трико, она сразу почувствовала себя хозяйкой своих переживаний. Дважды изобразив в зеркале, где под тумбочкой, если вы помните, любил прятаться её ребенок, обезьянку, Наташа почесала щиколотку большим пальцем другой ноги и погрузилась в оцепенение наедине с кокосовым телефоном.

При этом мозг её действовал, безустановочно рождая мысли, мысли, мысли. Одна среди них должна была затмить своих предшественниц и решительно потребовать своего воплощения в действительность. И скоренько Коржавина припомнила, как, ступив в прихожую без четверти два, выдернула шнур «пердунчика» из сети со словами: «Да заткнись ты, надо-ел». Как жалела, отходя ко сну, что ни разу не потанцевала с Фикратом на глазах у всех этих малолетних прощелыг. Разумеется, это дело поправимое, можно и дома, вот только Александр увёз кассетник на дачу, чтобы размножать кассеты со своими лекциями... А большой проигрыватель, увы, йок. Незаметно для себя она роняла плевелы интеллигентского жаргона, выдавая свой возраст.

241

\*\*\*

Трр-Трр, – произнесла она, поднося кокосовую трубку к овалному уху. – Анненэрбэ слушает.

Трр-Трр, – почти в то же самое мгновение позвонили в дверь. Накинув байковую рубашку и просунув ноги в допотопные шлёпанцы с пряжками в виде ромашек, Нат-таша таинственно, высоко поднимая колени, пошла открывать. За дверью терпеливо ждали. Открывать предстояло три замка, засов и цепочку.

– Вы?

Фикрат обмотал шею вязаным шарфом, синее пальто чуть ли не до пят превращало его в небывалой длины сосиску с надеждой на верхний конец головной восточного гермафродита. Сосисок в доме Коржевых было истреблено немало, и на сей раз, Нат-таша тоже нашла причину предложить их своему поклоннику.

– У вас усталый вид, Фикрат. Будете сосиск... и-и-пчхи!

– Я долго не мог заснуть. Я...

– Вы фантазировали, да, Фикрат? Вы фантазировали, как всё это произойдёт. Александр не приехал. Он, как всегда, на переднем краю, и не нам судить... не нам судить... А я вот не фантазировала... Решила, как произойдёт, так и произойдёт. Выпьете водки? Я знаю, где у Саши спрятана хорошая дешёвая водка... У? Так я наливаю вам? За нас... Хотите посмотреть, как я буду перед вами... раздеваться медленно под музыку. Такой бурлеск. Какие позы буду принимать. Я должна знать, что вас возбуждает. Вы мне нужны. Потому что одна я не справлюсь с борьбой за дело, за наше дело. Потому что через два, максимум три года жиды оторвут моему мужу голову, а всё остальное он оторвёт себе гораздо раньше. Только я не буду переодеваться в нечто обольстительное. Мне есть во что, но ради вас – не буду. Вот стул... Садитесь и наблюдайте во все ваши миндальные глаза,

242

вится оттягивать ворот синтетической майки, так, чтобы оголялось жёлтое плечо, приспускать трикотажные гамашы, развернув бёдра таким образом, что между ног возникает просвет в форме обезглавленной пирамиды. Она то и дело подмигивает и надувает щёки. Богатый опыт спутницы не совсем здоровых мужчин подсказывает ей – это как раз то, что им надо. Если бы только поскорее почувствовать прилив крови к ушам, верный признак персонального возбуждения. Молодой человек от шеи до мочек окрашен фиолетовым румянцем. И Але-Оп – Наташа опускается голым задом на капроновый детский горшочек и смотрит в глаза Ососкова насмешливо-поощрительно.

– Иногда, ф-фу-ух, задыхаюсь, когда пластинка заедает в одном месте, я повторяю одно и то же движение, пока не надоест. Знаете, как это приятно, а, Фикрат, знаете? Смотрите, нет, идите ко мне, нет, смотрите, а потом идите... Когда бы грек увидел наши игры...

\*\*\*

Окажись Парасюк свидетелем танца семи Наташиных покрывал, он, наверно, и вправду сказал бы за спиной Ососкова только одно: «Дывлюсь і бачу пізду собачу?»

244

уверена, ничего подобного вы ещё не видели, иначе не пришли бы в нашу организацию... Переспим прямо здесь. Вы же пришли, чтобы переспать со мной, не так ли, Фикрат. И жизнь откроется нам с совершенно иной стороны. Вы спросите, а где же музыка! Я тоже думала, что её не будет. Но – судьба благосклонна к влюблённым Кали Юги... Дело в том, что Саша, Александр, утащил наш панасоник на дачу, переписывать свои лекции.

Нат-таша опускается на четвереньки перед кроватью Дороти. Увидев просвечивающий через протёртое трико её тествообразный зад, Ососков проводит языком по своим синеватым губам. «Совсем как у Бодлера», – не забывает подумать он, всё ещё до конца не уверенный, что хозяйка дома действительно будет раздеваться перед ним под музыку.

Это электрофон Дороти. Бесхитростный чемоданчик из вишнёвой пластмассы, не вызывающий сомнений в своём невинном предназначении. Устройство для проигрывания пластиночек детям, чтобы они меньше варили воду взрослым.

Наташа подбирает пластинку с видом опытной растлительницы маляров, истопника, дворника. «Что Вы так устались на мою попу, Фикрат, – интересуется она, не оборачивая головы, – ищите хвост?»

Наконец музыка, которая будет сопровождать коржавинский стриптиз, подобрана. Это квартет «Аккорд», «Чунга-Чанга». Под неё уже танцевала зимой олимпийского года женщина-обезьянка – в варьете Миши Плотникова с геополитическим названием «По морям и океанам».

Опускается иголка. В сухое шипение динамика врывается треск заезженного, подаренного кем-то, чьи дети уже подросли, диска. Почему кем-то, Шельменко-денщик принёс. Нат-таша неоднократно изображала пляшущую обезьянку капризной от своего недуга Дороти. Но теперь она танцует для Фикрата, пришла пора избавить юношу от некоторых иллюзий. Ей явно нра-

243

## ТОВАР ДЛЯ РОТШИЛЬДА

*Геринг: ... тогда же мною было сделано замечание, которое вас, похоже, очень интересует.*

*Джексон: Рассмотрим это замечание: «Мы отдаём им часть леса, и Гапоненко будет следить, чтобы животные, похожие на них – олень с кривым рылом – попадая к ним за ограду, там и оставалось». Вы тогда ведь именно так выразились?»*

*Геринг: Да, это мои слова. Но чтобы их понять, необходимо попытаться представить, в какой атмосфере происходило заседание. Геббельс придрался к этой фразе и сказал, что находит мою позицию провокационной. Я мог бы ответить, что меня провоцирует как раз его внимание к пустякам при обсуждении решающих вопросов.*

*Тату на бочине московской клубистки сразу делает её похожей на уборщицу-гермафродита из написанной двумя евреями книги «Женская сексопатология», изданной, когда Юдолия ещё называлась Советский Союз и татуированные женщины выше мытья туалетов не вскарабкивались.*

– Кто там?

– Сруль, Продавец пилюль.

Механический секретарь: «Люди, я в Германии». Среди кунаков полевого командира Гамадрила Магомадрилова особой любовью пользуется пытка «Паранджа Сруля». Похищают деревянную башку, сажают в «Курск» – наполненный нечистотами погреб. Предлагают пленнику сменить веру якобы на «ислам», если тот упрямится – надевают на голову нестиранные

245

колготки, полученные по каналам Шайтан-баши от Сруля (их обычно крадут в Симензе), через несколько секунд жертва готова отречься от чего угодно, только бы убрали подальше от носа эту вонь. Люди Гамадрила на самом деле язычники – идола, которому они поклоняются, зовут Винсент Прайс. Кто это такой, они не знают. Сруль тоже. А жертва податливо.

- А я уезжаю в Германию.
- Ты же хотела привести в порядок бёдра?
- ?.. Ты хотел сказать окорчка твоей белой курочки?
- ... Они грязные.
- Кто же моет окорок, глупый!
- А что тогда?
- Глупый, его копят.

Сруль насра(зочарова)л. Точнее, развитие Сруля пошло привычным путём. Сруль изменился к худшему.

Акушеры из «Штерн» подробно изучили внутренне устройство Сруля. А мы тем временем наблюдали её переживания, симпатии и т.д. Такой Сруль нам не нужен. Любой может стать одним из нас. Когда мы говорим о полноценности, речь идёт не о расовом или половом превосходстве. Мы смотрим, способно ли существо вести личную коварную войну. Сколь искренне любит оно ложь и злобу. Как далеко простираются его заблуждения. Серьёзно ли оно собирается обманывать своего Владыку и повелителя.

У Сашки выкрали желянку, где он хранил деньги от продаж своих книг (об этом писали, выражали соболезнования под видом успеха шимпанзе).

- Боченок?
- Желянкую шкатулку.

В этой банкноте – 10 големов, 20 белых доминиканцев и милый ангел – глумятся похитители, пропивая мартышкин труд (loot).

246

мой Сруля. К берегам невозможно причалить, невозможно пробраться по суше. Последний раз мы выпивали на старой плавучей пристани в феврале 93 года. Я и Юлик Фогель. Солнце уже садилось за остров Хортицу, когда мы пришли туда, чтобы вспомнить минувшее, своею яркостью способное превратить данную выпивку в ещё одно романтическое воспоминание.

Если они не могут стащить майку с рекламой, как они избежатся от буржуазных предрассудков? Их предки покупали у Сруля квас, и за это они водить вокруг Сруля хороводы: «Это же наша квасовщица!»

Юлик бухал не первый день, и это только подчёркивало его сходство с некоторыми героями Николая Рыбникова. Проглотив полную стопку у меня дома, он запил её кетчупом прямо из горлышка. С вымазанным, будто окровавленным ртом он стал совсем похож на киноактёра. Помесь Марлона Брандо и Рыбникова, чтобы было понятно тем, кто читает эту вещь («Товар для Ротшильда») и смотрит старые фильмы. Нельзя сказать, что Юлик многое помнит и сознательно ценит, но подробностей об эпохе летних кинотеатров, луна-парков и кафе с польскими джюк-боксами ему известно немало, это написано на его обветренном лице, читается в его усталой улыбке – тюрьма, завод, чувихи, чувихи, чувихи. Сколько вечерних сеансов позади, спецотделов, выкуренных до фильтра сигарет, отражённых и пропущенных ударов...

Всё это позади. Оно не может, не желает пересечь границу времени и оказаться снова перед твоим усталым, но тоскующим взглядом. А оказаться в нём – значит прекратить существование. Это называется умереть от любви к живому прошлому. Юлик Ломмель не мастер рассказывать, он считает, что я лучше разбираюсь в деталях, но я уверен в том, что он знает. И поэтому мы не договариваясь пришли сегодня вечером на этот плавучий причал, потому что, когда перед тобою пустынный

248

Сруль не подошёл по той же причине, что и Прачка (Смрады сибирские), Татьяна Рыхлая, Татьяна Дряблая, Титирь, одна и другая. Их всех стубила приверженность общечеловеческим ценностям. Юноша-сатанист похож не на «сатану», а на упаковку, откуда он вылез, на тех, кто покупали ему плейер и скейт, на женщину в немодном молодёжном костюме, перед которой он в неоплатном долгу. О чём бы не пел должник, всё будет звучать, как просьба об отсрочке. Чорт знает. Чорт старше.

«Страх плафонов или плафонобоязнь» – роман молодого прозаика из Твери, преподающего семиотику в Торонто.

## Сруль и Плафон.

Этот Осипов подложил мне адскую свинью. Я не заметила, потому что спрыснула голову лаком для волос, чтобы не чесалась, чтобы челка держалась, когда я одевалась, он – незаметно принёс, незаметно надел мне на голову Пыльный Плафон ничего не сказал, мусульманская тоже натура, ну а я как последняя дура пошлагала на вечер поэзии в клуб «Камертон».

Берега взывают к мести. Блокированы сайты Хизболла. Берега взывают к мести. Байконур покинула 666-я ракета. Берега взывают к мести. Осипов нерусский, его нельзя представить верхом на лошадке. Берега взывают к мести. BLOOD AXIS оказались в положении Ивана Грозного, севшего жопой на магнитофон с Высоцким. Wake up, it's tomorrow! Лишь оставила стая одного с перебитой платфор-

247

пляж на другом берегу, почти до самой воды заросший кустарником, и вот уже много лет никто его не посещает, там нет рекламы, ларьков, переправа тоже не работает, легче вспомнить то, что осталось позади, острее ощущается за спиной близость живого прошлого.

Правда о тех, кто опекает Сруля. Барбара Бирозка одна из опекунов. Не новая, правда западногерманская. Её уже слушали. «Не спрашивай меня за Барбару» – была такая песня у Бобби Ви. Я – Бобби, а Ви? Бирозка родом из Бьдгощи, некогда немецкого города Бромберг. В среде дешёвых берлинских авангардистов схрюкалась с лидером группы «Сосух» (Копчик) – неопрятной личностью по фамилии Блях, поступила без экзаменов, как жена жертвы холокоста. Одна из наиболее зловонных звёзд в созвездии Приоткрытая Ширинка. В левой подмышке – Маркс, в правой – Энгельс, между ног – Старовэр; похожа на кожаный самовар.

Словно изпод земли, нет, скорее, как в «Эксперименте доктора Абста», из воды на поплавок выскочили два морских епископа. Оба среднего роста, но стройные. На каблуках, но не мексиканского типа, а скорее под Рафаэля, когда он поёт в «Пусть говорят» предпоследнюю песню. У епископа с бакенбардами на голове сидела пыжиковая ушаночка, но не до такой степени, искажённая, как у Сермяги. Второй выглядел прилично, но был менее различим. В феврале темнеет густо и стремительно, главное попасть в этот надрывающий сердце промежуток, по доброй воле, потому что всё, что связано с морскими епископами, принадлежит истории Третьего Рейха, Халифата Благоденствия Сатаны; когда в бурю равноденствия изображение вспыхнет на экранах проклятых аквацефалами Юдопии летних кинотеатров. И на полотне экранов размноженная языческим кинопрокатом Леонида откроет глаза ведьма Джульетта, и все слова дьявольского возмездия, осыпавшиеся с магнитных плёнок, про-

249

звучат в ночном воздухе, и достигнут острых ушей верных долгу, оповестив их о начале Великой Резни...

Холодный сумрак сковывает слух и зрение, слова барабаният, словно о цинковую перегородку, и, как нигде, понимаешь в этот час, насколько ты враждебен происходящему вокруг, где тебе тысяча незатоптанных цыплят давит на психику «не говори при нём так, потому что у него мама»... Когда стремишься выжить, а тебя толкают в тысячу ненужных направлений, не крой матом, не передразнивай толстяка, не подавай вида, что тебе противно ебать Лену Белую, потому что она...

Чорт знает, сколько лет в феврале от Днепра веет холодом. Епископы достали по поллитре вина, тот, что с бакенбардами, зубом сорвал с обеих бутылок капроновые колпачки. Промочив горло, епископы заговорили о рыбной ловле. Юлий Карлович вдохнул поглубже и глухо окликнул: Привет, Толя! По-прежнему «Белый кадиллак, костюм с отливом и роскошная блондинка на заднем сиденьи?»

Морской епископ, сразу же стало ясно, что между нами три шага, не больше, оборачивается, сверкая невидимым золотым зубом: «Ты забыл «чёрные очки», Юлик. Кадиллак, костюм, блондинка и чёрные очки».

Мифические рафаэли пьют вино с таким неторопливым удовольствием, немного жаль, что у нас опять водка. Понятно, в руках у них не «міцняк», не «солнце в бокале», явно новая отравка, но морским епископам и она не вредит. Двести «любительской» похожи в полутемноте на халву, они тоже с теперешнего мясокомбината, но выглядят, точно ждали, когда ими закусят достойные люди, года с 69-го, когда пел про 11-й свой маршрут друг Толя, бесподобный солист Анатолий Королёв.

Даже хорошо, что в этот февральский вечер никто не станет вдаваться в подробности баснословных времён, которым мы все, собравшиеся на причале-поплавке без предварительно-

250

террористами-мракобесами не по пути. Потому что в случае (кстати неминуемой) победы мракобесов-террористов над добрыми лобителями Запада их ожидает смерть. Подпись – Blood Axis (Кровавый Таксист).

– Парасюк, я никогда не мог до конца понять, что ты говоришь, но мне всегда кажется, когда ты говоришь, что это голос из глубины моей собственной души.

Морские епископы удалились туда, откуда пришли. Два года спустя эта часть левого берега будет отрезана от суши цементным забором. Резиденция Нападающего станет похожа на голову любовника, увидевшего летающий, или пытающийся оторваться от земли гроб. Где ж ты так поседел? Такая седина бывает разве что у тех, кого задержали с партией порнографии в багажнике «Запорожца» на венгерской границе.

Я не стал спрашивать Ломмеля, кто это был, так же и морские епископы не поинтересуются у него, кто это длинный, где то мы его видели. Мы все друг друга видели, потому что остановились в одной точке – «Днепр-11». Иногда мы посещаем «Весну-2». Немёртвые среди мёртвых и неживые среди живых. Мы не можем причинить большой вред современному обществу. Не больше, чем не протянуть руку тётке, поскользнувшейся в проливной ливень на асфальте.

– Вот, Юлий Карлович, мы здесь с тобою сидим на крышке от КАМАЗа уже почти два часа, повидали морского епископа и не мёрзнем. Мне нравится, когда возвращается то же самое, то, что успел полюбить, потерять из вида. В такой атмосфере, когда темнеет, я переживаю прилив спокойствия и мощи, как будто это восход солнца. Сумерки заковывают меня в доспехи. Невидимая рука ставит мелодию, которую тщетно искал, ожидал услышать, пытался воссоздать по крупичкам, отслеживал в старом фильме, где она и звучит-то считанные секунды в обрезанном склейками эпизоде... Ты, кстати, помнишь, как

252

го сговора, обязаны своим шармом, своей усталой волей к жизни, вопреки, блядь, террору любителей командовать, ну их на хуй, не хочу говорить... Если верить источникам, у нас здесь вроде как совещание на Ванзейском озере, что делать дальше с паутиной процентного рабства, окончательное решение принимаем кивком головы – Гиммлер наливает Борману, Борман наливает Геббельсу, Геббельс Юлику – Эй, лысенкий, пить будешь... А чувиха? У меня нет чувихи... В данный момент. И Толя-кадиллак с глубоководным Днепровым епископом в знак согласия с фюрером пьют псевдомицняк, потому что честь и верность для них одно абсолютно. То ли это в Москве, то ли это в Париже – не имеет значения в данный момент. Путь его конечный не ведом, и на кольцо не ждут.

– Юлик, ты знал Панасенко?

– Нет, а що?

– Он воровал и на месте кражи оставлял записку «До новой встречи, Фантомас». Знаешь Гуйву, следователя? Это он пишет про Панасенко, теперь Фантомасу придётся держать ответ и за вентилятор, и за радиолу, и за сорочки, и за чулки. Поукраински пишет.

– Я знаю, что Гуйва подпрашивал ебать у жены Рудника, и Рудник, опять же якобы, подловил Гуйву в подъезде.

– А с какого он года, если возглавлял общество книголюбов, после того как друг вашего дома Пал Палыч дриснул в Москву?

– Кажется, он ровесник покойного брата Кости, того, что умер прямо в заколдованной форточке, старше меня на чирик, получается, года 44-го, может 45-го.

– Понятно. Дурачки аксёновского возраста. Книголюбы. Питание пожилых людей. Бесплатная аптека. Наверняка есть арабы, желающие читать Пастернака, наверняка есть арабы, успевшие даже сходить на «Чижа» и «БГ»... Таким арабам с

251

мы слушали у тебя довольно неуместный в 79-м году сингл Элвиса: я принёс, раз десять, точно. Чувака, чей он был, врача, сойдёт в 99-м машина, вместе с женою, насмерть. Тогда к тебе прилез какой-то дружинник, его семья не захотела жить в Израиле, и вы вспоминали, как дезертир отстреливался с чердака у вас во дворе и раздробил пулей коленную чашечку, прибывшему уговаривать его сдаться, полковнику. Эта жирная образина больше всего поразила меня своим преклонением перед Хурдой. Хурда и мне был интересен, как монстр, как, блядь, фрик, но его методы... У-ля-ля. Для конца 70-х, конечно, в твоём культурном доме это был урод. В сравнении с Лёвой, Светой, тружеником-бухариком Клыкадзе он смотрелся как жуткое антисемитское пугало. Мне хотелось, обхватив парик большими пальцами, разрыдаться, вычихивая вздохи в духе женского фальшоргазма: «Сволочи, сволочи»... Знаешь, кто, где и когда так повторял это слово? Сермяга на стадионе «Локомотив» вечером одного из последних августовских дней 74-го года. Наливай. Хорошо, что мы взяли стопки... А помнишь, вышивали из рюмок, когда ты привёл новую худую чувиху, во дворе ебанутого Блохи?

– Сермяга, это Саня-Геополитик, и Нападающий тоже он...

– Да. Сермяга – это Нападающий. 220 – это Азиян. Сруль – Товар для Ротшильда. А Парасюк – это я.

– Я чтобы голову не ломать...

– Правильно. Ноздря ломал голову и не раз. И, представь себе, он её таки сломал. Однажды зимой в голове его нашими фокусами был приведён в действие некий механизм. Он перестал пить. Заставил Сёрика и Цаллю разучивать ненужные песни Челентано, каждая из них после первого исполнения с глухим, так мне казалось, плеском уходила под мёртвую зыбь кабацкого паркета, точно утопленник с камнем на ногах. Видно было, что Ноздря ломает голову. Меня и Смакабумбу перестали

253

пускать в оркестровку, как будто боялись, что нам станет известно про водопад и пропасть сразу за порогом. Как-то раз, прослушав все новинки коллектива Скандинава Игоря (о скандинавском происхождении ему напиздела «первая скрипка на кладбище» пресловутый Беззубченко), мы уходили из кабака, и попытались просунуть в оркестровку треть бутылки водки. Дверь приоткрылась, бутылку взяли, и прежде чем снова запереться изнутри, голос Ноздри произносит: «Придѣте – допьѣте». В чём-то Ноздря был прав, он хотел сказать: «Если бы вы приходили допивать не через день, а раз в три года, мы и по сей день играли бы в «Берѣзках». Узнав о том, что я возобновил выступления, он, говорят, улыбнулся по-старому и заявил: «О! Значит, пацанчик тоже понял, что лучше играть живому в «Ноздриках», чем мѣртвому у Джима Хендрикса»...

– А почему «Сруль», это же хорѣк, я правильно понял, не мужчина? Почему Сруль – Товар для Ротшильда?

– Надо же, фанат Хурды. Тогда он смотрелся как уродливое исключение, а сегодня это типичный клубист. Такие продают тибетские барабаны. Абсолютно одинаковые гномы-аквацефалы. Когда в их поселения привозят какого-нибудь старого с гитарой, в них пробуждается серьёзная благодарность: «Вы помогли нам выжить и т.д». «Своими, блядь, песнями»... За Адольфа, Юлий Карлович, покамест нас никто не слышит, кроме епископов чѣрного воздуха... Гном-аквацефал и соска типа «бродяжка» воюночьная. Вся заросла, отливает желтизной. И заметь, никто их не давил, пока не поздно. А «Товар для Ротшильда» это немое кино, титры там, когда Михозлсу снится, что он продаѣт невест в Нью-Йорк. В клетках. И когда подвозят в особенности крупный экземпляр, возникает титры «Товар для Ротшильда».

– Когда ты только успеваешь и бухать, и столько запоминать! Ты ж раньше писал, сейчас не пишешь?.. Я имею в виду, чтоб печататься там...

254

оба никакие не шайтаны, а так... Разница между ужимками и прыжками «Малого Шайтана» и его заокеанского друга примерно такая же, что между «Калиной красной» и «Мальгтийским соколом». Или «Портретом Дориана Грея» и «Андреем Рублёвым». «Мальгтийский сокол», правда, в некотором роде путѣвка в жизнь. Но кто хочет жить, Фогель? Кто хочет услышать и проснуться? В основном хотят послушать и заснуть. Не одолеет «Малый Шайтан» джигитов. А джигиты не одолеют овечьих глистов. Малый Шайтан – ничто, остальное – тем более. Нужна не революция. Эпидемия. Берега зывают к мести.

– Я думал, ты мне про Сруля расскажешь!

Сруль всем нравится. Это роднит Сруля с Сермягой. Человек, отказывающийся Срулю в признании, будет грызть от одиночества ногти на необитаемом острове. Знаешь, как победил Аркадий Северный? Он сумел сделать так, чтобы его не прервали на первом куплете, потребовав перепеть в другой манере, желательнее трезвому и т.д., либо не петь вообще. Он погрузил критиков своим блянем в гипноз неопределѣнности, и нужный момент был ими упущен, язык не повернулся, Аркадий пропел, как хотел, и не смолкал уже до самой смерти. Потому что на миг стало непонятно, хорошо он поѣт или плохо, и свой магический переворот Северный осуществил под видом еврейского акцента.

– Селедка так не напишет. А ты публикуешься под своей фамилией прямо Парасюк?

– Прямо Парасюк и пизда-нога. Терять мне нечего. Смотреть прямо, слушать громко. LET IT BLEED нужно слушать громко. Сильный диск. Я хотел... диск. Я даже дал эпиграфом к «Кокосовому телефону» строчку... отсюда. Пусть льѣт кровь. Реклама затычек. Помнишь, как ходили всем двором за сарай смотреть на клоч ваты. Рок эраунд клоч. Русский клоч выжил. Нас сбивали, но мы отросли. Мы русские – с нами клоч. Бесплатная Аптека слушает.

256

– Почему, как раз приступил к большой повести про Сермягу, страницы четыре уже готовые лежат. А публикации... время от времени возникает круг людей, которым кажется, что они ждали чего-то подобного. Потом, как обычно, с вонью, с претензиями круг распадается. Более опытный автор наверняка пизданул бы что-нибудь насчѣт того, что в этот круг попадают либо те, кто себя ещѣ не нашѣл, либо те, кто уже успел потерять. Если это мужчины – они лет до сорока ждут маму с работы, а потом, так и не проявив самостоятельность, превращаются в бабушек у подъезда. Близость с мальчиком, ожидающим маму вопреки туче-непогоде и вешалке, в темноте похожей на великана, превращает их в «мамину подружку», разбивает в лепѣшку малейший образ, таинственность, особые черты, делает их бесформенными и неузнаваемыми.

Посмотри на современных исполнителей уличной песни, на каждом из них золота больше, чем на тѣтке-завмаге с шиньном на голове. Расстояние между ними и Северным – как между неграми, которые исполняют «гангстерский рѣп» и нормальным советским слушателем радиохулиганского эфира году, скажем, в семьдесят втором.

Видишь, морские епископы появились здесь вовремя, потому что услышали зов. Но главное, что они смогли удалиться тем же путѣм, каким пришли к родным берегам. Пройдѣт три-четыре года и они уже не смогут к ним приблизиться, а значит и уйти знакомым путѣм.

Притязания «Малого Шайтана» смехотворны. Кто станет считаться со стадом овец, предавших невозвратное, неповторимое – Советскую Империю Зла, всего два процента еѣ жителей поклонялись ближневосточной образине, а привычным состоянием свободного от процентной паутины римлянина была эйфория между второй и третьей рюмкой! «Малый Шайтан» должен разделить участь «Большого Шайтана», тем более

255

Селедку перестали печатать. Когда он упиздил в Израиль, дома его репортажи шлѣпали по старинке, ожидая, что он будет присылать «жвачку» и «джинь». Какие, блядь, там «джинь». Он до сих пор ходит там в чѣм уехал. Знаешь, как эти пидорасы там живут – их там два вида. Одни моют полы у более блатных, другие вообще полы не моют. Классовое общество. Филофонистов. Рыжая Скотина (самый нелепый критик всего, что я делаю, я – самый нелепый поклонник его таланта) говорит, что в молодости Селедка был членом ВИА «Гитары», он у него в доме афишу видел. Ящерица привѣл Скотину покупать у Селедки штекера. Джели, как выражаются современные «гитары». Совсем не нужный инструмент. Придумал хохму – скажи так. На хуя петь – тем более под музыку.

Возвращаюсь к Срулю. Из подробностей пикантных. Срулик хочет эlegantный. Битте зер – Данке шѣн. Важен конус обнажѣн, по-немецки будет бонус. Туфли трусики. У Сруля есть баба-лесбо, свой такой же «элтон джон». Тѣркин на том свете. А прежде чем лечь в могилу, человек портится и воняет. У Сруля есть хмели-сунѣля, которая деловито с потным от восторга носиком склоняется над срулиным мясом, чтобы потом платить в обувном. То есть, когда дяденька выступил и не уходит – тяжело. Когда юноша объяняется в любви (кроме личных вещей багажа нет) есть прямой смысл перевести взгляд – скользнуть, блядь, с его телячьх губ на оттянутые коленики треников.

Немец Нѣля видит в Сруле свою маруську. «Я лучче этих крис» – триш знакомый. Сруль остаѣтся в оболочке, а Нѣля поѣт (она славистка): «Я люблю тебя грызть, и надеюсь, что это взаимно». Цветаевские дела: «Мне и поньне хочется **грызть**». Хочется **грызть**. **ГРЫЗТЬ!** Ногти на необитаемом острове. Коротко говоря, Сруль у Нѣли на балконе, балкон в Берлине, и Нѣля суѣт Срулю палец не куды-нибудь, а в местком! За характер... За говнистый характер их отношений. Жаль, не слышат меня морские епископы.

257

Между прочим, Сруль не скажет Нэле: «Подержи манто, я схожу посру». Не скажет по-людски. Скажет: «Мне надо». И свой лапсердак повесит в кабине. Согнётся в почётную грамоту, так что медальон ляжет в волосню, и, краснея, начнёт качать. Звезда польнь. А Нэля ждёт. Сруль-падишах. Телефон рядом. Колонки раздвинуты, из главного динамика разит Министри, так, что содрогаются полипы. Нэля слушает ноздрями. Лезет пальцем не куды-нибудь. Нэля прачка, отстирывает выделения вины. Конус повис матюком. Не куды-нибудь, а. А! А!! В местком.

Август Хирт, директор института антропологии в Страсбурге, задумал чудовищный проект – Нэля помнит, что за проект. Речь идёт о коллекции черепов. Черепа собрать не удалось. Но мысль о том, что среди них мог оказаться череп Сруля, ledenит Нэле душу.

Сруль, словно не подозревая о переживаниях своего опекуна оттуда, шевелит двадцатью кожистыми щупальцами, пытается поднять одну бровь как можно выше другой, и жалеет, что Нэля унесла второе зеркало в ванну, чтобы проверить, заживает или нет типун под ягодицей. Для этого надо повернуться задом к зеркалу большому и поймать то, что в нём отразилось, зеркалом маленьким. Сруль Нэлю не балует. Рано. Была бы «Сруль» не Сруль, а Герта, Нэля бы уже не раз прикрикнула: «А ну сними ботинок». Но в случае со Срулём мешают черепа. Встают, как живые, их обладатели и душу вынимая, тянут: «Отдай девочке что есть дефицит. Она поносит и простит».

Даже у Адама была песня «Мои руки на твоей сраке». Мэ мэн сюр тэ аншэ. Да. От мыслей о Сруле, которому начинает нравиться то, что делает Нэля, в голове немецкого холостяка карусель, на её лошадках и гусях лица друзей, улыбки тех, кому

ляк мог рассчитывать на стол. Плюс подвებнуться. Сруль метил в лампу Чижевского. Острил зубы на повара, охотился за вишнёвым пальго. *Йохохо, тухлэ рунду платим я.* Агата даром остриц. Олимпик. Рахилия есть, а сигарет нет. Динамит-Меламед вишнёвое, стародавнее, нестиранное, янтарное. Правда, наша звезда красивая? Мы зайдём. Ты посрешь. И пойдём дальше.

Вторую очередь ликеро-водочного так и не достроили. Бетонный каркас, особенно неприветливый, когда дуют зимние ветра, летом зарастал сорняками, где кишели бездомные собаки-уродцы. Время от времени трусливый и капризный кобелёк, твёрдо встающий на четвереньки только в период размножения, отдавая колбасных обрезков, падал на вымазанную говнецом спину, смешно дрыгая в воздухе слабыми лапами, так что можно было спокойно, одною рукой перехватив его пульсирующее горло, одним рывком острой бритвы удалить ему яички.

Среди славян и немцев многие, если не все, похожи на собачек. Первое сообщение про половой акт с собакой я услышал от Сермяги в 73-ем году. Это произошло на минифутбольной площадке в присутствии ветеранов войны и труда, которым в к/ф любили приписывать слова, которых они не говорили.

Примерно в это же время угрюмый и маленький Янковский брал у Сермяги дома в рот за порнографию. А когда я после мелкой ссоры спрошу у Лошинского (блядь, одни поляки собрались) между тем, стоит ли с Янковским драться, тот, похожий на кобелька-поросёночка, только мордочкой покачает: «Не вздумай, он тебя отпиздит».

Легенда гласит... какие могут быть легенды, если речь идёт о Сермяге, значит правда, реальность – это он, легенда – это небывалой формы нога сестры Володарского, которую при-

пить за друзей погибших не пришлось. Сруль пробует разные улыбки. Одна улыбка – один ботиночек. Она даже пытается поджать ногу, как ей показывали пидорасы. Плех. Тавай ещё. Не получается. Сруль, мякнув, падает на матрас. Пусть видит, что я голая, потому что мне не в чем ходить. Стоп. Значит, вчера была игра? И Нэля-Бульдозер учитывает не хронометраж, а количество лжеоргазмов. Так не то, что на платформы, на шнурки не зарабо... Нэля любит гуталин. Но в ботинках, по которым она скользит своими германошеками, она не разрешает выходить в них на улицу. А ещё у Нэли есть перчатки. И «кошки» монтерские, чтобы взбираться на столбы. Кушает Нэля мало, зато выпивает два литра воды без газа. О Гитлере в этом доме говорить не принято. «Тебе нравится, какие у меня зелёные рукава?», – спрашивает Нэля, только бы подойти к Срулю поближе. Сруль шевелит ороговелыми сверху присосками (почти по пять штук на каждой конечности) и, не говоря ни слова, улыбается, как слабоумная квасовщица Роза со свадебной фотографии. Картофель возбуждён. Сруль будет гостить, пока не добьётся своего. «Я сейчас приду» – произносит Сруль, вставая. Сразу становится видно, что она ниже немки, неудобная, плохо сообщает, зачем вообще здесь. «Шдэм-с», – сдавленно вымолвив подхваченное в Москве словцо, Нэля с жадностью ловит всё то, чем разит от её гостии, так безбожно разит.

Походкой шарманщика Сруль удаляется в ванную, где, повернув кран, делает вид, будто «приводит себя в порядок», а на самом деле пробует, завладев наконец-то зеркалом, поднять как можно выше одну из бровей, так же высоко, как это получалось в телепередаче у дочери одного артиста с Таганки.

Обнял Срулик Нэлю рукою. Намакает – мол, пойдём. С подругою такою ботиночки найдём. *Йохохо, тухлэ рунду платим я.* В 70-х годах интеллигенция бредила Польшей. Поляк мог завафлить любую хорь. Любой поляк вонючий, самый вонючий по-

шлошь ампутировать, то чего нет. Онанопараной про маминных подрюжек. Лишний вес мифов и легенд, заставляющий нацию обливаться потом при малейшем волнении. Стихи не понравились. Или мозг вызвал эрекцию, а лифт не пришёл. Сермяга – князь, Тренер Мира Сего.

Подсылали убийцу, чтобы застрелил Сермягу, когда тот будет по своей пьяной привычке произносить с балкона утреннюю речь. Киллер пришёл с ружьём на стройплощадку, вошёл в зияющее голыми окнами здание ликерки, поднялся по лестнице до третьего этажа, закурил. Когда балкон в полсотне метров (указанный на фотографии) огласился призывами к оральному сексу, ангел смерти щелчком пальцев отбросил окурочек прочь, снял с носа и спрятал во внутренний карман кожаной куртки очки, после чего навёл на оратора ствол с оптическим прицелом. Жить Сермяге оставалось одну-две минуты. Возможно, разлетелась бы его заминированная алкоголем и бессонной ночью тыква, возможно, свинец прошёл бы его одержимое своего рода нимфоманией к жизни сердце... Но Питурки-демоны, приотворившие рот Янковского, и десятки других ртов судили иначе.

Едва мужчина, что получил задание убить, увидел в объективе золото сермягиных волос, его надтреснутый носик растлителя, как буквально в несколько мгновений другой ствол, горячий и вертикальный, жгучим крестом на лбу вурдалака, взвился и прилип из только утром надетых импортных подштанников, пристал, точно пластырь, прописанный дьявольским хирургом, другой ствол, откуда у киллера вытекала моча и похожее на сопли вдовы вещество, которого он стеснялся.

Фамилия киллера была вначале отцовская – Ракойид. Но в день свадьбы он, блажь молодожёна, взял фамилию невесты – Якименко. Год спустя жена пропала, осталась одна фамилия, но это не главное. Ракоеду очень хотелось верить, что с новой

фамилий изменится и его состояние, болезненная потребность, мелькнув из-под копчика, покинет его нутро, что женитьба избавит душу от злоуханного, но пьянящего облачка, окутавшего его сердце вместе с монастырскими миазмами мужских туалетов эпохи Брежнева. Какое-то время ему казалось, что так и вышло, но вот в объективе возникло лицо жертвы, оплаченной и абсолютно ему безразличной как будто, и в считанные секунды жертва превратилась в повелителя, в жгучий магнит, отняла у суровой и крепкой личности по фамилии Якименко достоинство и волю полностью.

Теперь он снова был Ракойид, молодой, выкуривающий пачку в день, атлет с желаниями стареющей женщины, которой некогда кокетничать, той, что нужно срочно. Чтобы забыть на время про ледящий нутро могильный сквозняк в глотке и холод от вставных зубов... Сермяга продолжал выкрикивать призывы сосать, лизать, обмениваться одеждой. Слова эти мало что значили, если бы не мешки под глазами (когда-то они нравились дамам, мужчины с мешками), неравномерно рассыпавшиеся по черепу золотистые пряди удлинённых по моде начала 70-х его волос. Они выпадали таким образом, что лишь облагораживали его жуткий лоб гостя из космоса.

Якименко прислонил ружьё к белокаменной стене, и восьмью пальцами обеих рук придавил пряжку ремня, так, чтобы ею оказалась прихвачена головка его хуя. Большие пальцы он утопил в мышцах живота. Впервые за целое утро из его рта вырвался долгий низкий стон. Язык по часовой стрелке облизал напряжённые губы.

Два детских глаза следили с того места, куда упал окурок. Два детских глаза видели, как высокий мужчина, что стоит у окна на верхней площадке спиной к лестнице, прислонил к стене похуже на настоящее ружьё и, сцепив руки где-то в области живота, дёргает прикрытым чёрными джинсами задом.

262

лизАл»... Хромоногий пёс поворачивает морду и смотрит снизу вверх, улавливая близость пролития из кожаной куклы того, что можно будет слизать языком и отправить в контролируемый глистами желудок. «тОля ивАнОв говорит, сАня, ты лежишшшь, А мужиклижеттебе йА-ицА». Сермяга опрокидывает голову назад и, показывая профиль, шевелит высунутым языком. Долгий низкий стон, выдох. Якименко дробится на несколько коротких гудков, горсть тяжёлых, недождевых капель, взлетев в воздух, падает вниз, а за ними следом, роняя ружьё и всё ещё переживая свой последний оргазм, валится припадочный киллер Ракойид. Туда, где, успев покрыться ржавчиной за годы простоя, торчат из шершавого цемента железные прутья оголённой арматуры. Рухнув на них лицом к земле, он постепенно становится похож на поэта Бродского. Безымянный мальчик, тот, что докурил последнюю сигарету Якименко, пока это происходит, успевает утащить в никому не известное место, отлетевшее в заросли негодной травы ружьё. «Значит, есть бабы, которые показывают пизду в окно и сами от этого тащатся», – бормочет он с серьёзным видом, будучи уверен, что эту легенду только что подтвердила сам жизнь. Четыре штыря смотрят в действительно свинцовое небо. И только один парализованный хряц готов воткнуться, но не может – в землю. Дождь усиливается. Сермяги на балконе нет.

\*\*\*

– Я не люблю, когда мужчину зовут в гости и сажают за стол баб...

– О! Ты тоже это заметил! На хуя это надо, они что, рассчитывают, я буду серьёзно разговаривать при них? Серьёзные вещи, даже если в них много юмора, обсуждают с глазу на глаз. Раз они готовы говорить с тобой в присутствии своей коряги, значит – они не считают тебя серьёзным собеседником, значит ты – пидорас, это оскорбление.

264

Мальчик, по возрасту уже не «сабля», с тревожным лицом Джейми Ли Куртис, докурив брошенную взрослым сигарету и стараясь дышать открытым ртом, чтобы не сопеть; ждал, что будет дальше. «Зашёл посрать с высоты и мотню заело, или увидел голую бабу», – думал он и ждал, что будет дальше.

Вскоре Якименко почувствовал себя зыбко, нехорошо. Без оптического прицела между ним и Сермягой снова пролегли не семь, а семьдесят метров. В отдалении приговорённый к смерти напоминал скачущую по балкону сардельку. Мало-помалу долг возобладал над желанием, и в руках Якименко опять оказалось ружьё. Но едва навёл он резкость, как правая рука его опустилась, рванула молнию, расстегнула пояс, и пока левая поддерживала оптический возбудитель, скользила, уже не останавливаясь, по хую, который редко бывал так напряжён вблизи гражданки Якименко.

Начал моросить, переставший было под утро мелкий, но плотный дождик. Сейчас ствол и хуй могли быть видны из соседнего окна, настолько близко подошёл к краю площадки хозяин того и другого. Внизу от ограждавшего строительство забора отделилась стайка жалкого вида дворняжек, у одной из них задняя лапа была хромая. Сермяга закончил особенно длинный фрагмент своей речи, он глубоко дышит, шеvelя бакенбардами, словно это у него жабыры.

По замутнённости рыбьих глаз, по тому, как густеет чернота в складках, очерчивающих его рот, видно, что он «настраивается» к непоправимо откровенному финалу. «Как теперь в глаза смотреть?!» – говорит он после поступков такого сорта, но в голосе слышится тайная бравада.

Вот опять начинают шевелиться его губы. Бес Якименко торопливо, вослед их движению, старается вкладывать в них вожделенные слова. Бесшумный занавес дождевой пыли глушит сермягин голос. Доносятся только гласные звуки. В основном гортанные «а» или «о»: «зА эО оскАр уАйльд лОрду Альфреду пОпочку

263

– Причем ладно ты подживаешь там с какой-то, нашёл себе кусок манды, она видит твой конвульсии, твой выделения, зырит на тебя в темноте, разбуженная твоим храпом, пиздит про волшебные свойства бирюзы, так не срамись! Отправь её куда-нибудь. Хуй. Зовут, а припрёшься, они сидят. Хуй выпьешь, хуй покуришь, закуска не лезет, потому что это, считай, стол накрывать в женской параше. Держать в доме этот бурдючек и делать вид, что так надо, что это даже почётно в сорок-то лет, это всё равно, что слушать в эти же сорок лет Дю Папл, нюхать у покойника под хвостом.

– «Не говори мне о них», как говорит Сермяга.

– А ты дослушай, Фогель, ты дослушай... Эти создания, больше похожие на похожих на них неудачных зверушек, уверены, что добились господства именно сейчас, и дёргают себя за яйца, чтобы сигнализировать как последняя дешёвая свадьба при въезде во двор, на весь, бля, мир. Поэтому для них так важно преувеличивать достижения современности и обсерать музыку, кино, духовное превосходство романтического прошлого, как опять же баба ругает фраера, который выступал с нею выступал, потом ему стало противно, и он её бросил. Смотри, сегодня бездомный пьяница и банкир одеты по одним и тем же картинкам, просто у одного лахи почище и поновее. Если банкир поносит свой гардероб лишней сезон, он у него тоже истреплется до синяцкого состояния, причём очень быстро.

– Поэтому им так важно жить «бабым умом». Мстительно, мелочно и суеверно проклинать советскую власть и превозносить «писю» своей хуны, срамиться, но делать вид, что балдеет.

– Если у «барона Врангеля всё английское», то у «Арона» Врангеля должно быть всё последнее?

– Новейшее.

– Кстати о сраках. Фасон бельца одинаков, независимо от профессии той, в чьей голове зреет решение, кому эту сраку показать. Система, где бабушка боится постареть, такую быть

265

и должна, где страх перед старостью понятие нюрнбергское так и выглядит. Место, где по утрам в ветвях безмятежно кашляют птички.

– Охуенно сказано. Новый лупоглазый мир, где Челентано – это уже Гитлер, так? Двенадцатилетний палестинец, чортик, камнем зашибающий лапку обрезанной борзой. Куба мешает высморкать елду отцу святого семейства. Им очень важно, чтобы «новизна» отрастала, как волосня, чтобы можно было её сбирать и любоваться снова и снова, как пел Горовец. Они недаром переживают: Надо же, только открылись. Хозяин в обед угощает нас и йогуртами, и колбасой копчёной-толчёной, какой только не угощает, радуется человек, видно, что разбирается, всю жизнь хотел этим заниматься, но ему не позволяли. Жизнь сохраняют, а развернуться не дают. На что уже Лариска сердобольная, но и она, слышишь, звонит: «Я б этих гадов арабских сыдзунов повешала усех».

– Где ты это слышал?

– Нигде. Сам знаю. То есть если тебя зовут в гости, там происходит богослужение особой секты добрых людей. Но чтобы подчеркнуть свою доброту, праведникам для контраста необходим дух противоречия, сатана. Вызывать князя Тьмы с помощью заклинаний запрещено, да у них и не получится. Вот они и приглашают тебя в свой любительский спектакль. И ты правильно делаешь, что не лезешь в залулу, а только ешь, пьешь и куришь, пока они галдят о небесах обетованных под музыку Вивальди. Они и не собирались предоставлять тебе слово. Дьявол разевает пасть, чтобы закусить, но сначала вышить, но сначала спеть...

### Еще раз о Чорте.

Серая громада Преображенского моста, соединяющая скалистые берега Днепра, призрачно отражалась в тёмных водах древней реки.

266

же как Он сейчас, в ноябре, в феврале, всегда, чертёнок приходил к берегам, улавливал через радиохулиганов нужную музыку и мечтал, фантазировал в правильном направлении...

В центральном пролёте моста появляется маленький, но мощный катер-буксир, он движется против течения, вздымая волну, которая вскоре ударит в камни, и рассыплется подобно своим предшественницам.

Чорт бросает пустую чекушку, но она исчезает в воздухе, не долетев до воды. Его рука тоже как будто не покидала карман худоватого пальтеца, снаружи виден только один большой палец с деформированным в аду ногтем. Чорт будто бы спит, но это только кажется, он фантазирует.

\*\*\*

Снова зима, возможно февраль. «Всем праведникам сдать анализы». Безлюдная амбулатория. Девять часов утра. Сквозняк в прихожей постукивает входной дверью. На клеёчатой тумбочке уже стоит несколько баночек с жёлтой жидкостью. В дверь проходит лобастый, бородатый праведник в турецкой куртке под кожу со шнурком вокруг задницы. Он поднимается по скрипучим ступенькам к тумбочке и делает вид, будто откашливается.

Механический секретарь: «Окорок в Германии».

Белан Сергей (о классном руководителе): «В пизде окурков до хуя».

Безлюдная амбулатория. Мировой парень. Вы уже догадались, что перед нами Крюк Коржов. Хорошо бы на этой тумбочке, – думает Крюк, – разложить мои книги, а баночки переставить вон туда, да-да, на подоконник. По-до-конник. Не забыть сказать рабу Серёже, Шельменко-Денщику, как его называют эти пнадонки. Сюда ходит молодёжь, надо узнать насчёт видео

268

Где ноябрьский ветер с особой свирепостью треплет безмяную растительность, под скалою, увенчанной «ласточкиным гнездом», на камне сидел Чорт и смотрел, как пузырится внизу холодная пена вокруг чёрного поплавка на цепи, издали похожего на плавник или коготь...

Камень, на котором он сидел, напоминал обезглавленную пирамиду, одна нога его, чёрная и длинная, была согнута в колене и упиралась в её каменный бок, другая, вытянутая вперёд, покоилась на куске железа. Голову Чорт склонил немного в сторону. Только что в ней без умолку звучали «голоса, голоса» и почти всё, о чём говорили там, ниже по Днепру, те двое, ему понравилось, правда разговор их, прерываемый водкой, происходил вчера в сумерках, а потом и в кромешной тьме, потому что пристань не освещается. Но Чорт до такой степени заслушался, что просидел в этом одном из самых любимых им мест всю ночь, будто сам он тоже водку пил, отравился и умер. И происходило это вчера вроде бы не в ноябре, а в феврале. Ничего страшного. Какая разница, когда Чорту ходить на пляж, ведь он всё равно не купается и не загорает. А здесь в уединении, где не driщет в уши эфэм-радио, не трясут барсетками хуем нездоровые жирные скопцы, не тошнят жиды и женщины, он может помечтать, подумать один на один с ветром, водой, воздухом, хранящим в своих невидимых складках все песни Баггисты, Беляева, Ухналёва, Королёва... Хорошо там, где на тебя не спят, ветер тебя не сдует, не утопит в воде тяжёлая масса земли, где камень не содрогается от омерзения, что ты на него присел, потому что ты не из числа тех, кто должен быть напуган и растерзан.

Опуститься среди скал, кишащих в змеином мае нашими ядовитыми друзьями, посмотреть, вот так склонив голову (на манер Винсента Прайса, кстати) на знакомые берега, которые, по меткому слову одного из чертей, вызывают к мести... Вот так

267

и компактов. Есть отличные. Отличные. Не обмануться бы. Что ж Морис не идёт. Видимо, опять играет на компьютере. Терпение наше на исходе.

Механический секретарь: «Всем праведникам сдать мочу».

Ужасно глупое объявление. Однако я откликнулся на его онейрический зов. Видимо, ещё поют петухи в Мединасели. Ну а где же я бутылку положил? Явился по приглашению, точное Каменный Гость. «Из камня кожаный его плащ», или как там еще. Зря я читал заклинания, чуть ногу варом не облил на даче. И вот неожиданно очутился здесь, по вздорному, крайне нерелевантному поводу. Ту са ме самбль асэз'этранжэ. Во всём этом чувствуется дикий ресантимант. Надо же – моча стоит, а очереди нет.

Механический секретарь: «Всем праведникам сдать кровь».

Подумать только, моя с точки зрения сериалогии, не чего-нибудь там «Пичужкин и Ко», а сериалогии, святая кровь может оказаться в одной пробирке с выделениями какого-нибудь мизерабельного Бляфафаса! Не обмануться бы... Не об-ма-нуться.

\*\*\*

Среди агентов Коминтерна и власовцев эпохи Диско есть две разновидности маминных сынков, вся ошибочность сохранения жизни которым настойчиво и грубо проявилась только после гибели нашей страны. Они, долгое время ни на что не годные от страха при Леониде Недосягаемом, месяцами не вылезавшие из одних трусов, не меняя носки от одной смехотворной резолюции ООН до другой, вдруг, когда с улицы запахло, так же, как у них между пальцев, встrepенулись и, бросив «Мама, я не маленький», отправились искать каждый своего папу.

Врождённая безотцовщина, даже если её воспитывает какой-нибудь русалкин хахаль, всё равно с тупостью ансамбля

269

Supremax (игравшего столь повлиявший на Ларкова и Тальбертского KRAUTFUNK) мечтает, мотая стенобитною башкою, о мужчине-дяде в сапогах, с кобурой и лицом мужественно-красивым, хотя и окутанным до времени газообразной паранджой, и ждёт, что он придёт и даст поиграть с пистолетиком.

И так они рыщут, высматривают – одни походкой штурмовиков питурика Рема, частицу которого добавлял к каждой своей роли Михаил Пуговкин, другие элегантно шагавшие обречённых атлетов, прилетевших в Мюнхен, где их ожидала Смерть, а не медали. «Братцы, ко мне жена пришла: топ, топ, топ».

**KRAUTFUNK.**

\*\*\*

«Топ, топ, топ»... Чорт любил этот фильм. Он улыбнулся без улыбки на лице, но её, эту краткую, но глубокую перемену равнодушного к солнцу и луне взгляда, уловили глаза красивой девочки, посмотревшей на нигерийскую маску в день своего десятилетия за девять тысяч от Хортицы вёрст. Она видела себя во сне бесстрашно кувыркающейся на гимнастическом снаряде в форме огромной фигуры Глубоководных – Свастики. Утром оделась в серенькое платьице, пошла и нарисовала её красным на Стене Плача, той, что имеется в каждой комнате смеха, и вымолвила, глядя в одно из кривых зеркал: Я хочу, чтобы ты знал. Чтобы ты знал. Ты знал. Знал.

Бывает лица, кажущиеся издала гладкими и свежими, вблизи растрескиваются в абстрактную паутину морщинок. Лицо Нечистого, что сидел на берегу Днепра, можно было издала принять за обломок древесной коры или камня, но, придвигаясь ближе, оно всё отчётливей обретало черты несовершеннолетия, черты сверстника той далёкой девочки-ведьмы, что по капле собирала красноватую жидкость в ампулку от маминых духов.

270

- Что на рисунке?
- Колодец.
- Кто в колодце?
- Ба... Бабушка.
- Вот. Я за Тыкву... Тыква?..
- ... В микву.
- Молоток.

Потом Срулице стало плохо. Пришлось вспомнить, что «есть на Мясоедовской больница». Кролик, отщёлкавший её конусы на фоне челночной сумки, стал бегать к Сашке, отпустил мех, пропах ладаном. Срулиан приболел от лихого Нэлиного типуна, видно, немецкий организм еврозараза не берёт, ей лишь бы чем лизать было. Кроме того, Сруль не настоящая лесбо, такая, скажем, как Сало или косоротая Прачка, тупой и неинтересный осибирок в галифе бедренного жира. Топлёного, потому что рожалая. Сруль потолстел, голос её стал заметно ниже.

В паху от мая до июля  
У Сруля вылез гнойный гуля.  
И вздыхая то ох, то ах  
Чешет Сруль воспалённый пах.

Крюк Коржов Желтобрюх во 101-ом поколении тоже пришёл на Мясоедовскую, хотя это и не его больница. Чорт знает, что это он вынимает из пристроченного в воночей Турции кармана. Глядите-ка: пузырёк. Эй, лысенький, со ствола будешь? А чувиха? У меня нет чувихи. Лысенький, выпей, выпей, дай кино посмотреть!

Крышку, я думаю, им оставлять нечего, бормочет Александр, он недолго возится с бутылочкой, но успевает брызнуть на бумажку с направлением, так, что возникает жёлтый кружок. Коржов боится уколов, разумеется, не он один, но забавно наблюдать сильную личность в сомнениях, с мочой покончено,

272

\*\*\*

А вот и Крюк. Александрина. Коржов пришёл: топ, топ, топ. Как там у любимого автора: бросаем бухалово, пых, грибы и кислоту, включаемся в предвыборную агитацию за меня, грохнем так, грохнем так, грохнем так...

Поверьте, мало не покажется. Никто ко... Никто костей не сбре... Не соберёт. Жаль «Пианину Ленинград» нечего сдавать. Дед своё пожил. Пожил, да не дожил. Пожил, да не дожил. Дай твоей любви течь. В новой реальности будут властвовать ваши кумиры. То-то ваши выражения лиц уже давно напоминают что-то неприличное.

Мужчина, воспитанный без отца, до смердящего савана готов притворяться любознательным ребёнком, готовым пойти в музей с первым взрослым. Одним подавая генерала контрразведки, сказочного дипломата, прямо с лошади запрыгивающим в посольский лимузин, где читает на заднем сидении, листает журнал «Америка» мать моя женщина. Другие, в силу особенно исковерканной внешности, не любят военную элиту и академическую науку, эти предпочитают санитару заводским делом, машиниста сцен режиссёру, разжалованного сотрудника органов большому начальнику. Среди таких спокойнее. Вот Сруль, к примеру, не скрывает своё кредо – лучше иерофант среди поваров, нежели повар среди иерофантов.

Он не повар – он Орлан  
С ним не слиплась я – сплелась  
Слышен слышен русский говор,  
Вон шагают Сруль и повар.  
И действительно шагают,  
И друг другу помогают...

Когда Орлан выпал из гнезда и сломал ногу, Сруль быстро быстро притащил учебник под редакцией Лампы Чижевского, и давай обучать пищевого родной речи:

271

надо взойти на следующую ступень, переступить порог кабинета, где он тысячу лет не был... Впрочем, вероятно, его должны вызвать, подождём приглашения.

Коржов, сжав обросший волосами рот, читает малоприметные, полустёртые надписи, покрывающие стены помещения на Мясоедовской. Что за Чорт...

Собираю бутылки и блондинки. Шарон плюнул в мечеть. Мартовские Иды. Издательский Дом «Русские гниды». Боулинг продолж. бутылками. Создает на суше иллюзию шторма. Бутылки катаются. Шинуазэри какая-то.

Соррор захлопнула Чендлера и открыла люк. Вы решили туда? У вас нет ни единого шанса. Даже призрачного. Призраки останутся здесь. Стоп. Это уже не слова со стены, это как будто бы телефонный разговор где-то там внутри. А, вот ещё надписи: Саша + Наташа = ... Ну, мало ли какой Саша. Шарон, посети Сашину дачу... Ненормальный какой-то писал... Вот ещё: Шарон, плюнь Сашке в роту!.. Н-да, н-да. Что ж меня не зовут...

Горе ищущим благочестия,  
Ибо они пойдут за шерстью, а вернутся  
стриженными.  
Презренны богобоязненные,  
Ибо они шарахаются от собственного хера.  
Душно праведным,  
Ибо они не моются.  
Нет пощады слабеньким,  
Ибо их болезнь толкает их на подлости, они шестерят.

Ну, это уже полнейший вздор. Дешёвый, косноязычный сатанизм. И потом в книжках по сатанизму всё не так написано. Чорт знает, кому доверяют перевод, как тут не осрамиться, когда... Входная дверь стукнула, но никто не вошёл. Коржов пригладил бороду, кашлянул и прошёл в комнату, где брали кровь.

273

– **Gotcha**, – сладко полужевнула Инфанта, она произнесла жаркое словечко, громче, чем хотела, из-за наушников, во дворе школы на оккупированных территориях, где никто не догадывался, да и не мог знать, кто она. «Never Learn not to Love» пел ей из 68 года свою песню Чарли Мэнсон, – Gotcha, – повторила инфанта и добавила по-русски воздуху демонов. – Попался.

Сермяга сказал бы «гол», мяч в воротах противника – мрачная фигура среди груды холодных камней не торопилась исчезнуть, всё равно никто не видел его, а если и видел, то не знал, что это Чорт. В три с чем-то по верхнему яруссу моста отбарабанила электричка. Джентльмен в чёрном никуда не спешил, он нигде не был, не чернел, не, пардон, мадам, белел, ничего не забывал и ничего не хотел припомнить. Зачем? Когда все, кому следует помнить, знают, что его нет сегодня вечером, потому что он не отзывается, не гремит вагонами, редко берёт в руки гитару. Какая разница, забыл он или помнит, как в 68-м помог, не дал разбиться выпрыгнувшему из окна вагона самому яркому убийце. Он ушёл под воду и больше его никто не видел. Ушёл от погони, значит действует. А где и как, жив он или мёртв, подземная вселенная, надземная вселенная – какая разница. «Представьте себе, человек повесился». Это Шандриков. «Ничего страшного» – это Северный. Главное, Инфанта знает Большой Сон. Где Арье Лейбу снится по дороге из Лемберга в Одессу крюк, на крюке клетка, а в ней Товар для Ротшильда.

666

274

ням окурки, кошачьи ноги, смятая бумага, и ударят из темных отверстий фонтаны холодного пламени. На зов этих огненных столбов, взметнувшихся до самого неба, откликнутся и прилетят рукокрылые каратели. В последнюю минуту вмешается, заработает санэпиднадзор Империи Зла. Изменникам будет казаться, что мучения не имеют конца, но жертвенный убой лишь приближит то, что тщетно пытались отдалить добрые люди, и край родной угопит в зелени несрочная весна благоденствия.

Как раз мимо такой урны-одиночки шагали в сумерках к остановке автобуса два товарища. Посреди баклажаньего цвета осыпавшейся листвы она маячила, точно обезвреженная обитель злого духа. Сам демон, все может быть, ждет решения Гагского суда в специальной лампе, обитой изнутри поролоном. Пошадил, не растерзал вовремя кого следует – теперь сиди. Урны агрессию не отражают. Однако агрессор боится смотреть в трещины и дыры на враждебной территории. А заглянув в темное место, быстро отворачивается и тоскует, бедолага, по невыросшему хвосту.

Один из приятелей, с большой олимпийской сумкой, был телемастер. В телевизоре пропал звук, и он помогал наладить старый ящик своему сверстнику. Выпивать не стали – возраст не тот. Пока обедали и пили чай, почти совсем стемнело. Мастер жил далеко, автобус ходил туда по графику, дважды в час. По пути они увидели дом, где с балкона выступал Гитлер. Но забыли, как называется улица. А на указателе только уцелел номер дома – 23. Посадив друга в автобус, они попрощались дважды, тепло, человек снова прошел мимо урны, трещину в темноте уже не было видно. Зато цифру 23 на углу двухэтажной постройки ки освещала единственная лампочка.

Дома его никто не ждал. Человек был холост, привык к одиночеству, и умел самостоятельно гасить чрезмерную грусть и веселье. Увидев выключенный телевизор (он что-то пометил в програм-

276

Новые урны. Редко встретишь старую. С выпуклым лепным узором, где-нибудь вдали от центра стоит она возле темной скамейки, немного под углом, словно Башня Сатаны. Сохранилась только потому, что никто не забирает на дачу из-за продольной трещины. Такие же стояли через каждые десять шагов в аллеях на проспекте, даже когда по радио уже звучал Duran Duran. Одинаковой формы отлитые из застывшего раствора урны принимали мусор, плевки и окурки более-менее аккуратных граждан с равнодушием подходящих вещей в неподходящей среде. А граждане бредили вибраторами, готовые выполнить любую низость, какую потребуют от них голоса шайтанов, что звучат не смолкая в головах даже тех, кто письменно заявил, что шайтанов не бывает. Люди мусорили, озираясь ненавистью на послевоенные деревья и мраморные колонны. А те сохраняли безмолвие постоянно и смотрели в небо. «Где не наши буквы? Хотя бы одно слово не по-нашему!» Иностранные слова можно было прочесть разве только на лекарствах, даже русских надписей было не много, и половина из них не работала. Праздничную иллюминацию составляли бессмысленные узоры из бесчисленных лампочек. Капризные настроения того времени хорошо изобразил один поэт: Там на дне окурков много, хочешь – ешь, а хочешь – жуй, хочешь – человекую ногу, хочешь – человечесий хуй. Нынче виден хуй везде, в жопах хуй грузинов, хуй в влагилищной пизде, хуй и в магазинах\*.

Урны стояли в земле так внушительно, что казалось, это ракетные шахты, связанные с преисподней, где ожидает сигнала секретное оружие возмездия. Взовьются к проводам и сквореч-

\* Стихотворение «Урна», Автор А. Калегов.

275

ме на неделю, но фильм показывали поздно, в полпервого ночи) он, беззвучно шевеля губами, повторил пояснения друга-специалиста, что-то про электроны, куда-то гонимые остывающими лампами, а так же что-то по поводу катодов. Катодов... Дело в том, что полное одиночество в квартире холостяка наступило не сразу. Месяц назад он снес на пустырь и похоронил своего кота.

Пустырь вырос за бывшим костелом, словно кислотная клыка. Говорят, землю купили не то армяне, не то бывший лысый физрук, который отмечает все еврейские праздники, не смотря на шукшинское лицо и фамилию классика украинской литературы. Если спрашивали «что там будет» все повторяли один ответ: «стоянка для машин». Точно так же в детстве на вопрос, чем плох Адольф, говорили: «столько людей погубил». Холостяк долго стоял у светофора, пропуская транспорт. Был выходной, включили желтую мигалку, и никто не хотел дать перейти через дорогу единственному пешеходу. Перед похолоданием спустился странный туман. За сотню метров мало что видно, зато дома и деревья, те, что ближе, выглядят отчетливее и новее. Черные ветки видны до мелочей, как будто сам их рисовал. Нездешний силуэт католического храма красиво выделялся тротуарной серостью на фоне сизоватого неба. Мужчина со спортивной сумкой шел и вспоминал Лазаря, своего давнего кота. Тот не хотел полезать в мешок, сильно метался, пришлось сперва накинуть сетку. Лазарь третий день страдал от чумки, надо было срочно делать уколы. Пассажиры в трамвае косились на шевелившийся мешок. А эту сумку он хотел подарить телемастеру, но тот сказал, спасибо, не надо, мне нужна более просторная. Теперь в сумке лежало уловатое тельце Цезаря, тяжелое, как дрель. За костелом его поджидал Сермяга с лопаткой.

Лопаткой и грабельками пенсионер Сермяга зарабатывал на лишнюю бутылку, приводя в порядок могилы чужих родителей накануне христианской пасхи.

277

Достали Цезаря. Он вчера ночью околел. Почернела и заострилась белесая мордочка. Лицо Сермяги, измятое, как рваный мяч, напротив, казалось еще больше опухло с последней встречи. Хозяин перевел взгляд Сермяги обратно на кота, и поджал губы, чтобы не рассмеяться. Он вспомнил фразу из песни Галича «В автомат пятак просунул молча я», как Сермяга доказывал, что в ней говорится о пневматическом сексе. Он все-таки хмыкнул, и Сермяга тотчас с чуткостью слепого поинтересовался:

– Что такое?

– Не могу видеть ихних родителей, в особенности отцов. Узнаю черты. Звонит одна. Супруг ее не грузит, радиотехник, типа нашего Вити Жарова. Знаешь, что он делает? Подслушки, и все умещается в дипломате, и стоит пятьсот. Золотые руки. По-моему, она звонит всем подряд и ноет, что ей нужна дубленка. Это ты мне говорил, что у тебя в записной книжке одни покойники? – он потрогал пальцами грабельки, – Нужны золотые руки, а хуем ты карьеры не добьешься.

– Не говори, папа. Хуя нет, пропил... У них все есть, потому что руки золотые, плюнь и вырастет, – брезгливо вымолвил Сермяга и сплюнул себе под ноги.

– У тебя скоро перекомиссия?

– Звонила сестра, а я же жь в запое. Звонит шо... что с вами, вы больны? Простудился, но я давно хотел к вам прийти. Не надо вам приходить, мы вам пойдем навстречу. Хотя какое-то лекарство дадим, в смысле – без бабок. А я же жь его бабушкам...

Врачи идут навстречу. Хипповали, подгусовывались, теперь идут навстречу паразиту, каких мало. «Симпатичный был мужчина», – произносит медсестра голосом знатока-реставратора, когда за Сермягой, словно сошедшим с картины, закрывается дверь кабинета.

Цезаря кое-как уложили набок, чтобы лапы не торчали, присыпали сперва песком, потом полетели мелкие комья глины. Хозяин кота, чтобы согреться, сбегал по бетонным плитам.

278

– Глаза совсем отказали, катанка ж бьет по шарам.

– Да, лупит по шарам, – рассеянно поддержал холостяк, довольный, что все кончилось.

– Взял же жь матушкины очки, надьбал газету «Палач», что ты с Москвы когда-то привозил. Пишут: надо чтобы так – выплянул утром в окно – висят по фонарям жид, предприниматель, топ-модель, батюшка, генерал, весь русский рок... Охуенно написано.

– Да, охуйно. Это Гарика статья. Этих он уже обосрал. Теперь добивает последних идолов. Че Гевару, арабов с подкрашенными усиками, приклеенные бороды революционных вождей, никого не щадит, только Ежова приветствует, Ежов, говорит, был партийный человек. Всех поносит. Нищие. Всех. Америке, орет: Корею разнести надо уже за одно то, что оттуда появился Дохлый Ходя.

– Цой, что ли?

– Ну да.

– А Старая Жопа Дохлого Ходю хвалит, ебать-копать.

– А кого ему еще хвалить, он сейчас в своей стихии, среди колхозников. Окружил себя плебейми. Буфетчица подавая Пугачеву, а уборщицам – Старую Жопу.

– Да он и сам, папа, веселый буфетчик.

Покончив с котом, хозяин обождал, пока Сермяга занесет к себе домой инвентарь, чтобы потом неспеша (Сермяга быстро не может) обойти весь район, подняться к вокзалу, спуститься вниз и распрощаться. Сермяга тоже не знал названия улицы, где дом, откуда выступал Адольф. Давно запертые двери внешнего подъезда облупились, вросли в асфальт, жильцы всю жизнь попадают внутрь со двора – эти зеленые двери никто не видел распахнутыми.

– Ты знал Ходацкого? Круглолицый, румянец. Учился в одном классе с Флиппером.

– Шо то помню, папа, катанкой память посадил.

– Он такой, типа пана Владека из «Кабачка», глазки пья-

– Сколько уже не строят вторую очередь ликеро-водочно-го, лет десять или больше? – окликнул он с высоты, глядя ввысь в медный купол новой церкви, дико маячивший над плоскими крышами пятиэтажек, – Я проходил мимо, лежат стройматериалы, краской написано число – 31 января 1992 года.

– Ты еще куда-то смотришь, папа. Я уже куда не смотрю, раньше смотреть надо было, что с этими пидорасами делать.

– Новая церковь. Кто туда ходит?!

– Ходят, папа, ебать-копать. Это жь Рома Рьльский с Русланом Малышко перекупили, будут делать аквапарк. Это женушка конченная его раздрочила, она ж у него учитель украинского, Сосюру читает... ебать-копать.

– Там же был Дворец Культуры, там Витя Жаров лабал два сезона на танцах, – холостяк ясно представил двух одинаково высоких девочек, которых повстречал там через год после школы – Онищенко и Бабенко. Увидел их втроем, вместе с собой – на пляже, под душем, на оранжевом, брошенном на пол, одеяле. Теперь у них на боку тоже можно прочесть даты – не смерти, не рождения, а так, прозябания. Высокие девочки превращаются в длинные бревна, а набожная жена гангстера все читает и читает... Сосюру, – Значит, у них и хор есть, воют морковные морды, редьки в платках, корнеплоды с несбритой зеленью.

– И хор, ебать-копать. Мне не нравится, как они поют, я люблю Элвиса, спиричуэлс.

Я никого не люблю, мне *пока* никто не нравится, оптимистично подумал хозяин кота. Это, значит, сказали бы мне в далеком прошлом, ты ее просто еще не встретил. А чем, собственно, далекое прошлое отличается от далекого будущего? Он догадался, в кого превратила Цезаря смерть. В игрушку. Разница только в сроке годности. Сермяга внизу возился с камешками, сооружая какое-нибудь надгробие. Он успел вжиться в образ полуслепого, которому обязаны идти навстречу все, кто хорошо видит.

279

ненькие. Он жил, я хотел сказать, жил, как раз в этом доме, то есть, ходил по доскам, по которым ходил сам Адольф, однажды он мне рассказал про чувиху, соседку, естественно, будто он припиздил из школы, а она не на работе, сидит и гадает в халате немецкими картами. Заметила его, роняет карты на ковер, а карты с бабами, наклоняется собирать, так, чтоб он увидел, что под халатом ничего нет. Порно-призрак.

– Это интересно, – вымолвил Сермяга прежним голосом, который звучит все реже. И жестко добавил, – У Флиппера в классе все больные учились, – уже без «ебать-копать».

Вечерний воздух был не такой как обычно, словно чем-то подкрашен, это заметили они оба, но не сразу догадались, почему так кажется. С наступлением сумерек в окнах первых этажей, в местах, где их сроду не было, зажгались цветные вывески. От этих ядовитых отсветов земля и стены домов покрывались вздутиями и трещинами.

Жаров-телемастер увлеклся поэзией. У него в квартире всегда лежали на подоконниках купленные за копейки сборники стихов. Об этом подумал его одинокий товарищ, когда возвратился домой с «похорон» (от «поминок» даже Сермяга отказался) и включил люстру; с которой свисала нитка с ненужным бантиком из бумаги. «Тупоносая, хищная и щекастая тварь», – однажды Жаров зачитал ему по телефону навеселе стихотворение Федора Сологуба. Телемастер даже в уборной держит книги разных поэтов. Вычитывает забавные вещи даже в журналах типа «Радио» или «Техника молодежи». Про робота, забытого на далекой планете астронавтами, например. К роботу приходят тамошние жители и дразнят его, и так далее. Жаров многое знает наизусть, а холостяку удается запомнить только отдельные фразы, вроде «в автомат пятак просунул молча я». Как Сермяга опух... Такая одутловатость уже не проходит, совсем бесстрашный человек, несмотря на то, что полжизни притворялся, будто не выносит покойников.

280

281

Дальше, как принято говорить, если речь идет о чудесном спасении от гибели в газовой камере, или лаборатории врачубийцы, начинается легенда. Холостяк-одиночка решил, что не будет заводить себе нового питомца. Он сам увлекся имитацией кошачьих повадок, дверь в спальню оставлял приоткрытой, и караулил, когда появится мышь. Однажды он прыгнул с кровати и успел ее поймать, потому что мышь съела слабую отраву и едва передвигалась. Он подбросил ее в воздух и поймал раскрытым ртом. Пытался проглотить, но задохнулся. Через некоторое время мышь ожила, первым шевельнулся торчавший изо рта хвост. Мышь выкарабкалась и удалилась по паркету своей дорогой куда-то под диван. А холостяк остался лежать ногами к телевизору, отражаясь в телеэкране, он лежал, выгнув спину, с застывшими над грудью полусжатými кулаками, словно собирался выбить из глотки клич Тарзана. В его оскаленный рот смотрел бумажный бантик.

\*\*\*

«Уже и такой титул у них есть?» – Весело удивился Виктор Жаров, удаляя с кинескопа пыль косметической кисточкой у одной скушающей шатенки. По телевизору пел какой-то питурик, представленный как Князь Русского Соула. Жаров успел отметить плотность портьер в квартире своей клиентки. Она сказала, что из соседнего дома могут подглядывать, а мало ли чем ей вздумается заняться.

– Но ведь это прекрасно, – пробормотал Жаров. Он специально положил остывать паяльник на подоконнике за одной из портьер, чтобы был повод за ним вернуться.

от холодильника, и в смущении затоптался в центре коридора. Стыдясь собственного жеста, попробовал взъерошить несуществующие волосы.

Значит, все гораздо хуже, чем мне показалось. Смутная тревога все-таки настигла меня. Мученически зажмурился и широко раскрыл глаза. Она смотрела на меня с подоконника сквозь тюль. Выходя из комнаты я отнес ее, от греха подальше, в кухню, поставил на окно и совсем забыл про нее. Злодейку с наклейкой.

В ней оказалось гораздо меньше, чем я ожидал. Значит, я еще чего-то не помню. Пока кипятится чайник, возле форточки постараюсь разобраться, чего не хватает. По подмерзшему тротуару шел немолодой мужчина с большим портфелем, его походка, мне показалось, могла иметь отношение к моему состоянию. Мужчина был с усам, в бараньей кепке. Это же Филипоньо, он идет ко мне, он вчера звонил, и мы договорились. Я поспешил отпереть заранее, чтобы он не мучил меня звонками. Внимание, внимание! Вас посетит Баранья Кепка. А завпост Иванов носил бордовую из мохера, театральнй щеголь и паладин Сермяги.

– Пливетствую, – произнес Филипоньо, стаскивая перчатку. Я давно отметил, что здороваясь, он смотрит куда-то мне за спину, поверх моей лысины.

– Вот тапочки, – я махнул рукою в темный угол, – чай, мой руки.

Чекушка стоит на прежнем месте. Сколько в ней? Грамм пятьдесят, не больше. Филипоньо прошагал в мою комнату и со стуком поставил на пол свою ношу. Створки портфеля из грубой пупыристой пластмассы были стянуты двумя резиновыми жгутами.

– Замок ни к челюту, – пояснил Филипоньо, – А тут один хлопчина заказал кое-какие лазельки. Оптом белёт.

Филипоньо делает левые компакты по заказу тех, кому не охота покупать фирменные. Впрочем, я никогда не прошу показать мне содержимое черного портфеля, а чуткий Филипоньо сам не

Она за Телефункеном. С кровати не видно, но она там. Между портьер белели ребра батареи. Радиатор висел на двух крюках, и еще два поддерживали его снизу. Впервые в жизни я сосчитал ребра, чтобы встать, но лишь приподнял голову и понюхал воздух – проветрилось за ночь или нет. Ненависть к японской литературе помогла мне вылезти из постели. «Записки у изголовья», сука! А стишки какие сильные! Нет, самый лучший переводчик с японского был мой отчасти тезка, Гарри Трумэн. Он знал, что делать с этими гениями дзюдо. Всадил им под сраку в кимоно атомную бомбу. Хвала Америке за два городишки с тошнотворными названиями Хиросима и Нагасаки. Никто, кстати, не сочувствовал тем, что там сгорели. Гарри Трумэн вовремя вырастил эти грибы. А этот шидорас Мисима... Сразу стало весело. Судя по умеренной испарине, похмелье будет терпимым. Тут же, вспомнив, что кто-то должен подойти, я быстро собрал постель и откинул покрывало, чтобы не садились в уличных брюках туда, где я сплю. Под душем я представил, как напряглись бы хавальники наших «зеленых», услышь они слова правды про двух уродов, Хиросиму и Нагасаки, которые с детства хочется добить, вспомнил ядерный гриб с надписью «Венец творения», но не вспомнил, откуда картинка, наконец, как живые увидел уши выродков-мутантов из Челябинска, играющих «альтернативу», по дьявольскому хохоту понял, что вчера вечером сумел остановиться вовремя.

После ванной я заглянул за пустой корпус приемника. Ее там не было. Что за Чорт! Не могла же она сама спрятаться. Тем более залезть в холодильник. В холодильнике не было ничего особенного. Остатки тех мелочей, про которые принято говорить, это, мол, не еда, это... Не может быть! Я почти отпрянул

предлагает. «Тебя ж они не интелесуют» – скажет он, и чмоданурод останется закрыт для меня навсегда, как сказочный ларец.

Пока я наливаю чай, Филипоньо опускается на корточки и копается в моих пластинках. Он проворно шевелит руками, будто зарывает невидимые какашки. Вид у него в этот момент призрачный. Если окликнуть: Ты что делаешь? Он медленно обернется и окажется, вместо лица у него кроличий череп. Разумеется, он повернет голову не сразу, как и полагается в кошмарном сне, чтобы тот, кому снится Филипоньо заорал погромче. Рассказывают, Филипоньо ехал с другими людьми в Днепрпетровск. Их возит туда на своем микроавтобусе Беседин. И попросился в столовую, остановите, мол, есть хочу. Ему не позволили. «Ну, тогда я здесь покушаю» – сказал Филипоньо и, откинув столик, довольно долго изображал ртом и руками, будто поедает невидимую пищу.

– Вот чай, карамель, – мои слова звучат обидно, как собачья команда «ап», противно слушать. Лучше бы я говорил загадками.

– Давно ты из Москвы? – спрашиваем мы друг друга почти в один голос, и я успеваю опередить Филипоньо:

– Москве пиздец. Все слушают радио Китеж, и ломаются крестить домашних животных у отца Георгия, в миру он Игорь Набатов. Не сцы, не тот, которого я знал. Тот в Израиле. Пахан его, кстати, слушал только эмигрантов. Свиные пятницы на радио Китеж. Легенда про отца, который чудом избежал холода. Говорят, что подходящая женщина сумела зачать и родить от свиньи, которой как в фильме «О, счастливчик» хирурги приделали человеку голову... Молодняк читает новую вещь, «Экзема и Челентано». Про то, как юноша перестал гнить благодаря музыке Челика, прекрасно? Между прочим, чтобы превратиться в поклонника Дина Мартина любителю Егора Летова хватит одной секунды. Любителю Дина Мартина, чтобы стать поклонником Егора Летова не хватит всей его жизни.

– Это там так написано? А шо ты там еще видель интелесенького?

– Макромаслины размером с яйца зеленой собаки.

– Слышь...

Я понял его с полслова, как хотел, и быстро принес из кухни чекушку. Стопки удалось заполнить едва-едва до половины.

– Та не. Я думаль, може мы полную возьмем. Я схожу, – произнес Филипоньо, прекрасно зная, чем это светит.

– Сходи. А я посмотрю, чем можно закусить, – ответил я просто.

Филипоньо ушел, но баранья кепка осталась на вешалке, видимо, утром стало теплей. Не переживай, Вова. Носи свой каракуль, как и тридцать лет назад. Они вынуждены следить за новинками, и делают вид, будто их что-то радует, только чтобы внушить самим себе, что жить в эту эпоху большая удача. А дома желтеют сквозь марлю неполитые папы-фикусы и разит кошатиной от маминого пуфа-биде. Помнишь, дочка Синатры пела в дуэте с каким-то басом:

А третий в детстве в жопу совал мамин фэн  
Теперь он ходит важно, будто джентльмен.  
Его застукали, лечили, чем могли.  
Теперь он евро получает за статьи.  
О-о. Не рубли.

Вчера по телефону мне сообщили новость про старого знакомого! Яшико снова появился из тумана. Человек заглянул в газету киевских питуриков «Билитис», а там – вот такое объявление: «Он.42.180.70. Она. 20.160.55. Обмен откровенным видео». Девочки-то нет! Девочка эта второе «я» самого Яшико, которому сорок два. Какие двадцать лет! Девочка висит в комнате, где стоит секретер, набитый письмами и поляроидами от таких же больных. Одно я твердо знаю, Яшико не ходит по клубам, разве

286

сорок это не имеет значения. Между перцовкой и простой водкой та же разница, что между цветным и черно-белым телевизором, подумал я, но вслух говорить не стал.

– Будь здоров, мужелобстер.

– Пlichem тут лобстель?

– Один американец рисовал серию комиксов про Лобстермена, его нашли и посадили.

Филипоньо явно не знал, что ответить, поэтому я сразу подсунил ему другой сюжет – великан оторвал чувихе руку. Потом поймал двух селедок и сшил из них протез.

– А ты похудел, по-моему...

– Мотаюсь по командилёвкам. Плюс девушку встлеть и полюбить.

– Ну, мотаться лучше, чем метаться. В Одессу ездил?

– Был в Одессе. Но тот человек, шо ходил в заглянку, на связь не выходит. Чолыт его знает, можэ свалиль за кольдон? А ты наоболёт, тольстеешь.

– Ты же сам мне говорил, чтобы я закусывал, – я едва не проболтался, что знаю про «невидимую еду».

– Ничего, тебе польнота идет.

Филипоньо, сколько я его знаю, постоянно смотрит вдаль, как рабочий с плаката. По-моему, мы познакомились в девяностом году, не то весной, не то осенью. И уже тогда голову Филипоньо прикрывала баранья кепка. Временами его не отличишь от Омара Шарифа, а иногда перед вами копия Жженова с усиками из второй серии «Ошибки резидента». Видимо, от старых фильмов у нас выработалась привычка говорить загадками, малопонятными анекдотами и некрологами. В девяностом году, рабочих со взглядом Омара Шарифа уже вытеснили быстро линияющие улыбки гладких моделей, сулящих радость, бесконечную, то есть ту, что страшнее агонии. Тонкие губы, раздвинутые в онкологическом экстазе, похоронный грим женщин на

288

что на почтайт за корреспонденцией, а так в основном сидит дома. Сталинский дворец с простыми кружками и по сей день вспоминается как надежное заведение, а клубы притягивают как районная триппердача.

Поют. Поют... Зато по триппердачам гастролируют радикальные группы. «Нормальный человек должен разговаривать, а не петь», сказано у Галича. Все-таки, это подло по отношению к себе, оставлять в бутылке так мало. Лучше истребить всю водку до дна, тогда будет причина утром пройтись по воздуху, а не топтаться в прихожей между трех бесполезных дверей.

Судя по всему очень скоро в Стране Свиной будет опубликованы «Грязные старики», проза родителей Старой Жопы. По поводу тех, кто покидает этот магический город, не считая евреев: разбогатеет, педерасты моих лет (через месяц я смогу пропеть беляевское «мне сегодня ровно сорок два») перебираются в Киев, прихватив очередного «племянника».

Подростка позову. Ночное рандеву.  
Оттуда оторву. А там подотру.  
Проветрится к утру.  
Много-много любви  
За траву и икру  
Ву ле ву?

Хоть пошлай в газету «Билитис», пусть печатают в рубрике «творчество наших читателей». К утру проветрилось, но я забыл сказать Филипоньо про сигареты, кстати. Даже пепельницу-ракушку вымыл с мылом перед сном, рассчитывал, продолжать не придется. На холодильнике лежит открытая пачка папирос. Выпьем – и подымим.

Филипоньо принес перцовку. Сейчас выпьем, и пойдут анекдоты ни к селу, ни к городу. Осталась печень трески, какой-то рулет, вроде бы свежий. Я ничего не разогревал, потому что

287

табачной диете. Пускают дым изо рта, словно это у них в ягодицах тлеет ватин. «Берегите торфяники от пожаров» – обращался к людям со спичечных этикеток невидимый Князь Мира Сего. Некрологи и анекдоты помогают нам скрывать собственные просчеты, неумение выгодно проворачивать дела.

– Знал Цыганкова? Холостяк не выдержал. Подавился мышью.

– Влёде бы не голодадь. И не психоваль.

– А мы его неправильно поняли. Он хотел стать хищником, а не самоубийцей. Подарил Татьяне какие-то серьги...

– То тебе Тыква сказал про мышь?

– Да, Сермяга. Он помогал Цыганкову хоронить кота.

– Мышь! Кто видел ту мышь. У него белочка. Три месяца пьет с поминок отца. С годовщины. А там дозы. То он Мамлеева начитался. Ахинея, а не мышь.

– Сермяга Мамлеева не читал. Холостяка ему не давал.

– А тут потом еще Мулявин умер. Потом почти сразу Медведева.

– Ну да, новые поводы. А чего ты решил, что это белочка? Цыганков давно восхищался ловкостью своего кота. Говорил, мечтаю так же прыгать из засады. Просто мышей травят разбавленным порошком. Закупают в Турции левый яд. Он слабо действует. Мыши от него только дуреют, но не дохнут.

– То ему надо было в альмии служить, там бы его научили плигать из засады. То не яд, а плослёченный глибной суп с Излялия.

– Сермяга побывал в реанимации. Якобы освободился его старинный доминатор Кабак и ширнул Сермягу чем-то желтым (в фильме Ромма «Секретная миссия» шоферессу Шеленберга зовут Марта Ширке). Сермяга приходит домой, дверь не на замке, а вокруг стола, как группа 70-х годов на обложке, сидят шесть рыл. Вы шо здесь...Шо вам здесь надо? – спрашивает

289

Сермяга. Ты нам завещал эту квартиру. Если так, пойдем в милицию, но может, сначала позавтракаете со мной? Исчезает в кухне, возвращается, а за столом никого. Он к двери – заперта изнутри, хотя он не запирает. Когда смотрит, маленькая такая, ниже колена будет, размером с черепашку. Ты кто такая? Отвечает – Они мне разрешили пожить под ванной. И теперь она живет у него под ванной. Помнится, Нэнси Война Миров тоже под ванной обнаружила заколдованные трусы, завязанные узлом...

– Согласись, банальная истолия. Вся лительятуля плё чельтей умещается в одну белую голячку все якобы плидуманное писателями.

– Приблизительно.

– А вся элётика в одну большую книгу Кляфта-Эббинга, – Филиппоньо выдавил тяжелое мягкое «г». С таким же «г» он проносит фамилию любимого певца, – Слышь ... У тебя Хампельдинга не осталось?

– Продад. Девять штук Хампердицы было. Все сдал.

– Не жалеешь?

– Жалею. Крафт-Эббинг дал точные и грамотные описания всех видов человеческой гадости. Зачем тогда позволяют выкаблучиваться современным паразитам? Вон та, что жила у Старой Жопы под ванной, тоже успела написать свою прозу. Название «Чача». Не сомневайся, возьмет любой журнал, напечатают, обнарудут. Будет снят фильм с музыкой русских панков.

– Вот кого я не пелеваливаю.

– Мой мальчик, когда у тебя обсохнет молоко на губах, ты поймешь, что наш единственный враг – Страна Свиной, а с остальными могут быть только временные разногласия. «Секретная миссия» – обоюдоострый меч. Слышал, вчера двадцать девять баб выбежали и легли в снег с голыми жопами. Протесту-

290

– А ты видел «Портрет мальчика с желваками»? Тыкве на нем максимум лет пять. Одутловатость с ранних лет. Чем раньше он начал пить, тем меньше подозрений вызывали у взрослых эти мешки под глазами, порочные желваки. Нет, Сермяга травит себя не потому, что хочет умереть, просто он каждый день доказывает себе, что не может погибнуть и празднует победу. Скольких он уже отправил на тот свет вместо себя! Разумеется, он притягивает себе подобных чудовищ, но их имена и облик скрывает Олимпийская дымка, вечные сумерки вокруг Ребенка с Желваками. Вот как один человек передает свой диалог с Сермягой, когда тот оправился от сделанного ему Кабаком укола: Может тебе чем-то помочь? – Какая помощь, ебать копать? Он бы мог и тебя. – Шо меня? – Ширнуть, ебать-копать. – Так что это за монстр???

Ответ на этот вопль благополучно гложет в тумане с острым техническим запахом, за который так ненавидят наши края суверенные кацапы, будь они прокляты и съедены собаками из Дубов. Запорожский туман необъяснимый и пунктуальный, как ночь. Откуда клубится он, если трубы остановленных фабрик пусты?

Жаль, что на радиобазаре не продают дистанционный пульз, чтобы нажал на кнопку, и человек в другом месте пукает или какает. Допустим, Старая Жопка в зале суда готовится произносить речь, что-нибудь пламенное, вроде: «Надо более бед и потрясений, чтобы быть готовыми ко дню пробуждения Дьявола. Революционер должен иметь чорта в теле и всаживать его в тело народа...» А тут мы нажимаем на кнопку, и Старая Жопка вместо речи обкакался и залагал. А? Чтобы не смыкал за хвост наших Чертей своим рыбьим ротиком. Правильно! Бакуинец... юный...

Крэк сделал свое дело. Медведица свое открывала... Беляев может считать себя пророком: «В нем кронштейн летит приби-

292

ют. Техасец им не нравится. Большой Шайтан по-моему не должен реагировать на шантаж этих курдюков. А рэгги какая гадость. Лучше иметь сына-дауна, чем терпеть, чтоб он слушал такую хуйню, как ирландский фолк, или рэгги.

– Тут ты пляв. Между Сельмягой и покойным Цыганковым имело место сопельничество. Иглы со смельтью. Со школьной скамьи.

– А они, шо, в одной спольтивной школе учились, или шо? – Слегка осовев после четвертой рюмки, я передразнил гостя, но тот сделал вид, что не заметил.

– Нет. С чего ты взял?

Ну ты ж говоришь, «скамейка». Я решил, скамья штрафников. Запасные игроки.

– Сельмяга. Полсезона в спольгителънате.

– Вспомнил! Его отправили на родину Шевалье Какаду, в Харьков. В спортинтернат. Там Сермягу застукали с кем-то в кабине (я хотел сказать, в душе) и Сермяга вылетел... А ты знаешь, что Холостяк все-таки угощал Сермягу в Дубах. Ударил морозы, в парке обоих застигли сумерки. Они стояли на террасе перед летней эстрадой. Холостяк собственноручно кормил Сермягу плавленными сырками. Тот еле стоял на ногах. Холостяк подробно и восторженно описывал мне белые выпуклые кегли-колонны, они облокотились на них, сверху поставили выпивку. Покойник бережно фиксировал уцелевшие останки прежней жизни, ты это знаешь! Вдруг Сермяга делает несколько шагов в сторону руин кабака (в нем пел Шпунт, перед Олимпиадой туда сел Поливода, кажется, а летом во семьдесят первого туда сослали, после скандала в «Березках», Игоря и его братушек), и негромко говорит тому, кого он видит: Кончай свою хуйню, Казбек. Слышь, Казбек, кончай свою хуйню, кому говорят...

– Тлявит себя человек. Тыква тлявит себя.

291

тый, первый в космосе еврей. Ура...» Фил Спектор кого-то убил. Кажется женщине... А между тем решаются важные для моего будущего вопросы: кто победит – Диснейленд или богдельня? Чтобы победить, Микки Маус должен ударить первым по ненавистному мне поселку бесхитростных тружеников. Мои Микки Маус и Чорт, сувениры из «киндер-сюрприза» стояли в обычном месте. Клоунская маска с наэлектризованными вокруг лысины волосами, пускающая дым из растянутого рта привиделась мне, словно сошедшая с цирковой афиши. Отец двух девочек. Кличка «Кисточкин», потому что художник. Так звали героя пьесы «Всегда в продаже» у Аксенова, писателя, угробившего жизнь на подражание Набокову и симуляцию джазовых оргазмов. И дай ему бог... Неаксеновский Кисточкин со своим еблом клоуна постоянно крутится рядом. В уже упомянутом экстазе, что противнее самой жуткой агонии. И женщины, напрягая раковые шеи, выпускают из подкрашенных губ дым, с таким видом, будто им неудобно выпускать его через задний проход... Ну, Филиппоньо, пьем еще?

– Лясскажи, где ты его видел?

– На Грязнова. Облокотился на киоск, в распахнутом пуховике, свитер под горло, полярник, блядь, без шапки, стоит и курит. Он еще базарил с какой-то хуной, видимо, из балета «Потные сраки». То и дело растягивая клоунский рот так, что лоб бороздили морщины. Бездыр... бездарный лоб.

– Слышь, если этот твой Кисточкин клоун...тогда мы – фокусники.

– Приблизительно да. В Москве разрешили крестить кролей, ежей. Свиныня ведет по радио программу «Сказ про отца...»

– Ты уже ляссказывал. Пlichem тока шо.

– Ребятам-пороссятам. Да, но я тебе не рассказывал, что Ираке, между прочим, в Ираке... три процента населения католики. Этот дегенеративный пьер ришар Кисточкин тоже като-

293

лик. Как насчет того, что Тарик Азиз будет молиться за мир на могиле Франциска Азисского? Он сейчас в Риме, шуткуется с папой. Как тебе такие революционеры? Старая Жопа тоже, между прочим, где ему выгодно, подчеркивает, что он в «крещении Петр», а последнее время вообще чуть что: Аллах! Аллах!

– А шо ты от них ожидаешь, чего-то длогого?

Уличный воздух местами прорезывали лучи солнца. В досках пола отражалось февральское небо. Туман появился после ухода Филипоньо, подумал я от усталости. Придется допивать. Под окном остановился микроавтобус. В форточку влетел кусок русского шансона:

Мы все чаще пердим

Не стесняясь друг друга...

Потом что-то о половой жизни лебедей, но не та песня, что пел Щучий Рот.

– Пошли бухать на кухню, – сказал я, глядя в пепельницу.

Филипоньо смотрел мимо, устремив вдаль нечистое лицо остриженного сфинкса.

– Ой, джин вышель погулять, – сконфуженно пробормотал он на ходу. Но я не заметил.

Смотрим во двор. На грязный снег.

– Вон оттуда он бежал.

– Кто?

– Федор. Пионер. А твой Адамо так не бегают? – вопрос был задан мысленно, чтобы Филипоньо не взбесился.

– Могу рассказать, как обоссался пионер Федоров. Месяц май. День пионерии. Во дворе ни души. По-весеннему шумно шелестят лиственной тополя. Вдруг во двор с проспекта вбегает пионер. Ревет на бегу. И сразу за сарай. Мы переглянулись, и тоже туда, узнать, в чем дело. Подходим ближе, он нас не замечает. Что-то делает рукой: нагнется и ладонью трет по шершавой доске, не боится занозу загнать. Белая рубаха, красный гал-

стук. С парада прибежал. Трясет черной челкою в сарае без крыши. Среди горячих от солнца досок, и блестящей, словно слюни, паутины. Тогда, ты знаешь, цветных картинок было меньше, подробности были проще. Сарай, паутина, мухи. Оказывается, на параде он усрался и терпел, пока не домаршировал до места, где жил. Покончив с какашками, Федор посмотрел сперва на грязную руку, потом заплаканным взглядом на нас, свидетелей его неприятности. Второй такой взгляд я поймал на себе ровно через двадцать пять лет. Так смотрела кикимора, которую подцепил себе Старая Жопа. Дело в том, что Федор был умственно отсталый, учился в интернате. И в пионеры их принимали позже, чем других, якобы полноценных детей, по моему, классе в шестом. Он вбежал сквозь те ворота, те, что ближе к помойке. Тополей становится все меньше. А ведь одним таким бревном можно раздавить целое поколение арткритиков. Не знаю, зачем, но я скажу тебе, Вова, сталинский Дворец Культуры напоминает надежное тихое заведение, а подвальный клуб – сомнительную больницу, откуда выписывают только чтобы другие заразились...

– Какие-то англичане пели песню «Madman running through the fields»...

– Я учил немецкий.

– Так бежал и юный Федор. А теперь по Дубам бегают Парасюк с беременной старухой Викторией.

– ?

– Собаки. А вот что рассказывает уже про другой День пионерии небезызвестный тебе Мельдзя. По праздникам ребят, школьников сажали в катер типа «Корнийчука» (где устроили потом плавучий кабак) и катали вокруг острова Хортица... Ну, экскурсия. Это было по моему, 1982 год. На борт «Корнийчука» пробирается Азизян и говорит: Шо вы тут слушаете! Я понимаю, «Secret Service». Были они у меня. Вот я знаю человека, он

до хуя чего может рассказать про музыку. Он вам скажет, кого надо слушать в первую очередь – Костю Беляева! И пропел кусок «На именинах у Левы»: Было там вино «Улыбка», были сигареты «Шипка», а Иванов принес с собой стакан.

– У тебя холешо получается. Изоблязи ще шо-нибудь из этого Азизяна.

– Пожалуйста: Шо? Не понравилось? Я же сказал, пиздуй отсюда. Понравится, тогда придешь! Похоже?

– Годится. Нольмально. Слышишь, я тут лязговаливал с жульналистом, молодой палень...

– Хороший хлопец?

– Гольдый, спасу нет.

– Гордый? Ты бы почитал анкеты, те, что они обязаны заполнять. Это, как Азизян орал – знали бы они какой у меня желудок! Создается особая каста гилунов-гермафродитов. Шо вы хотите, made in the 70's. Нормальных детей не делали. У каждого позорный опыт, типа застал родного отца с солдатом или матушку с волшебной лампой во рту. Вон сын Шеи-покойницы видел, как Сермяга «в автомат пятак...»

– А Сельмяга шо?

– Шо «Сельмяга шо»? В реанимации!

– Ты ж говолил, его выписали.

– Верно. Но все-таки был на волосок... Шо такое университет? Этих «made in the 70's» без солидной взятки туда не принимали. Не потому что жадные, а потому дети одинаковым достатком должны учиться вместе. Вы фотограф? И я фотограф! Так пусть наши мальчики сосут пиво одной марки!

Иначе свой Оксфорд для недоделанных не организуешь.

– Или Гальвальд.

– Да. Или Гарвард. Причем, их туда определяют совсем не для налаживания горизонтальных связей, знаешь, свадьбы-женитьбы, объединение капиталов. Ничего подобного! Ро-

дители прекрасно ведают, на что именно не способны, те, кого они сознательно выпустили на свет в семидесятые года, и позднее. Вид у детей такой, будто их специально недодержали в закрепители, эмульсия сползает. Да и бумага не первый сорт, просроченная. Поэтому, инженер Филипоньо, эту свою серость, дефекты при проявке, жертвы любительской съемки восполняют таким громадным количеством фото и видео-материала. Предки догадываются – потомства от таких ждать не следует. Да они не рассчитывают на детей, они ждут не наследников, а впечатлений. Может быть...нет, ты наверное, не читал, у Фолкнера в книге есть такой Попай, он тоже жил одними впечатлениями, потому что не мог иначе. Но впечатляются они не быстро, с опозданием, думаю, лет на семь. Внутри помещений, где их растили, скрывая многие подробности, выхаживали, очень скучно. Сидит такой «кузянка» лобастенький и мечтает о своем предназначении. Неинтересно внутри тех мест, где обитают умевшие прожить при социализме, вырастив тех, кто сумеет жить при капитализме, и жить достойно на позор «несумевшим разбогатеть». Ах, Попай, мой Попай... Нравишься ты мне, не пойму чем, но нравишься. Вот они и бегали... Туда, где, как Сермяга говорил, «настоящие люди собираются». Знаешь Пуделя, помнишь Пуделя с балки? Они все к нему бегали за «альтернативой», так что ты, Филипоньо, мог всех их видеть еще ськунами. Но через Пуделя они мечтали выйти на Косоротого. Бредили этой помойной харей.

– Кого ты называешь Косолётым?

– Неважно. Жид один.

– Если я тебя плявильно понял, у него нашли мокнущую экзему...

– Это еще ни о чем не говорит. Рано радоваться. Вылечат. Грязи Мертвого моря помогают от гнойников, еще говорят,

понос сирийских монахинь. А пока что «Экзему и Челентано» собираются ставить в Театре Молодежи. Деньги дает какой-то дагестанец Шербет Гольд-Магомадов. Вообще-то это информация не для плебеев. Они, конечно, умеют скрывать свои переживания (гермафродиты), но нервничают, когда об ихних планах все болтают те, от кого ни хуя не зависит. Тебе известно, каким путем среди грамотного простонародья выбирают любимых артистов? Присматриваются, как приноживаются – если чуть подсказывает, что звезда воняет одинаково. Значит, обязательно полюбят, будут помнить, обожествлять.

– А эти «кузьянки», как ты говоришь, могли видеть такое! Помнишь Стаса, сына покойной Шеи?

– ...он видел Сермягу в момент «припадалова». Сермяга сам об этом рассказывал, но не мне. Стас приходит со школы, а в комнате играет этот, с рачьиими глазками...

– Клис Нольман?

– Не, Крис Де Бург. В протертом кресле сидит Шея, а Сермяга ей «в автомат пятак сует». Золото волос. Занавесочки. Мик Джаггер на стене втягивает живот, мой, кстати, подарок, отдал по пьянке. Что должен был думать ребенок конца 80-х? Какие ценности переоценивал, глядя на собачий животик курящей мамы? И сколько подобных сцен, подобных травм. Ладно, это мать. А если папу с хуем во рту? Наверняка и такое бывало не раз. В интеллигентных семьях.

– Не говори. Отсюда и дефицит клясивых пледметов. Потому что их интелесуют только собственные впечатления и ощущения. На хеля ему диски, если он сам от себя бальдеет. Я плявильно понял?

– Да. Иначе мы бы вместе не бухали сейчас.

– Тебя бывает глодно слязу понять.

– Одних трудно понять, потому что они многое скрывают, а других, потому что много говорят. Обычно я говорю больше

298

лонок. То есть, можно заправить жопу бензином, но куда потом ехать?

Все мы любим Азнавура, Адамо. Ты не любишь Гензбура, я люблю. Во Франции министр обороны – баба. А это нечистоплотная нация, русская сволочь неспроста любила там жить, плюс «алябы». У Саддама Хусейна бактериями чумы распоряжались тоже баба. Рахиль Тата. Рахилька, чтоб вы слохли, вы мне нравитесь! Конечно, Техасец ей поперек горла.

Это же климовские дела. Рейган всучил Саддаму яды, микробов. Как батя сыну-долбоебине электробриту: Пользуйся. Я думаю, то есть, я подозреваю... Ты что, взял две?.. Рейган сделал это нарочно «чтоб евреев притурнуть». Но – чужими руками, Филипонью, чужими руками.

– Пожалуй, иначе этот шаг не объяснишь. Остается надеяться, что он знал, что делать.

Неужели эти слова сказал мой гость? Тогда: За Техасца, Филипонью! На Багдад! (это тоже вслух не говорится, Филипонью произносит «Быть доблю», я молча киваю).

– Сейчас у листных самое модное имя – Садамо. Между прочим, ты, Филипонью, скрываешь, что твоего сына зовут Адамо.

– Не поняль юмоля.

– Ну, в честь Адамо!

– Почему тахда не Сальватоле?

– Обрати внимание, из разговоров исчезли слова «дядя» и «тетя». Они стареть боятся. Нормального человека без повреждения после тридцати называли дядя...Гарик, тетя Ира. Эти – хуй. Молодятся. Этот признак неудовлетворенности. А недовольство собой возникает не от внешних обстоятельств, а от сознания внутренней неадекватности. Ну так какие мастера их делали?! Мы-то знаем эти фабрики. У мамы компактсы Баха. У папы... Значит, его зовут не Адамо?

300

тебя, но и ты толком ничего не рассказываешь. А ведь мы знаем друг друга больше десяти лет.

– Но ты ж лучше меня знаешь молодежь.

– Если папа дурак (или просто умеет держать язык за зубами), они, конечно, будут бегать к умному дяде, чтобы послушать, что он им расскажет такого, что могло бы пригодиться. Характерно, что собственные папы последнее время подают голоса исключительно из-за дверей. Как в фильмах ужасов. Не показываются. Скрывают свой внешний вид. А как танцевали! В носках!

– Главное – подо что! И какие пальтёны. Где, кстати, твоя подлюга?

– У себя. Что нас с ней объединяет, вдаваться не будем, потому что потом еще противнее будет объяснять, что нас разъединило. А объединяет, пожалуй, равнодушие к нашим недостаткам, способность к удешевлению чужих достоинств. Ладно, хорошо пиздеть стихами. Возьмем любого хуйлыгу made in 70's. Ни одного не видел с нормальной чувихой. Потому что пример ближайших им старших усугубляет характерную необоснованность этого поколения. Непрописанность, можно сказать. От них прет фолкнеровским пиздохранилищем. Даже беременные эти дети Полая и Тэмпль Дрейк выглядят, будто вместо пуза у них подушка. «Что-то засунуто, чтобы торчало в разные стороны» – забыл, откуда это. Ни с одной не возникает желания вытупить, хотя, ты знаешь, я никакой не пидорас.

– Мог бы и не говорить. Кто-кто, а ты не похож на голубого.

– Они водят с собой неубедительных баб. Это, по-моему, лишнее. Зачем соски, когда у них самих хватает, как они называются, бабские гормоны? В общем, женских гормонов. Вот этой своей нерешительной решимостью остаться, во что бы то ни стало, они напоминают мне пешеходов возле бензоко-

299

– Не...зачем тлявмилёвать пацана? Ты обещал поставить Хампельдинга.

– Сейчас послушаем. Я уже достаточно бухой для песен Хампердицы. Громко делать не будем. Пошли обратно в комнату, там у окна акустика лучше. Про Диснея пишут гадости, мол, пьяница, ненормальный... Что же вменяют ему в вину – не любил детей, ненавидел женщин, хорошо относился у Адольфу. Я тоже равнодушен к детям, плевал на женщин, и полжизни славил Адольфа (пока не надоело). Дисней – гений. А кто желает «нюхать подола», как говорит у другого гения двадцатого века Яков Шибалок...

– У кого это? Кто это?

– Шолохов. «Донская повесть». Великолепная экранизация. Режиссер Фетин. Неужели не смотрел? Рахиль Тата... Это, как Мелани Лазарева, которая впрочем, тоже заведует в нашем городе бактериями. Ходячая лаборатория. Распоряжается, блядь...

Филипонью огрызнулся словами Сермяги: «Не говори мне плё нее!» Он быстро засобирался. Универмаг до шести. Я и забыл, что сегодня воскресенье. Вот почему под окнами ходит так много людей с дециметровыми антеннами. Прут с радиорынка. Суплюга плёсила посмотреть пляжу... Разве универмаг до шести? Ах да, воскресенье...

Мы прослушали всего Энгельберта, какой у меня сохранился. Стали спущаться февральские сумерки, еще не такие светлые, как в марте. Из облачных прорывов перестало светить солнце. Туман смешивался с табачным дымом, день с сумерками.

– Вот я тоже кепку себе купил, со скидкой, Германия. На ярлыке внутри номер 666. Не веришь? На, читай.

Мы распрощались. После ухода Филипонью, я подошел к окну, туман и сумерки действительно поглотили его фигуру с

301

портфелем раньше, чем я ожидал. Оставалось полбутылки перцовый, и сторона Хампердинка. Вдруг снова показалось, что на улице страшно накурено, а в комнате воздух чист и приятен.

В том месте, где был сфотографирован Энгельберт, царили другие сумерки. За левым плечом певца темнели густые заросли, отражаясь в неподвижной воде залива. Еще дальше был виден другой берег с едва различимой пристанью, и фрагменты уместившегося в фотопроеме неба. В самой природе и настроении не было ничего нездешнего. Похожие места сохранились в избытке на днепровских берегах. Иные там цветы, иные листья там...

Соединив пальцы рук, в жакете из легкой замши, Энгельберт повернул голову, он словно ждет, что скажет ему подошедшая красавица. Или скорее нет, он просто видит перед собою что-то, что ему совершенно безразлично. В шестьдесят восьмом году все это могло присутствовать и здесь. Такой же вечер, такая же музыка, прическа. В той же позе мог стоять двойник Энгельберта, положив локти на ограду и смотреть сквозь сумерки. Скорее всего, у него под ногами «поплавок», близнец причала, того, что виднеется вдалеке, плоский, как надгробие.

В фойе кинотеатра имени Ленина висели фото актрис и актеров. Кто-то из них, возможно Бруно Оя, был сфотографирован в точности на таком же фоне, полубаки, поворот головы – все было одинаково. Только сумерки выглядели светлее, потому что снимок был черно-белый. Все это было настолько фантастично, что я, как бывает во сне, не мог разобрать фамилию актера, тогда бы развеялось драгоценное наваждение: в фойе кинотеатра висит Хампердинк, и никто этого не замечает, кроме меня.

Сумеет ли мы? Сможем ли мы остаться в тех же местах, где нас пока еще не видят, после того, как исчезнем?

302

\*\*\*

*«Приходя к мысли о самоубийстве, ставят крест на себе, отворачиваются от прошлого, объявляют себя банкротами, а свои воспоминания не действительными. Эти воспоминания уже не могут дотянуться до человека, спасти и поддержать его. Неперьывность внутреннего существования нарушена, личность кончилась. Может быть, в заключение убивают себя не из верности принятому решению, а из нестерпимости этой тоски, неведомо кому принадлежащей, этого страдания в отсутствие страдающего, этого пустого, незаполненного продолжающейся жизнью ожидания».*

(Борис Пастернак. «Люди и положения»)

– Знаешь, куда смотрит Хамп с обложки «Last Waltz»? Он смотрит туда, где ты исчезнешь, Филипоньо. На твою могилу. Из будущего отступает исчезновение.

– Ты хочешь сказать, шо это я его сфотографил? Через отшельствие в памятнике. А англичане не обидятся?

Филипоньо здесь! Ты не ушел, ты просто исчез. Как пропали с прилавков каракулевые кепки. Одну из них надеваешь и ты, семнадцатого февраля, в годовщину смерти моей бабушки.

Филипоньо нравится моя мысль. Чтобы доказать, что он фотал Хампа из могилы (полный Кафка!), он пускается на поиск доказательств. Но ему удастся найти (точнее, он лишь убеждает себя, будто нашел) лишь половинчатые вещи. Старый фотоаппарат. Места схожие с теми, где было сделано фото (или наоборот). Но и после всех этих открытий его настигает тревога, он обнаруживает последнюю деталь на снимке – это рябь на воде, в которой дробится отражение кустарников за спиной Энгельберта. В зарослях кто-то есть...

Теперь он подолгу и сумрачно размышляет, силится представить четкий образ, а кому делает жест рукой и улыбается со ступенек Клифф Ричард? Со ступенек. Клифф. Молодой. А с кем и куда уходит по осенней аллее Челик, не к нему ли, Филипоньо, в гости?

Пожалуй, рано брать себя в руки, тем более, для одного здесь более чем достаточно. Но завтра придется отлучиться, чтобы послезавтра похоронить этот минибанкет-минизапой. Лучше не скажешь. Красиво такие вещи не называют. Ну а пока: Хампэдинк! И выпьем за туман, за наш запорожский туман. Туман всегда благоприятствовал нам, не так ли, дженгльмены?

Февраль.2003.

303

## СОЛНЦЕМ ОПЬЯНЕННЫЙ

В феврале вдруг потеплело, стало солнечно и пыльно, как бывает в первых числах апреля. Лишь деревья торчали по-зимнему безжизненно на фоне весеннего неба. Одно из двух – либо мерещится эта невозможная безупречная синева, либо грязные сугробы на газонах.

Замшевый пиджак, скорее кафтан, не застегивался на груди, мешал толстый, крупной вязки свитер, и свернутая тетрадь в боковом кармане. Тетрадь была со страшным рассказом про осеннюю ночь в Москве. Тяжелая Челюсть не позволила мне его прочитать. Отрицательно сверкнула рысьими глазами, подведенными раз и навсегда так давно, что вспоминать не хочется. Татуированные веки и капустный бант в волосах. Все такое стародавнее, что на туловище, может, сохранилась надпись химическим карандашом. Самые новые вещи в квартире – дециметровая антенна и кассета певицы Аллегровой. Меня слушать отказываются, а музыку в доме держат...

От теплого ветра саднило кожу на лице. Я возвращался домой пешком, вдоль набережной, и чувствовал себя неисправным стариком. Время от времени я пытался обернуться, все-таки, там осталась молодость, но лишь пожимал плечами и шел дальше. Про такие состояния говорят – «и плакать хочется, но не было слез». Мне предстояло послушать одного певца во вторник. А теперь было воскресенье. Ждать недолго. Особенно, когда уже четвертый месяц жизнь кажется невыносимой. Хочется сказать одной и другой, потерпите, я сам справлюсь с этим непрошеным наваждением, вы мне тоже нужны, ваше присутствие дорого стоит. Почему вы не куклы, как бисерная змея, зеленый лягушонок, лысый югославский птенец. Обе –

304

305

одна и другая, неподдельно красивые, но ведут себя тревожно, противоестественно, словно ожившие манекены. Обе больше-ротые с выкрученными руками. Жаль только, что внутри у них кишки, а не узел из резинок... Навстречу, поедая из бумажного кулька арахисовое драже, прошагал мой двойник пятнадцатилетней давности. И тогда тоже было две.

В страшном рассказе действие разворачивается в октябре тысяча девятьсот восемьдесят третьего года. Прошло почти одиннадцать лет. Но уже тогда я знал от Михайлидиса про профилакторий, более того, успел там побывать, и не то два, не то три раза, даже выступал в концертах... Ух-ху-хух... Михайлидис перед новым годом сообщил, сверкая глазами, (почему-то все, кто работает на больших заводах, умеют это делать) что у них в самодеятельности появился удивительный солист. Искренний любитель Магомаева, поющий его старые вещи. Был упомянут также «белый сценический костюм».

Я не рвался в прожитые годы. Не шарил рукою в дырке с водой – куда же вы, мои кашечки? И все-таки, чего-то мне в эту несрочную весну было жаль.

Вдоль берега мне захотелось пройти, чтобы не ехать троллейбусом, где только и слышно: «удостоверение, удостоверение». Срок моей дурдомовской книжечки истек в прошлом феврале, у меня ее даже при себе сейчас не было. Едва вышел из диспансера, где мне было сказано: «либо ложитесь под наблюдение, либо мы перестаем вас замечать», сразу полезли в голову мысли о деньгах, концертах. Такие мысли, как известно, любят поддерживать те, у кого деньги уже есть. А тут еще этот замшевый кафтан. Обезьянья Голова сразу сказала: «Не носи его. Хочешь, чтобы к тебе пидорасы приставали?» Ей виднее. Мне она о себе не рассказывает, а кому надо, те и так все про нее знают. Я называю ее «японский композитор Сосака», и она давится.

306

Инженер Зуев явно переживал непонятные другим трагедии, он заметил мое состояние и, не говоря почему, просто предложил съездить с ним в профилакторий на концерт художественной самодеятельности. Давно непьющий инженер барабанил в заводском ансамбле. И правильно делает. Концерт будет не то во вторник, не то в четверг. У-гу. Посмотришь, какой у нас «Магомаев». Красавец!

В толпе начала девяностых преобладала птичья разновидность уродцев – с крючковатым тонким носом (но совсем не восточного, не еврейского типа) со впальми щеками, острым кадыком и глазами-бусинками на выкате. Теперь персонажей с такими чертами можно в любой момент увидеть на экране. В постели, с пистолетом, героев. Они не растворились, оказались востребованы, сумели, как любят повторять бродячая серость, навязать себя и свой облик этому миру. Сегодня все чаще у ворот колледжей или университета можно встретить уродцев иного типа, с круглыми вывернутыми ноздрями и далеко посаженными миндалевидными глазами. Когда-то таких принимали в пионеры в седьмом классе. Теперь они могут благополучно парковать дорогие машины у ворот alma mater. Водят, не разбиваются. Судьба стала относиться к обиженным природой терпимее.

Если допустить, что все это поневоле я мог предвидеть, нетрудно понять причину печали, охватившей меня осенью девяносто третьего года. Она отпустила меня в мае, в Крыму, посреди скал, но воздержимся от красивых описаний. Кожанные птичьи маски, миндалеглазые монголоиды – все ждут сигнала, чтобы о себе заявить. И сигнал не заставляет себя ждать.

Молодые арт-критики похожи на косоротых зародышей, собак и птиц тоже. Вид у них такой, будто они, склонив голову эмбриона, к чему-то прислушиваются сквозь младенческую плеву. Слушают новый альбом. У целого поколения не хватает какого-то фермента, не те гормоны. Чем думали мамы с папами?

308

Прошел почти год, и видимо, состояние мое пошатнулось настолько, что сердобольный инкогнито передвинул, закатывает мне весну раньше времени, как Рождество больному ребенку, если известно, что ребенок не доживет до декабря.

В троллейбусах теперь играет музыка, но пользуются общественным транспортом в основном инвалиды. Америка на полвека раньше начала экспериментировать с голосами, потому и выиграла все войны у этих скотов. Герои с поджатыми хвостами тоже здесь что-то сочиняют, показывают друг другу возможности своих «голосовых аппаратов». Попытки догнать и перегнать США в музыкальном отношении, чем-то напоминают стремление развить чувственность с помощью машинописного руководства. Татуированные Веки наверняка пробовали. Хорошо, что я ее навестил, осмотрел, пусть разрушается, пускай дымит. Не толстеет, правда. Еще бы, там съедено столько сомнительной вяленой рыбы, что вполне могли завестись и черви.

Стой! Стой, мусульманин! Aufschtein! Я, кажется, забываю подробности. Ведь с того солнечного февраля минуло еще девять лет. Чорт с ними, с деталями, какого роста были деревья и курс валюты, это есть кому описать. Меня интересует мое состояние. Всему сопутствовала печаль. За мною, как за скорбящим миллионером повсюду следовал, скользя по асфальту неподвижными колесами, черный блестящий (эта пыль на него не садилась) катафалк. От печали темнел воздух внутри арок и подъездов, где некому ждать, не к кому подниматься по честным советским лестницам, чтобы поделиться простыми вещами. Печалью и тоской смотрели пыльные окна копеечных кафе, закрытых на ремонт и переоборудование, после которого мы уже никогда, дьявол, никогда не узнаем друг друга. Я противился модным попыткам выпотрошить мою сущность, и открыть во мне салон красоты, как мог. Никто, правда, моих стараний не замечал.

307

Я не был слеп. Мне нравились обе. Но образ грядущего бил мне в глаза. И несмотря на апрельское солнце в феврале, я чувствовал себя утопающим. Я словно бы пережил смерть от переохлаждения в те дни. Воспоминания давно не бросают в дрожь, как пахнувший духами затылок любимой куклы, тем легче с годами подделывать эту тоску и печаль. Однако, недавно, не могу сказать вчера, но времени прошло немного, Зуев сообщил мне, что «Магомаев» умер.

Сердце не выпрыгнуло, разорвав бумагу в обруче, как цирковая собачка. Но я снова, подобно шахматной фигуре, очутился на обочине шоссе, что тянется вдоль Днепра до Сермягиного замка, где Днепр вдруг оказывается необъяснимо далек.

Я постоял на месте, искоса поглядывая на грязный сугроб. В будущем здесь случится злодеяние, и останется оно без наказания. Значит, будущее, известное мне, для кого-то окажется счастливым. После этого я перестал быть шахматной фигурой, и вышел из оцепенения нормальной человеческой походкой.

С некоторых пор меня стали интересоваться указатели, жестяные листы со списками жильцов. Они все еще висят у подъездов, но фамилии разобрать уже нельзя. Тот, кто потрудился выучить их на память, обладает теперь недоступными сведениями. Кан, Барсук, Шведов. Было не было, поди проверь, поди разбери сквозь ржавчину, какие буквы выводила кисточка художника лет тридцать назад, когда ты столь же старательно надписывал коробки с магнитной лентой. В «Мальтийском соколе» частный сыщик Сэм Спейд пользуется услугами адвокатской конторы «Вайс, Мериан энд Вайс». Собственно, я не это место хочу вспомнить, а крепкую фразу отсюда же насчет того, что нынче про тех, на кого работаешь, нельзя много знать – you can't know too much about the man you're working for these days.

Действительно, о покойном солисте мне известно немного. Я даже не знаю, чем он занимался на заводе, которому принадле-

309

жал профилактикой. Был он инженер, переводчик технических текстов, или просто квалифицированный рабочий? Описывать его внешность пока еще рано, мне хочется поговорить, просеять все, что помню, чтобы обнажились покрупнее ценные останки. Звали его Анатолий Дмитренко, достаточно звучно для раскатистого объявления с эстрады. Состоял ли Анатолий в партии, не знаю. Помимо абстрактных указателей на некоторых домах, особенно частных, еще попадаются литые держатели для знамен, с выпуклыми серпом и молотом, едва различимым под густым слоем огуристой краски. Тысячу раз проходил мимо них. И только с недавних пор мы стали замечать друг друга. Зловещие предметы-иероглифы, чья магическая сила не действует, потому что люди больше не умеют ими пользоваться, словно окликают тебя, их очертания прорезывают сумеречный воздух четче и острее всего, что успели нагромоздить за последние годы те, кого нам хотелось бы, честно говоря, истребить, убрать с помощью не установленной инфекции... Кому придет в голову искать связь между руинами летнего кинотеатра и джентльменом, без видимой причины удавившемся у себя в ванне. Это задача для сумасшедшего или повод притворяться сумасшедшим.

Меня раздражает все, что блестит, пожалуй, кроме снега. Если я умываюсь, то свет зажигаю в уборной, чтобы не бил в глаза. С пачки сигарет удаляю целлофан полностью. Глянцевые обложки пластинок прячу в пакеты из полиэтилена, скрадывающие блеск. В отличие от Сермяги, я не нахожу пикантными женщин в очках, с известной нежностью я вспоминаю затылки, уши, те места, где шея, ухо и нижняя челюсть переходят в мягкое горло... Сзади, в сумраке и наоборот. Проще было бы признаться, что источником моей печали в том феврале был простой пролонгированный укол, сделанный мне еще в ноябре, в психбольнице. От него, как после трехдневных возлияний охватывает тоска, которая, самое неприятное, неизвестно когда

310

с замком впереди. Вещица застиранная, старая, а замок такой новый, что одно из двух, либо эта bimba регулярно его смазывает, либо есть кузнец, который следит за застежкой. Такие вещи должны были пропадать с веревок в общежитии МГУ, где скелетик с буклетиком что-то изучал. Все-таки стащила у афганской поэтессы Зеноб прямо с веревки. Слаборазвитые груди этой bimba sapiens прикрывала дьявольски смелая вещь. Без нее они нежно пульсировали на рельефных ребрах... Сейчас мне легко вообразить, что ее скелет покрылся чем-то нежелательно мягким, она должна напоминать размятую, отсыревшую сигарету. А кузнец? Сколько разочарований! Кто не способен рыдать, обречен хихикать до конца дней своих. Или хохотать.

Эх, любимая жизнь. Жаль тебя рассматривать, словно лицо и фигуру того, кто тебе нравится, кого хотелось видеть рядом всегда, когда пожелаешь, как циферблат. Где я слышал, где я мог слышать, где можно было услышать «Ай, ми, майн» в семьдесят первом году? Кроме радио? Из окна! Кто-то напел в окне на первом этаже, кажется из ванной. Этих домов еще не было. И в минимум десятках дворов, проходя под окнами, было слышно, раскрепощенные голоса поют одинаковую фразу: Ол сру зэ дэй, Ай, ми-майн, Ай ми-майн, Ай-ми майн». Потому что она им понравилась И целая жизнь впереди – лет двадцать Советской власти. А дальше, кто его знает, можно развернуться и повторить прожитое. Все можно. Вон «Ай ми-майн!» Кавказские причитания, пропущенные через Ливерпуль, и все поют! Разве это не доказывает, что в Халифате Благоденствия все можно? Кажется, я развеселился. И представил, что будет, если под теми самыми окнами, что и тогда, уже в наши дни ходить и напевать «Ай, ми, майн».

Ветер гнал мне навстречу газетный лист. Я остановил его ногой. Это была страница объявлений: «Данченко. Орехи, обои. Навоз: Рукавицы. Азиян: Видеосъемка». Здесь, рядом – ступен-

312

тебя отпустит. Неосторожное похмелье приводит к новой беде. Все вокруг обретает еще недавно столь для тебя драгоценный пыльный оттенок, ты просто теряешь способность видеть блеск, не замечаешь даже этот вот небывалое февральское солнце, даже если куришь в темноте – край сигареты не красный, а черный. Но нет, не только из-за одного укола было мне «адски плохо». Прежняя жизнь умерла, это стало ясно осенью девяносто третьего года. И холод, и сырость и не по сезону теплынь – все эти признаки подтверждают одно: околела, не дышит, разлагается. Чужое исчезновение кому интересно? Кто хочет знать, почему так убивается незнакомый человек? Иногда, с порога оглядывая свою комнату, я вижу ее. Она стоит ко мне спиной, у окна, в дамских изящных джинсах и ангорском свитере. Мне следовало тогда подойти, поцеловать ее затылок и тотчас удалиться, и не возвращаться, пока комната не опустеет. А ей не следовало оборачиваться, тем более улыбаться...

Драгоценная действительность портится на глазах, и настойчиво и нежно она зовет меня туда, где мы всегда будем вместе. А Зув, которого тоже гложет покойницкое преображение родных мест, приглашает, сулит мне «нездешний вечер» с участием «Магомаева». Легче не станет, но стоит пойти. Скоро и этого не будет. А если что и уцелеет, то перестанет радовать. Отпадет, не успев разонравиться. Станет частью чуждых интересов, чужого веселья, а ничто не угнетает, как оно.

Я шагнул в тень, и сразу ветер подул сильнее, стало холодно. Солнце надолго заслонила длинная многоэтажка. Облезлые балконы и кухонные окна с дециметровыми антеннами смотрели на Днепр. Когда-то карпатские узоры на балконах по-новому мерцали, отталкивая медвяное солнце, опускавшееся за Хортицу. Здесь происходили романтические прогулки. Мне вспомнился мягкий скелетик с книжечкой «San Remo '70». День настал, и буклетик с песнями был засунут в «лифчик-бесстыдник»

311

чатый фонтан. Из его пенистых волн Азиян выкрикивал заклинания неслыханной поэтической силы. Никто не обращал внимания, катили себе свои колясочки с младенцами. Я тогда еще подумал: а что, если бы единственной формой жизни в здешний край были бы фонтаны с азиянами? Там, еще выше – трамвайная линия, и есть мост над ней. Я по нему редко хожу, потому что не к кому туда ходить. Но люблю постоять, посмотреть вдаль. Есть мост, есть я. Потом кого-то из нас не станет. С моста виден спуск, где я обогнал трамвай. Хотел успеть в «Союзпечать» до закрытия. Мне очень нужен был один польский журнал. А его разыгрывали в лотерею. Вращали плексигласовый бочонок с прорезью. В этой большой больнице лежал с инфарктом мой дед и, навещая его, я впервые услышал группу Mungo Jety по транзистору...

Далее трамвайная линия пересекает узкую, но бурную речку. Вода в ней постоянно ржавая, цвета перекипевшего борща. В зарослях, скрывающих ее нездоровые берега, собирались книголюбы, их гоняли за спекуляцию. Ближе к месту выплеска отравленной воды в Днепр, где кончаются жилые дома, действовала ячейка изуверов-мальчиколобцев, с детским врачом во главе. Непостижимым образом им сохранили жизнь в обмен на сувениры из частей детского скелета, которые они тоже не выбрасывали.

Всех этих людей объединяет осведомленность. Они знали, у кого сколько боеголовок, и у кого из космонавтов от пьянства «не стоит хуй», и что Антонов стоит в английском хит-параде на третьем месте после Ти Рекс и Кристи, знали какой кусок вырезали из «Анжелики», и за что не лобит Советскую власть академик Сахаров, они даже успели выяснить, причем не из газет, что он – Цукерман.

Выпускникам бесплатных курсов «Как сдать на права и подхватить мандавошек...без особых усилий» было известно все.

313

Еще бы. Любой из них мог сунуть руку в карман и прочесть, как будет «один рубль» на шестнадцати языках. Это развивало лингвистическую интуицию до неслыханных границ. Между простых смертных важно прогуливались провидцы, которым удалось допросить судьбу, и та созналась: «Будущее принадлежит вам». У-гу. Один мальчик с испорченным в армии глазом слышал в песне Роллингов «Сестра Морфин» историю летчика, которому вот-то отнимут ноги. Знание будущего поощряет беспечность. Это как приписывать собственные ощущения тому, кто смотрит тебе вслед без благодарности: «Я так ничего и не поняла».

...Что-то тяжелое упало в темноте с глухим стуком на ковер. Будущее обступило этих людей, как вода в половодье. Но никто никого никуда не зовет их из тумана. Или они разучились понимать язык сирен?

Было время, эти нимфодембели с офицерскими лапами на незнающих поляроида жопках, могли даже с отрубленной головой перевести «115-ый сон Боба Дилана». И вот, когда надо, это называется, держаться мужественно. Стоять насмерть, как цветок в горшке, который Смерть, поставив косу в угол, упорно не желает приглашать на танец.

Я был бы рад, я был бы счастлив остаться в окружении предметов неодушевленных, среди всего, что не успели изломать и выбросить эти «кандидаты в мастера спорта». Мысленно, своей рукой не получится, я рисую серым грифелем уютное, опрятное кладбище на месте жилого квартала, деревья эти, без коры, платаны, что ли... «Совсем одни, весь мир почил в глубокой дреме, покоя час; и все вокруг ведут себя прилично, кроме – нас». Вот кукла, разве она скажет «Поцелуй меня», притворяясь, что спала. Зачем ей это! Она такую глупость... Ей нечем выдумать такую глупость. И что значит она, он, крещение, обрезание, потеря какой-то невинности, офицерские сардельки? Есть Ящерица, есть Сермяга, Азизян – я их знаю и мне достаточ-

но. Только что я пробовал переводить Кола Портера, это для себя, а эти любили другую песню. Ее слова слышатся мне всякий раз, когда приходится видеть, с каким упрямством они хватаются за жизнь: «Как я уйду, если ты не уходишь».

Говоря иначе, покойник скрывается в могиле, не сказав «прощай», зато живые соседи прощаются «иди на хуй» и не исчезают никуда. Как я уйду, если ты не уходишь? Теперь и она к вам прицепится, эта фраза из песенки.

Сон. Топистая местность вблизи Днепра, где мы якобы гуляли с Фогелем (ее там нет). Ледок, под ледком бегают вода. Вид словно из окна поезда, голые осины, они, похоже, выросли не из земли, а воткнуты, как попало, острым концом кверху. Небо и река цвета полированного свинца на другом берегу чернеет пристань-поплавок (она всегда была в другом месте, и оттуда ее тоже давно убрали). Выходим оттуда на автостраду. Машины сворачивают крысиным потоком, скользят, поблескивая оливковой чернотой. Говорю Фогелю: «Чем они виднее, тех нет. А полупрозрачные, как стеклянный окунь – эти есть».

Юлик смотрит вперед и молчит. Мы идем параллельно потоку машин. Одна из них легла передними колесами на кромку газона. Хочу посмотреть, какой она марки. К радиатору прилипла раздавленная кукла. Прозрачные и нечеткие попадают чаще. Сыро. Игольчатая мгла. Впереди словно фрагменты живописи – место, где живет Сермяга. По-воскресному светло-синее небо. Верх дома-башни, где мы безуспешно пытались сосватать Азизяну Манду Ивановну, скрывает рельефное, искристое облако.

Зуев позвонил и успокоил меня: «Все в силе. Он будет петь». В четверг за два часа до конца рабочего дня я вышел из дому (предстояла пересадка), и отправился на завод, откуда автобусом нас повезут в профилакторий. Зуев просил обождать его на проходной, я захватил с собой сборник страшных рассказов, купленный в Москве перед осенними беспорядками. Букинис-

тический отдел, где мне попала эта книга, исчез бесследно и навсегда. Я начал читать ее в поезде. Сосед, преклонного возраста человек, связанный с авиацией, зачем-то сводил разговор к Майклу Джексону, показывал билет на концерт. В его поведении было что-то от нарочно придуманного персонажа. Книжечку я дочитывать не стал, совсем про нее забыл. В один из первых дней октября звонит Зуев: «Слышал? Революция, гадство!» Я быстро ответил: «О-кей. Зиг хайль. Посмотрим». Смотреть оказалось не на что.

Я давно не выезжал в центр города. С фасада, знакомого мне учреждения смотрел герб ГДР, каким он мне запомнился по маркам. Циркуль, что ли... В троллейбусе встречаю бывшего соседа: Где ты, как ты? Продаю диски в «Стереорае». Он сказал, что все возвращается, и с улыбкой вышел раньше меня. Первая мысль, глядя на давно знакомую личность: а вдруг скоро умрет? И это пугает. Тогда почему не пугает: а вдруг проживет еще лет тридцать?

Мало кому известно старое название этой остановки. «Узловая». В этом месте по утрам происходила пересадка с автобусов и троллейбусов на трамваи, доставляющие рабочих к заводам и фабрикам. Долгое время туда ходили трамваи старого образца, с сиденьями, выложенными из деревянных планочек, вытертых бесчисленными пальто и брюками пассажиров, часто это были одни и те же люди. Пока ходили эти вагончики, на таком сидении легко представлялся задумчивый Коля Рыбников, мечтающий скорее сойти и на морозе закурить...

По-своему красивые, фантастические места – эти заводские корпуса, остановки, которые хочется называть полустанками. В каюте фабрики смерти можно было бы их переоборудовать, если бы жажду наживы и безумие смогла победить воля к равновесию и покою. Закачаешься. А по вечерам на «Узловой» собирались любители музыки «бит». Это в шестидесятые года, конечно. Витрина универсама отражала фигуры молодых лю-

дей. Одетые манекены глазели сквозь них на асфальт. Будущие мясники и следователи держали переносные магнитофоны, кто за ручку, кто исподнизу, как талмуд, прижимая торцом к животу. Внутри аппаратов сумрачно вращались катушки за прозрачной крышечкой. Звучали они глухо, понять, кто поет, можно было, отойдя шагов на двенадцать. Однажды к Вите Носорогу подошли люди в другой улице, и спросили: шо у тебя играет? Витя ответил: Джонс. Люди сказали: А у нас – Манкиз. Дайте нам пройти с вашим Джонсом по проспекту до Почтамта, а вы с нашим магом дойдете до Сталеваров, и обратно. Встречаемся здесь. Потом замулячим – выпьем вина...

«Муляка» от немецкого *mul* – грязь, рыбы какашки. Тихий вечер, теплый вечер, Манкиз, Джонс... Если бы знать точный день и час этой встречи, можно было бы ее воспроизвести. В кино повесился поп – и покойники оживают, первой из-под бутафорской листвы появляется лыса голова мулявинского Гусляра. Возможно, все убийства и самоубийства – это bestlokalnye попытки повернуть время вспять. Отмотать назад Джонса и Манкиза. Вообразите, мутнея и обостряясь на глазах, видоизменяется символика. Машины, сделанные не здесь пятятся, откатываются за границу. Уверенные в себе спортсмены, жиды, педерасты и новые русские беспомощно трепещут, молодеют и превращаются в тех, кем они появились на свет – малокровных недоносков евразийского типа. Это выражение Кроули. Об этом мечтали Лавкрафт и Панночка у Гоголя, но самым крепким колдунам покамест не удалось то, что сумели сделать, мечтаю только о «муляке» Витя Носорог и говнистые ребята с Двадцать первого Партсъезда. С миром и по-хорошему они обменялись магами, прошли одни под Манкиз до Сталеваров, другие мимо (он только строился тогда) Интуриста до Почтамта под голосисто Тома, вернулись обратно и выпили! Вот это «Город живых метвецов!»

«...не стало птиц с их привычным щебетом. И вот в мертвой тишине начала отделяться с пронзительным скрежетом передняя стена газировочного автомата «Харків». Выпал и разбился стакан. Вскоре она с грохотом рухнула на асфальт, и из открывшегося нутра выступил Золин Гот-Зол. Он был затянут в малинового цвета бархатный комбинезон и знакомые всем завсегдатаям кафе белые ботинки. На его груди висело пластмассовое кольцо, и всем было известно, что это кольцо от детской погремушки обладает магической силой.

В ночь, когда в профилактории Гидролизного завода праздновали пятидесятилетие предприятия, Кафир отнес трупик Костогрыза в корпусе магнитофона «Дніпро-14» на холм Сатаны, и уже собирался было вырыть яму, чтобы предать злосчастного уродца земле, но внезапно ночное небо там и тут осветилось красными сполохами, в вышине образовалась сфера, и от ее центра пошли по небу черные круги. Ударил молния и ящик запылал. Когда догорели последние щепки, Кафир обнаружил под пеплом кольцо синеватого цвета с морковными крапинками. Пластмассовое на вид, оно даже не оплавилось.

Незадолго до своего бегства в Сарториал, Кафир проиграл это украшение Гот-золу, в шашки. Это случилось вечером в таксопарке. На другой день Гот-зол из города исчез.

Вещь называлась «Свечи Пирнукзара». Автора звали Макс Мирзоев. Пока ничего ужасного не произошло. Я сидел с книжкой у окна рядом с вахтой и ждал Зуева, с которым успел поговорить по внутреннему телефону. Начинало темнеть. Чорт, задерживает, подумал я без злобы. Гримируется, наверное. Может быть, там и фабрики никакой уже нет...

Каждый день что-то исчезает, забывается. Чтобы потом вспомниться, когда уже не воротить. Я понял, что пропало с трамвайной остановки – коопторг в угловом доме. Мы брали там домашней колбасы и свежайший хлеб на закуску с Сермя-

318

не улицы, еще раз поглядел, играя магическим кольцом, на немую сцену у кафе «Пять ступенек», и больше уже не оборачиваясь, зашагал в сторону Крытого рынка.»

Прогрел взрыв и над крышами домов повисло в воздухе облако пыли и черепичных осколков – все, что осталось от мясного павильона...»

Хлопнула дверь, я поднял голову, передо мною, одетый по-рабочему в ватник, стоял Зуев.

– Прибыли? Отлично, приветствую.

Сверкнув глазами, он с энтузиазмом пожал мне руку:

– Шо читаем?

– Так, современная проза.

– Понятно. Класс.

– Если хочешь, возьми.

– Спасибо. Ух ты, фантастика? Гадство, нет времени читать. Еще минут десять, видишь автобус, грузимся и едем. Молодец, ты пришел, не пожалеешь.

В солидный «Икарус» садились отчасти знакомые мне музыканты, люди моих лет, и еще кто-то не аристократического вида. Видимо, с работы прямо туда, догадался я, правильно. Ехать было покойно, машин невообразимо мало, хозяева берегут бензин. Я тихо спросил у Зуева:

– А где «Магомаев», покажи?

– Звезда уже там, – успокоил меня он – Сам узнаешь.

Сидя вблизи сорокапятилетнего ударника, я поражался его прическе – светло-коричневые волосы лежат строго по пробору, прикрывают уши где-то всего на один дюйм. Лицо усталое, лосиное, выпирает из-под волос. Только глаза с огоньком (хотя лет десять как ни рюмки, ни капли) и укладочка как у Лещенко или МакКартни. По-моему надежный, вполне хороший человек.

Не доезжая до большого моста через реку, автобус плавно свернул на асфальтовую дорогу, ведущую вниз, через сосновый

320

гой. Теперь целый магазин взят могилой, и где она – искать бесполезно. Кому-то снятся покойники, а мне являются с того света неодоушевленные предметы. Не во сне, последняя встреча в Фогелем закончилась в рюмочной, тоже был февраль. Он в сдвинутой на затылок шапке, полубухой поломился вытаскивать свои колпаки. Когда-то уверял меня, что они сделают его миллионером, неотличимые от фирменных, колпаки. Зуев тоже все умеет, золотые руки, но где же он?

«...и вот теперь он стоял рядом с развороченным чревом сатураторной установки, сжимая и разжимая свои зеленые кулаки и всматривался вдаль. Очевидцы гот-золова возвращения, не мигая, наблюдали самую кошмарную в истории города, явь. В большинстве своем игроки и торговцы, они догадывались, что сейчас произойдет...

В комнате отдыха мясников на газовой плите стоял казан, в казане варились ребрышки. Две бутылки водки на столике поджидали проголодавшихся рубчиков. К глянцевому календарю с женственным юношей, вокалистом модной группы, был прикреплен полосатый галстук, все, что осталось от Коли-коммуниста.

Старший мясник, по кличке Международный, дальний родственник Кафира, убил и съел несчастного Колю прямо в аэропорту. Коммуниста (его звали так не за партбилет, а за честное лицо) посетил во сне Моррисон, и сообщил о своем намерении вернуться в этот мир на гурзуфском пляже. Коля выпрыгнул из постели, поймал такси и помчался в аэропорт. Где его ждала мучительная смерть в лапах Международника. Он не знал, что Кафир заколдовал все самолеты.

Постояв какое-то время без движения, Золин Гот-зол качнулся на каблуках и потопал по асфальту к подземному переходу. Прежде чем туда спуститься, Гот-зол повернул голову, его спянное из тонких медных пластин лицо разрежала зловещая, многообещающая улыбка. Чуть погодя он появился на другой сторо-

319

бор, к профилакторию. Со стороны здание мало изменилось, все так же мерцали елочка у крыльца, нездешним голубоватым светом. Для отвода глаз я подхватил у музыкантов усилитель и отнес его за кулисы, куда идти, я помнил. Но описать не смогу. Честному человеку с помощью слова ничего не добиться. По-моему, со слов началось загрязнение окружающей среды. Римляне и греки пустили в Европу экзотических рабов, по сути «привезли сюда джаз». Очень наивный человек будет верить, что «В начале было слово». По-моему, это формула-хохма, придуманная тоже для отвода глаз большими людьми из Иерусалима (уверен, что там были и нормальные). Вот я сейчас говорю вслух: «Азизян, появиись! Азизян, пиздани шо-нибудь!» А в ответ тишина. Ничего не происходит. Может быть, я произношу не те слова? Лучше собрать за круглым столом культурных, похожих на Аллу Демидову, гадалок, у которых на лобке растет мох, и пусть они вызовут дух философа Мамедашвили, а он с того света ответит, что было в начале. Где есть мох, там и дух.

Ленина не убрали, бюст по-прежнему стоял на сцене, только сбоку. Одно время силачи, чтобы отличаться, двигали эти бюсты на глазах у публики во время бурных собраний. Зато в конце актового зала появился просторный, хоть спать ложись, бильярдный стол.

– А почему не играют, спросил я Зуева.

– Шары с киями у Тимофеича, – пояснил он, привинчивая тарелку.

Я удивился:

– Надо же, Тимофеич еще работает?

– Тую, конечно. Бухает, но держится. Это кадры старой закладки.

Тимофеич был действительно заводской денди, трудящийся джентльмен, он одевался с привычной аккуратностью отставника, все в нем было основательно, чисто и крепко, от

321

башмаков до мундштука. Он был совершенно лыс, ходил в костюме, под пиджаком носил свитер, взгляд веселых глаз на лице, отделанном ветром, алкоголем и солнцем, поражал опять же не здешней живостью.

– У него в каптерке теперь же жь видео, – сообщил, понижив голос, Зуев – Ставит бабам, те пугаются, но смотрят, заразы, – он подмигнул и принялся прилаживать педаль к большому барабану.

Чтобы не мешать, я слез со сцены, пошел в конец зала и уселся на стул, с откидным, как в кинотеатре, сиденьем. Вскоре из белой двери за спиной появился, в точности такой, каким я его описал, Тимофеич, в сопровождении высокой дамы в короткой нараспашку дубленочке и на каблуках.

– Вова, с приездом, – коротко бросил он ударнику, пока он пробовал уже собранную установку.

В даме я признал певицу, видел ее где-то еще, может быть в одном из обычных ресторанов. Знакомое, но уже усталое лицо, правда, все еще озорная прическа. Подзавитые волосы напоминают парик, шея длинная, приятный задривок, увядший подбородок, кружевной ворот. В любой одежде кажется раздетой – исчезающий вид. Открытые части тела нового поколения волнуют, манят, как палец из дырявой варежки: «Иди суда». Неужели она тоже до сих пор поет? Но где же «Магомаев»? Звезда не должна торопиться, правильно делает, что не покидает номер раньше времени. И выпить, наверное, есть.

«Моя ты рыбонька», – миниатюрный мужчина в легком костюме целовал, тыкался носом в шею и щеки дамы в короткой дубленке. Дьявол, и он здесь, мой любимый конференсье! Ради него стоило сюда прийти, даже без магомаевских песен. В отличие от Тимофеича, с его голым черепом Юла Бриннера, этот выходец из прошлых десятилетий, свободно потряхивал зачесанными назад прядями пегих волос. В самодеятельности

322

сидят аккуратным горшочком, в глаза не лезут. А я лысею, стал похож на сутенера...

Он молча стоял в правом портале. Я сразу понял, это он – Silver Fox. В спортивном костюме, с животом, но это был «Магомаев». Одной рукой он прижимал к животу микрофон, другой почесывал бедро. Время перед концертом всегда тянется до тошноты медленно, себе назло в рот попадет лишняя рюмочка, за ней другая, почему бы нет? Его удлиненные, под Хампердинка, волосы, равномерно, по-елочному, покрывала серебристая седина, вот почему я мысленно обозвал его Silver Fox.

Рабочие все азартнее гоняли шары. Все чаще те с грохотом ударялись об пол и выкатывались на середину зала. В конце концов, это надоело певцу и, не поворачивая головы, исподлобья глядя себе под ноги, он раздельно произнес:

– Коля, выгоняй их на хуй. Хватит долбать по голове!

Никакого Коли в зале не было, и никто не подумал сию минуту прекратить стук. Певец проходил с ансамблем новую, неподходящую песню: «В ресторане у окна, я жевал кусок говна...закружило голову...ах какая пожилая» и так далее. Бойтся отстать от времени, подумал я, что же, понять можно. Что-то явно не понравилось Серебристому Лису в аккомпанементе и, оборвав «Ах, какую женщину», он по-прежнему, глядя под ноги, выдавил в микрофон:

– Та ну вас на хуй, еб вашу мать...

– Видал, звезда нервничает? – азартно спросил Зуев перед самым концертом.

– Он мне очень понравился, – я ответил правду, – Спасибо, что привез меня сюда. В этом человеке есть класс, сразу видно.

– Ну так, я о чем же и говорю!

Первым на сцену вышел Гриценко и сообщил, что вечер отдыха будет в двух отделениях. Сначала – концерт солистов самодеятельности, потом – танцы. Это хорошо, потому что я

324

он с конца пятидесятых, и продолжает читать со сцены старые фельетоны в стихах, которые для молодежи, как заклинания непонятных демонов, правда, иногда конференсье меняет фамилии политиков. Вместо Джонсона, допустим, Рейган, потом Буш, а дальше видно будет.

Музыканты настроили аппаратуру, Зуев, вытирая руки большим носовым платком, мотнул мне головой. «Что такое?» – спросил я глазами, подходя к краю сцены.

– Пошли, поберлем за счет заведения.

– Пошли.

В столовой, кроме нас, никого не было. «Вова, насыпать тебе рассольничка? Полмысочки осталось.» – «Та что ж, насыпайте».

Мне достались бледные макароны с хлебом. За едой мы обсуждали старые группы, в отличие от других, Зуев не испортил себе вкус джазроком, кое-что знал.

– Надо, чтобы Толя обязательно исполнил «Солнцем опьяненный». Это коронка, – он несколько раз, как заклинание повторил эти слова.

Вернув посуду и поблагодарив поварих, мы поднялись в фойе. Там курили артисты в окружении молодых женщин и мужчин. Все они работали на зувевском заводе. Как почти всех, кто работает под одной крышей, их связывала общая похожесть. Легко представить себе, какие романы завязываются в этом месте. Кажется, они успели незаметно выпить. Мне никто не предлагал. А я здесь выступал и не раз, и танцевали.

В актовом зале горел малый свет, и несколько фонарей освещали сцену с карниза. Вдоль бильярда сновали силуэты в спортивных костюмах. Тимофеич выдал рабочим кии с шарами. Я присел поближе к сцене. Меня увидел басист, с улыбкой пробуя гитару, наиграл что-то из Битлз. Совсем не меняется человек, сколько же ему лет, благодушно удивился я, и волосы

323

видел как он танцует, делает вид, будто разбрасывает какие-то семена или жетоны. Танцующий Гриценко показался мне собачкой в костюме, и движения его подчинялись какой-то собачьей логике. Из горла конференсье мог вырваться сухой отрывистый лай: А! А! А! Но его заглушала музыка.

Молодежь была не в восторге от старика на сцене, и не скрывала своего пренебрежения. Тогда он пошел на риск, бросил читать про Пентагон и хриплые звуки саксофона, и принялся назойливо изображать новейших телесмехачей, чуждых ему классово и этнически. Он приставал к публике, задирая «мужиков», не обладая и крупницей нахальства тех, кого видел во ТВ, и это погубило его окончательно. Три песенки – одну лирическую, две быстрых, спела дама в короткой дубленке. Перед микрофоном она выглядела старше и проше. Лучше пусть декламирует слова лежа на боку, раздувая тлеющую старость, своим потешным акцентом, а я буду дуть на ее пылающее ухо. Сказать ей об этом? Пока еще не поздно...

После третьей песни к певице подбежал Гриценко, гримасничая, он поцеловал ее в щеку и проводил за кулисы. Он вернулся, выдержал паузу и объявил, возбуждаясь от звука собственного голоса:

– А сейчас, я вижу, скоро появится **белый сценический костюм!**..

К микрофону приблизился Silver Fox. Дослушав болтовню Гриценко, он взял его за воротник, или как здесь говорят, «за шкірку», развернул и нежно подтолкнул к кулисе, мол, хватит болтать. Гриценко направился туда гусиным шагом. Прежде чем скрыться, он выглянул и радостно сказал:

– Он меня любит.

Дмитренко начал с новых песен. По его лицу певца было видно, ему нравится, что они, фальшивые и неяркие, звучат как-то благороднее, солиднее в его исполнении. Когда смолкли

325

аплодисменты, снова выбежал Гриценко, и размахивая руками в пиджачных рукавах без микрофона объявил:

– Бабаджанян...Арно Бабаджанян...Слова Рождественского. «Благодарю тебя».

Белый сценический костюм посмотрел на легкого (в чем жизнь держится?) конферансье с беззлобным укором, и тот, уходя за кулисы еще раз повторил себе под нос «Он меня любит».

Пока длилась песня, я, чужой, в общем-то здесь человек, пожалел, что нет с собою водки в боковом кармане пиджака. Да и пиджака, тем более, костюма, у меня тоже нет. Камзол я оставил дома, надел менее нелепую куртку с заклепками и дырявыми карманами. Песня кончилась. Я зааплодировал первым. После небольшой паузы, без объявления, бэнд грянул вступление. Кто-то их стариков успел выкрикнуть: «Молодец, Толя!» Это «Солнцем опьяненный», ее сходу узнаешь, сразу определил я, и, если можно так сказать, на ушах появились слезы, какая разница, слух подернулся влагой. Она начинается как «Lucille» Литтл Ричарда, настолько старообразно, что я хорошо представил пустое место, там где я сидел. Зуев барабанил четко, соблюдая все скучные маньеризмы стиля «биг-бит». Волосы двигались вместе с кожей лба, и я снова подумал, а вдруг и в самом деле это у него парик?!

«Шагает солнце по бульвару...» Во время песни, казалось, ее потребуют спеть еще раз, но этого не произошло. Танцевальную часть программы я прослушал невнимательно, с закрытыми глазами.

В салоне автобуса горел свет. Пока собирались пассажиры, Зуев попросил у меня книжку.

– Да ты оставь ее себе, – сказал я, не понимая, куда ее положил. Она была в заднем кармане джинс. Зуев надел очки и вполголоса забормотал: «Золин Гот-зол вошел в лабораторию и поставил на столик бутылку со спиртом. Восседавший в кресле

326

три государственных порножурнала, и никого никуда не выпускать. Да никто бы никуда и не рвался. Нормальное, доступное порно по подписке, и все бы сидели дома. Люди перестали бы краситься. Равнодушие ко внешнему виду превратило бы декана Берга в лохнесское чудовище. То есть, его бы нигде не было видно. Существует, но где на него можно посмотреть – загадка. Возможно, это не декан Берг, а всего лишь коряга, или водоросли. Ты понимаешь, какие намеки содержит текст «Благодарю тебя»? «За шепот и крик»? Кто шептал, на каком языке и отчего она кричала? Фу. Великолепно спел Анатолий Дмитренко. Предупреди, если он будет еще выступать.

– Толя не каждый раз соглашается. Это тебе, мне, нам понятно, что он гений, а молодым до лампочки.

Зуев явно не понимал, куда меня занесло, но я решил не останавливаться и нагромоздить как можно больше чудовищных мыслей:

– Этими языками в школе только сбивали с толку и без того обреченных ребят. Тем более по вечерам «англичанок» можно было увидеть в «Интуристе». Не за пустым столом они сидели\*. А в сумочках лежали «ключи от вонючих квартир»\*\*, где после кабака, они могли переводить, что написано под картинками.

Зачем умение читать большинству? Что оно им дает? К чему приводит грамотность – только к гибели лесов, к отравлению рек, где должен плавать неграмотный, дикий Берг, которого и не видел бы никто. Скажи мне, какая больше, если наш

\* Ты помнишь, какую водку там подавали? «Столичную» фабрики Кристалл. Самолетом из Москвы каждый день. Чтобы эта полуграмотная пиздота в перекрученных колготках была довольна! Да, Володя, в Интуре нашем, они пили то же самое, что в Студио'54 и в отелях Лас Вегаса, где посаженным голосом пел великий Фрэнк. А тут, блядь, под Заячью Губу...

\*\*Из песни В.Шангрикова «Маски» .

328

Азизян молча приветствовал гостя кивком головы. Из темени Азизяна росла чешуйчатая антенна с наконечников в виде уменьшенной копии планеты Сатурн. Сквозь распахнутые полы велюрового лапсердака виднелась сетчатая шкура. В синих пальцах кондитера был зажат граненый мундштук с дымящейся сигаретой...»

– Вот же жь мыло, гад, печатают, и кто такое мыло пишет, хотел бы я знать? – возмутился Зуев.

– Максим Мирзоев, Вова, – спокойно ответил я, – русский Берроуз.

– Ото Берроуз, тоже еще чудо в перьях! И чем там все заканчивается?

– Азизян съедает Золин Гот-зола, но не может переварить отдельные детали. А что переварил, отходы, то есть, попадают в руки Марка Каминского, который держит кафе «Купаты». Купатерия. Нет, местами довольно смешно, ты возьми, дома почитаешь.

– Лёнчик, – в голосе Зуева послышалась досада, – мне времени нет читать всю чушь, – он положил книжку мне в ладонь, – Забирай.

Я обождал, пока он успокоится. Мне не хотелось раздражать человека, который связан с «Магомаевым». Вскоре он первый нарушил молчание:

– Декан колледжа косметологии...какой-то Берг подох, отдал богу душу, шестьдесят девять лет. Говорят, пачками жрал средство Powerpills.

– То есть, конский возбудитель?

– Забудь это слово.

– Кстати, по поводу просвещения! Я имею в виду деканов, колледжи и Powerpills. Мне, например, было непонятно, зачем в школе делают вид, будто изучают иностранные языки. Помоему, это лицемерие. Думаю, было бы достаточно назвать два

327

общий знакомый Коваленко читает, баран, древних греков, только чтобы, – я понизил голос, – выебываться перед дурочками, которые ему подставляют, потому что тоже начитались, что это обязательно надо делать? Прежде всего, никакой пользы самому Коваленко, это неисправимый холоп, ты его знаешь. Кстати, этот дурак, с испорченным в армии глазом, снова начал собирать марки, ходит по толчке, пялится в лупу. Пусть передохнут люди, большинство, тогда уцелевшее меньшинство будет обязано отказаться от ненужных вещей.

По-моему, наши педагоги поступали, как деторастлители, скрывая от доверенных им детей опасность и вред одного, называя при этом другое. В них чувствовалась порочная готовность делать с учениками молодежные глупости, под новую музыку. Впрочем, растлителей с возрастом принято жалеть и поощрять.

Я ненавидел приносить пользу обществу, служить в армии, ходить на работу. Мне уже тогда было ясно, для кого это создается, кому позволяют выживать по дешевке, за чьи дрожжащие яйца идет торг с Западом, кого выкармливает себе на погибель Империя Зла на сороковом градусе минетного блаженства, готовая простить что угодно кому угодно. Иногда в детсадах крысы-самоубийцы прыгали в кастрюли с кипящим молоком, но если не дошли от смертельных доз взрослые, то что говорить о детях? Они подрастали, набираясь наглости, чтобы сказать, пыхтя пиздятиной: «спасибо тебе, Советская Власть, что позволила от тебя отречься, предать тебя безнаказанно! Пощадила нас, теперь погибай и любуйся, коль твое предназначение было дать выжить недоношенному и малокровному».

Надо было строить прочные дома, чтобы в них открывали магазины, где продаются книги вонючек? Вонючек, способных описать все, кроме собственной вони (как ненавидел их за вонь Фрэнк Синатра!), на бумане из мертвых деревьев, тех, на чьих

329

зеленых ветвях должны были бы висеть их гнилые туши. Для кого открывались доступные кабаки? В них теперь презентуют новый роман «Чем затыкалась Сруль», и вручается премия «Старой Жопе на босоножки», ты знаешь, кто у нас Старая Жопа.

Где смерть? Где эпидемия, которая должна была опередить предательство, и оставить посреди безлюдия и безмолвия в чистом воздухе монументы имперского величия?! Вот как повлиял на меня ваш концерт.

Не могу сказать, как повлияла моя речь на Зуева, но когда мы пересели из заводского автобуса в обычный, маршрутный, он, опередив мою руку, буркнул:

– Не надо, Лёня. Я заплачу.

Вот что значит, человек со стажем. Кто способен долго работать, тот умеет долго и о многом молчать.

Если играет давно знакомая песня, не замечаешь, тянет ли запись или наоборот, крутится быстрее. Ты и так ее отлично помнишь. Жизнь то же самое. Знаешь, в каком месте грохнут гонг, когда отрыгнет в сторону полубухой солист.

Сумрак под сводами арок, в углах домов, где свисают водосточные трубы, тень под деревьями – это наяву. А полосы солнечного света – это сон. Во сне солнце светит откуда вздумается и заходит куда вздумается. От этой мысли, коротко фыркнув подобием смешка, я словно очнулся. Я не уверен, ездил я трамваем туда, откуда потом – автобусом. Зуев говорит, что оба – Дмитренко и Гриценко (кажется, правильно будет все же Грищук или Гринчук) ушли в мир иной, но разве это доказывает, что они когда-либо существовали? Или я оплакиваю то, чего не было? С таким же успехом можно прибавить откидной мост на цепях и рыцарские доспехи в жирной пыли, то есть, в копоты перед входом в заводоуправление.

Два дня назад наступил Новый год. Позвонил Сермяга: Говорит: «в ванне заливное из белья. Стирать не могу, руки дро-

жат, ебать-копать. Тело все чешется, то ли от грязи, то ли инфекция. Ночевал тут один козел, может от него подхватил...»

Я не спрашиваю имени козла. Мне и так понятно, что Сермягу посетил нормальный средневековый демон Шабаша, или великий бог Пан. С рогами и пристальным взглядом. Среди новогодних даров, который получил от него Сермяга, он наметнул только на один: Стоит закурить, начинается «рыголетто», из глотки вот так пельмени летят. Тук-тук-тук об дно кастрюльки. Неудивительно, что Сермяга почти не ходит по магазинам.

Гриценко больше нет. Дмитренко больше нет. Не о ком стало сказать «звезда волнуется». Зуев сообщает, что новые хозяева предприятия решили совсем упразднить художественную самодеятельность. И она без сопротивления прекратила существование, в точности как это произошло с магической реальностью, которой она обязана своим возникновением. Обмен опытом между злыми людьми прекращен, они крестят внуков, и покрашенные звезды не сулят им скорого возмездия. Белый сценический костюм. Он меня любит. Коля, выгоняй их на хуй. Хватит долбать по голове. Кого мне действительно не хватает? Куда я стремлюсь? Мода нет. Путешествия меня мало интересуют (а модники и путешественники малодохнут), главное ходить в одних и тех же вещах по одним и тем же маршрутам. А остальное придумают за тебя.

Подозрительно много уцелело стариков, готовых в здравом уме рассказывать, как было дело, кто автор слов, а кто автор музыки, и почему надо, как в интимном разговоре с незнакомкой, благодарить «за шепот и крик». Клизма в стакане изобразила рыдания и экстаз.

## СОДЕРЖАНИЕ

Dracula A.D.1972 .....	5
Мельник .....	41
Свидание симулянтов .....	59
Смех Армянского Карузо в бакланстве (миниатюра) .....	79
Поплавок .....	85
Что видела рыбка .....	91
Другая жизнь .....	101
Что-то его гложет .....	109
Сарычев-Бернарычев .....	115
Бесфингер (рассказ-аллегория) .....	129
Черная стрела .....	145
Эмбрион (ликующий) .....	181
Кокосовый телефон .....	223
Товар для Ротшильда .....	245
Разные судьбы .....	275
Куда смотрит Хамп? (киноповесть) .....	283
Солнцем опьяненный .....	305

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВ  
KOLONNA PUBLICATIONS И МИТИН ЖУРНАЛ

Александр Анашевич, *Сигналы сирены*

Андрей Башаримов, *Инкрустатор*

Андрей Башаримов, *Пуговка*

Уильям Берроуз, *Дикие мальчики*

Уильям Берроуз, *Кот внутри*

Уильям Берроуз, *Дезинсектор!*

Уильям Берроуз, *Порт святых*

Шиш Брянский, *В нежном марше*

Шиш Брянский, *Стихотворения*

Дмитрий Бушуев, *На кого похож арлекин*

Дмитрий Волчек, *Девяносто три!*

Пьер Гийота, *Проституция*

Евгения Дебрянская, *Учитесь плавать*

Евгения Дебрянская, *Нежная агрессия паутины*

Джеймс Джойс, *Уэйк Финнеганов*

Аркадий Драгомощенко, *Китайское солнце*

Александр Ильянен, *И Фини*

Александр Ильянен, *Дорога в У*

Вадим Калинин, *Килограмм взрывчатки и вагон кокаина*

Маруся Климова, *Голубая кровь*

Маруся Климова, *Домик в Буа-Коломб*

Маруся Климова, *Морские рассказы*

Ольга Комарова, *Херибрудер*

Елена Костылева, *Легко досталось*

Алистер Кроули, *Завещание Магдалины Блэр*

Андрей Левкин, *Междоусервие*

Илья Масодов, *Мрак твоих глаз*

Илья Масодов, *Небесная соль*

Илья Масодов, *Ключ от бездны*

Илья Масодов, *Черти*

Катя Метелица, *Азбука жизни*

Ярослав Могутин, *Америка в моих штанах*

Ярослав Могутин, *Роман с немцем*

Фланнери О'Коннор, *Мудрая кровь*

Егорий Простоспичкин, *Разговоры с Донной Анной*

Филип Ридли, *Страх гиацинтов*

Татьяна Щербина, *Книга о плюсе и минусе*

Владимир Эрль, *В поисках за утраченным Хейфом*

Георгий Осипов  
**ТОВАР ДЛЯ РОТШИЛЬДА**

Издательство ООО «Митин Журнал»:  
Россия, 170024 Тверь, а/я 24001  
Формат 70x100/32, объем 4 п. л.  
Подписано в печать 6 июня 2003 г.  
Бумага офсетная № 1.  
Гарнитура NewBaskerville.  
Тираж 1 500 экз.  
Заказ 109.

Отпечатано в России  
на ОАО «Тверской полиграфкомбинат»  
170024 Тверь, пр-т Ленина 5

